

Григорий Ананьин Божьи садовники

Григорий Евгеньевич Ананьин

Божьи садовники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69571057

SelfPub; 2023

Аннотация

Вся Земля – это сад Господень. А раз так, в этом саду созревает урожай, и кто-то должен его убирать. И поэтому, когда приходит время, с небес спускаются они – мальчики с черными крыльями. Их работа – забирать людские души и относить их Богу. А еще они – самые обыкновенные ребяташки, которым случается плакать и смеяться, ссориться и мириться, впадать в отчаяние и хранить твердую веру. Об их трудах и заботах, сомнениях и надеждах, горестях и радостях – эта книга.

Григорий Ананьин

Божьи садовники

Глава 1.

Мертвый дом

Если лететь на Камчатку из Петербурга или другого западного русского города, придется пересечь ее всю; некоторые говорят, что это неудобно, но ведь есть и на что поглазеть. Правда, для этого требуется хорошая погода, которая в тех краях бывает нечасто, да еще чтобы место продали не какое-нибудь, а возле иллюминатора. Зато уж если повезет, редко кто останется недовольным: разве что старые брюзги, которые и на самом смешном фильме умудряются делать кислую мину, и сам Бог не скажет, как у них это получается. Западный берег Камчатки, который омывает студеное Охотское море, плоский и болотистый, но он таков лишь затем, чтобы сильнее оттенить красоту вырастающего за ним Срединного хребта. Горы эти проходят через весь гигантский полуостров, от севера и до юга; они совсем юные и, пожалуй, даже не помнят некогда бродивших по земле огромных ящеров. Гордые своей силой и молодостью, они то грозно вздрогнут, и тогда по телевизору говорят об очередном землетрясении, то с грохотом выбросят высоко в небо

серую тучу пепла, а по их склонам изольется огненная лава, подобно жидкому металлу; свысока смотрят они на древний Урал, пусть тот и богаче недрами. Самолет летит дальше, и вот под крылом уже река Камчатка, давшая название всему этому краю. Весной и летом она вся бурлит от входящего в нее лосося, и тогда на ее берегах во множестве собираются медведи на пир и провожают самолет удивленными глазами. Пилотам нет до них дела; вскоре показываются уже другие горы, выходящие к Тихому океану, и среди них выделяются Ключевская, Кроноцкая и Корякская Сопки; словно три богатыря, стоят они у восточного рубежа России. Недалеко и знаменитая Долина гейзеров, где прямо из земли бьют термальные источники, покрытые паром; некоторые из них так горячи, что в них можно сварить яйцо всмятку. А вот и Авачинская бухта – конечная цель путешествия; на ее берегу стоит Петропавловск-Камчатский – центр всего края. В 1854 году храбрые русские моряки разгромили здесь англо-французский десант; с тех пор, говорят, неупокоенные души англичан и французов скитаются вдоль берега, в скалах, протяжным стоном пугая морских птиц.

Тодик очень давно слышал эту легенду, но не рассказывал о ней даже Морти: друг ведь мог разуверить его, а кому же охота быть разуверенным? Призвать в свидетели птиц Тодик тоже не мог, хоть и пытался их расспросить: чайки чересчур суетливы и, не дослышав вопроса, улетают в море за рыбой, а если и ответят что-то, так галдят, что ни слова не разбе-

решь. Так ничего и не вышло у Тодика с этой затеей; он, впрочем, не слишком-то и огорчился, а в столь солнечный и тихий день, как сегодня, ему и подавно не хотелось переживать о чем-либо. По мольбам туристов Бог посылает такие дни, думал Тодик, а больше он ни о чем не думал: он ждал того, что произойдет на земле, но смотрел в небо – светлое, родное, бесконечное. Вдруг что-то мелькнуло перед его взором; мальчик скосил глаза и тотчас ощутил на своем лице приятный холод.

«Снег? Откуда?»

Снежинка, которая таяла на самом кончике его носа, молчала; вслед за ней опустилась вторая, затем третья, четвертая, пятая. Тодик принялся считать их: ему казалось, что снежинки пришли к нему в гости, и было радостно, что гостей так много. Сперва Тодик считал про себя, но затем его губы непроизвольно начали шевелиться: «Двенадцатая... Тринадцатая... Четырнадцатая... Пятнадцатая...»

– Стопятисотая!

Тодик не успел дернуться: кто-то, подлетев сзади, обхватил его одной рукой, а чья-то мягкая ладонь закрыла лицо, отчего все сразу исчезло – и небо, и солнце, и снежинки.

Тодик рванулся:

– Пусти!

– Загадку прежде отгадай!

– Какую еще загадку?

– Когда снег при солнце бывает?

Секунд десять Тодик размышлял, потом сдался:

– Ну не знаю я!..

– Дурачок! Когда надо, чтобы кто-нибудь этому радовался!

– Ух ты! А ведь и правда! – Тодик открыл глаза и прямо перед собой увидел смеющееся лицо товарища.

– Морти! Напугал ты меня...

– А ты думал, тебя бес в объятиях держит?

– Тут на всякое подумаешь, когда ты подкрадешься тихой сапой... Слушай, Морти, – Тодик перевернулся кверху спиной и показал рукою куда-то вниз, – вон тот гейзер через час начнет фонтанировать. Давай вместе посмотрим, как он извергается. Вдвоем интереснее!

– А ты почему знаешь, что через час? В будущее заглядывал?

– Немножко...

– Вот по хроносканеру и посмотришь. Или вообще по телу.

– Так никакого же удовольствия...

– А придется... Слушай, Тодька, – голос Морти вдруг стал серьезен, – я ведь здесь не просто так, а по делу...

Тодик вздрогнул:

– Откровение?

Морти пожал плечами:

– Как обычно... Плод Господень дозрел – значит, срезать надо.

– А где он?

– Там. – Морти взглядом показал направление.

– И далеко?

– Через весь континент. – Тодик понял по голосу друга, что он не шутит.

– Ой...

– Кто ж виноват, что ты в такую глухомань забрался? Ладно, подхватчу тебя снизу, если совсем из сил выбьешься.

– А петь ты будешь или я?

– В прошлый раз я пел, теперь вроде бы твоя очередь...

Впрочем, на месте разберемся.

Морти и Тодик взмыли вверх, держа курс на Охотское море, еще покрытое льдом; его мальчишки пересекли быстро. За морем на тысячи километров шла тайга; после долгой, суровой зимы она потихоньку оттаивала, но казалась совсем еще мертвой. Ни единой птицы не было в воздухе, и только большой ворон, хозяин этих мест, тяжело поднимался над стеной бескрайнего леса. Заметив его, Морти крикнул:

– Эй, приятель, здравствуй!

– Зря ты, – негромко вымолвил Тодик. – Сейчас увяжется за нами...

– Увяжется – оторвемся: не беда!

Тем временем ворон и впрямь сильнее замахал крыльями и полетел к ребятам:

– Утр-речка, утр-речка!

– Как дела, разбойник? – спросил Морти.

– Пар-ршиво! Супр-руга, кар-рга стар-рая, всю плешь пр-роклевала: р-ребятишки жр-рать пр-росят, все кор-рму да кор-рму! – Ворон чуть-чуть обогнал мальчиков и заискивающе посмотрел Морти прямо в глаза.

– На чужой кар-равай клюв не р-разевай! – передразнил ворона Морти, подражая его карканью. – Надеешься, что мы тебя наведем на поживу? Да ведь там, куда мы держим путь, свои вороны имеются. Или думаешь, их птенцам есть не надо? Давай, Тодька, ходу! И не ной: тебе разминка полезна, а то у тебя уже складка образовалась на кое-каком месте!

Тодик смущенно обернулся и оглядел себя:

– Врешь ты все, Морти! Ничего там нет...

– А вот теперь есть! – И прежде чем Тодик опомнился, он ощутил резкую боль пониже спины.

– Ай, Морти! Зачем щиплешься?

– Что, хочешь меня в ответ ущипнуть? Догони сначала!

– Ах ты! – Тодика охватило безудержное веселье, и он устремился вслед за вырвавшимся вперед товарищем. Старый ворон проводил их взглядом, затем недовольно каркнул в последний раз и воротился к пристойному для себя делу: разыскивать пищу для своих голодных детишек.

* * *

Тодик и Морти держали курс на юго-запад; долгая дорога притомила их, и они уже не пересмеивались. Теперь под их

крыльями расстилалась вместо тайги степь, а над степью висели свинцово-сизые облака, и казалось, что ночь опустилась на землю раньше времени. Точно так же, как почти ничего не видел глаз, почти ничего не слышало ухо, и странно было ощущать подобную тишину в этой степи, где, как прекрасно знали ребята, жило много людей, стояли большие города и работали шахты. Теперь же лишь откуда-то издалека доносились редкие взрывы, но это был не шум горных работ, а что-то совершенно другое.

Морти замедлил полет и принялся кружить, как это обычно делают грифы; Тодик напряженно следил за товарищем. Поиски продолжались недолго: минуты через три Морти заскользил вниз. Тодик полетел за ним, к небольшому хутору, или, точнее, тому, что от него осталось, поскольку часть дома была разрушена, а все остальное, видимо, стало жертвой начавшегося пожара. Влетев в разбитое окно, чему не помешали и решетки, мальчики увидели следующую картину. Хоть дом и устоял в огне, изнутри он выгорел практически весь; смрад висел нестерпимый; возле стены съежилось несколько черных фигур, которые, очевидно, были когда-то людьми, но сейчас напоминали скорее плохо сделанные обезьяньи чучела. Фигуры эти воняли сильнее, чем что-либо другое в этой комнате, а те из них, у кого еще оставались руки, держали их перед собою, словно пытаясь заслониться от какой-то страшной и неминуемой беды. Лицо Морти сделалось мрачнее, чем тучи, что висели над хутором; сжав кулаки, мальчик повер-

нулся в ту сторону, откуда послышался глухой отзвук очередного взрыва, и процедил:

– Скоты! Живьем бы у них душу из тела вырвать!

– Морти, не надо, – робко произнес Тодик. – Они, быть может, и не хотели: случайно так получилось. У нас ведь тоже не всегда все хорошо выходит...

– «Не всегда хорошо выходит!» – передразнил его Морти. – Знаешь, Тодька: если еще будешь их защищать, по загревку схлопочешь! Пошли дальше: тут одни трупы, и здесь нам делать нечего.

Морти был прав, и ребята, покинув комнату, очутились в коридоре, столь же обгорелом и зловонном. Они уже хотели разделиться, чтобы побыстрее обыскать весь дом, как Морти вдруг поднял палец:

– Тс-с, Тодька! Слышишь?

В дальнем конце коридора темнела приоткрытая дверь, на которой Тодик разглядел нарисованного бельчонка и догадался, что она ведет в детскую. Рядом виднелись и остатки мишуры: наверное, пожар начался, когда хозяева готовились к какому-то празднику. Из-за двери доносились тихие всхлипывания; Морти и Тодик подошли и заглянули внутрь. Прямо напротив двери, на полу лежала девочка; казалось, ей было столько же лет, сколько и ребятам. С какой-то тревогой смотрела она на неожиданных гостей, но, судя по всему, их не видела, поскольку не попыталась ни застонать, ни пошевелиться. Рядом с ней, по щиколотку в красноватой жиже,

стоял незнакомый мальчик; кулаком он утирал слезы, а его большие белые крылья бессильно поникли до самого пола, будто одрябнув, как широкие листья в засуху. Морти подошел к нему совсем близко и окликнул:

– Брат! Прости, не знаю, как тебя звать...

Мальчик резко выпрямился; в его глазах по-прежнему стояли слезы, но сейчас сверкнул и гнев, и он крикнул:

– Убирайтесь вон, чернокрылые!

Морти опешил, но почти сразу пришел в себя:

– Не дури!

– Вас сюда никто не звал!

– Мы посланы Богом забрать у нее душу!

– Она будет жить!

– Жить? Ты вообще видел, что у нее с ногами?

– Живут и без ног!

– И ты думаешь, она долго протянет?

– Ее спасут! Скоро здесь будут люди! Смотри!.. – Мальчик очертил пальцем круг в воздухе, и тотчас на этом месте появился диск; он ярко переливался всеми цветами радуги, как игрушки, которые в парке продают маленьким детям.

– Да? А у меня по-другому показывает... – Морти повернулся к товарищу. – Тодька, дай-ка сюда твой хроносканер!

– Зачем?

– Дай, раз говорю! Нужно!

Тодик повиновался. С полминуты Морти сверял показания.

– Ну, как я и думал! Заранее испортил свой прибор и думал всех нас обмануть. Мошенник!

– Сами вы мошенники! Она вырастет и станет взрослой. Встретит хорошего человека, которому наплевать, может она ходить или нет. У них родятся дети, и я буду охранять их счастье. Я вам ее не отдам!

– Драться хочешь?

– Морти, стой! Не надо... – Тодик приблизился к белокрылому мальчишке и серьезно, по-взрослому посмотрел ему прямо в лицо:

– Ты ведь не хуже нас знаешь, что все это неправда?

– Замолчи!..

– Никого она больше здесь не встретит. И никого не родит!.. Просто тебе жалко расставаться с нею. Хочешь урвать хотя бы несколько минут! Но прах возвращается к праху – помнишь, как нас учили? А души, если чисты, наполняют Божьи закрома. У ней душа чистая, и это лишь благодаря тебе. Ты хорошо справился: знаешь, я тебе даже немного завидую...

Белокрылый мальчик судорожно сглотнул; внутри него словно что-то надломилось, и он уткнулся горячим, мокрым лицом в голое плечо Тодика:

– Я всегда хотел иметь сестренку!.. Поэтому, когда стал ее хранителем, чувствовал себя самым счастливым на всем свете. А она стала для меня сестрой!.. И даже больше! Думал, проведу с нею еще много лет. А теперь меня прикрепят

к другому человеку, и я никогда ее не увижу! Вам этого не понять!..

– Скорее всего, ты прав, – не сразу ответил Тодик. – Полностью понять тебя я не смогу. И Морти не сможет... А вот моя мама – она бы, наверное, поняла...

– Твоя мама?

– Она держалась почти до конца. И лишь когда гроб стали опускать, я услышал ее крик: «Не отнимайте его у меня! Подождите!» Двое мужчин держали ее – один за левую руку, другой за правую, – а она все рвалась и кричала... Хотя, если так рассудить, зачем? От меня, мертвого, все равно дома не было бы никакого проку!.. Хочешь, поплачем вместе, если тебе от этого станет легче? Я не за компанию – мне самому грустно... – Последние слова Тодик произнес дрогнувшим голосом, будто и впрямь готов был вот-вот разреветься. – Только давай недолго – она ведь мучается...

Мальчик с белыми крыльями медленно поднял голову, затем перевел взгляд с Тодика на Морти, который стоял чуть поодаль, и тихо произнес:

– Простите, чернокрылые братья! Позаботьтесь о ней...

Он опустился на колени и поцеловал девочку в лоб – по обычаю братьев-хранителей, когда они навсегда оставляют подопечного. После этого мальчик взмахнул крыльями и покинул дом, где ему нечего было больше делать. Морти шмыгнул носом и принялся как-то очень внимательно разглядывать закопченную стену, будто надеялся что-то прочесть на

ней; заметив это, Тодик шагнул к товарищу и взял его за руку, но Морти резко развернулся:

– Пустое, Тодька! Ты – молодец!.. Давай уже закончим!

– Давай! Я спою ей самую лучшую песню, какую только знаю!

Тодик сложил руки крестообразно на груди, приподнялся на цыпочки и раскинул свои широкие черные крылья; еще миг – и он завис в воздухе, не поднимаясь, впрочем, высоко. Летать в комнате было не так удобно, как прежде над тайгой или степью, но Тодик уже привык к подобным мелочам и не обращал на них внимания. Через секунду раздался его звонкий голос:

Ночь ушла – приходит день,

Исчезает злая тень.

Добрым людям на земле

Не блуждать уже во мгле!

Терпеливых ждет награда,

И душа, как прежде, рада

Вслед за Господом идти

По заветному пути...

Тодик продолжал петь; он был настолько сосредоточен, что даже не смотрел на девочку. Но если бы он кинул на нее взгляд, то заметил бы, что ее дыхание мало-помалу делается более ровным и спокойным, словно не было уже ни боли,

ни испуга, и вот наконец девочка улыбнулась, как улыбаются дети, когда мать укутывает их на ночь одеялом и желает добрых снов. Морти тем временем сделал движение пальцами, точно хотел зажать что-то в кулак, и тут же на его ладони возникла круглая печать, на которой была изображена Адамова голова – давний символ смерти и бесстрашия человека перед ее лицом. Печать эту Морти прижал ко лбу девочки, и вокруг ее головы появился зеленоватый ореол, видимый только Господу и его слугам; оттенок его был настолько чист, что его не смог бы воспроизвести ни один художник. Сияние расширялось, и вот оно охватило девочку уже целиком, охватило и самого Морти. Мальчик увидел, что он стоит на узкой тропке, которая вилась меж двух полей, причем справа росла густая пшеница, а слева склонялись набитые зернами подсолнухи. Морти двинулся вперед, иногда оглаживаясь по сторонам: хотя он и не очень боялся повстречать здесь бесов, предосторожность все-таки не была лишней. Ласковый южный ветерок трепал волосы у него на макушке, шелестел в залитой солнцем ниве, и, кроме этого перешептывания колосьев да песни Тодика, которая лилась будто бы с небес, никаких звуков больше не было. Но вдруг Тодик сбился с ритма, точно поперхнувшись; вероятно, он перестарался и попробовал взять слишком высокую ноту. Тотчас контуры всех предметов начали искажаться, темнеть, становиться такими же уродливыми, как безжизненные людские тела в опустошенной огнем комнате. Морти почудилось, что он очутился

внутри какого-то ночного кошмара, когда не видать дороги и непонятно, куда же дальше идти.

– Тодька! Фальшивишь! – крикнул он.

Страшные образы исчезли: видимо, Тодик услышал товарища или сам понял свою ошибку и впредь ее не повторял. Морти продолжил путь; тропа завернула в палисадник и уперлась в крыльцо какого-то дома. Мальчик быстро сообразил, что это – тот самый дом, который он видел сегодня с воздуха, но теперь он был чистый, светлый, и внутри него раздавались веселые голоса и смех. Окно слева было распахнуто; заглянув туда, Морти увидел большую комнату, где собралось много нарядных людей. Одни из них уже сидели за длинным столом, на котором стоял торт с воткнутыми в него свечами, другие стояли рядом и оживленно болтали между собою. Морти толкнул входную дверь; казалось, он вошел невидимкой, потому что никто из присутствующих не обратил на него внимания. Впрочем, Морти и сам не желал его привлекать: он спешил в конец коридора, к двери с изображенным на ней бельчонком. Отворять ее не пришлось: навстречу вышла девочка; с удивлением, но без боязни она разглядывала незнакомого мальчугана, чуть склонив голову набок.

– Кто ты? – спросила она. – Тебя пригласила мама, ты принес мне подарок?

– Аминь! – произнес Морти.

Фигурка девочки начала растворяться в воздухе перед его

глазами, как бесследно пропадает пустынный мираж. Вот она и совсем уже исчезла, и лишь на том месте, где должно было находиться ее сердце, возник ярко сияющий комочек; он пульсировал, будто живой. Морти бережно взял его в ладони; комочек был настолько горячим, что пришлось совершить над собою усилие, чтобы его не выронить. Подняв глаза, Морти вновь увидел Тодика, а рядом, в кровавой, дурно пахнущей луже, – мертвую девочку; она по-прежнему улыбалась, и ничто уже не могло стереть эту улыбку с ее лица.

– Все, Тодька! Полетели! – шепнул Морти. – Нет, не назад, через крышу: она не должна видеть то, что видели мы.

Двое чернокрылых мальчишек взмыли вверх, вознося юную душу в жилище Бога, где ей пристойно было находиться. Теперь ее держал Тодик, чтобы Морти мог немного передохнуть. Тучи сгустились еще больше, и из них на землю упали первые тяжелые капли, словно требовалось омыть ее после совершенных на ней грехов. Надвигалась и гроза, нередкая в тех местах весной. Морти и Тодик видели, что она приближается, но отнеслись к этому спокойно: проводя почти все время в воздухе, они разучились ее бояться, так же, как ребенок, выросший на железнодорожной станции, не боится стука поездов. Поэтому Тодик не придавал значения тому, что при первом, еще далеком раскате душа девочки сильнее прижалась к его пальцам, будто умоляя защитить ее. Когда же удар грома раздался совсем рядом, Тодик в ужасе почувствовал, что в его руке больше ничего нет. Душа, ко-

торую он нес, выскользнула и теперь летела вниз, к разверзающейся до самых облаков темной бездне; камень не мог бы падать быстрее.

Морти сразу обо всем догадался.

– Что ты наделал, Тодька! – крикнул он.

В следующее мгновение Морти понял, что друг его уже не слышит: сложив крылья, Тодик устремился за крохотным светящимся шариком, похожим на сорвавшуюся с неба звезду, глядя на которую люди обычно загадывают желание. Безжалостная, истерзанная войной и напоенная скорбью земля приближалась; она уже готова была поглотить душу девочки, и Тодик, изо всех сил вытянув руки, в отчаянии осознавал, что не успевает. Вдруг перед его носом возникла длинная оскаленная пасть, и мальчик каким-то чудом не врезался в нее. Тодик резко затормозил; прямо на него уставилась черная звериная морда с большими желтыми глазами. Мальчик подумал, что это какое-то чудовище из преисподней, и что есть мочи завопил:

– Она моя, не отдам! Ни за что не отдам!

И тут он услышал хриплый голос, похожий на ворчание собаки:

– Да не верещи, никуда я не собираюсь ее утаскивать! Дай только отогрею малость: она, бедняжка, совсем захладела!

– Брат Анубис! – с радостью воскликнул Тодик.

Странное существо распахнуло крылья, и на его покрытой густой шерстью груди мальчик увидел спасенную душу де-

вочки. Похоже, последние несколько минут и впрямь были для нее нелегким испытанием: теперь она уже не сияла, как прежде, да и сам свет стал какой-то мертвенно-бледный.

– Ты как здесь оказался?

– Пролетал из Египта по своим делам... Знаешь, пирамиды чем-то похожи на вулканы. – Псоглавец ослабил: он, очевидно, был в курсе, где Тодик любит проводить время.

– У, Тодька, раззява! – Подлетевший Морти щелкнул товарища по затылку, но не больно, поскольку увидел, что все обошлось.

– Ее ведь взрывом убило? – спросил Анубис.

– Да.

– Тогда понятно, почему она так напугалась грома. Держите вашу беглянку да смотрите, впредь не упускайте ее, а то мне подбирать за вами – тоже невелика слава...

– Ну, спасибо, Анубис! Даст Бог, сочтемся! – промолвил Морти.

Тодик робко, словно еще не веря, принял от Анубиса душу девочки. На сей раз он прижал ее к себе и почувствовал, как по всему телу разливается приятное тепло: видимо, девочка простила его и поняла, что бояться больше нечего. Многое подумалось Анубису в тот момент и о многом вспомнилось, но он был от природы не очень-то болтлив и потому промолчал. Он лишь смотрел своими добрыми собачьими глазами, как ребята набирают высоту; их сегодняшнее дело было еще не окончено, но ничто уже не могло им помешать.

Глава 2.

Навсегда вместе

В самой смерти есть жизнь: так на голых скалах кое-где пробивается трава, а широкая река пересекает бесплодную пустыню. Целая страна существует благодаря этой реке уже не одно тысячелетие. Много воды утекло за столь долгий срок в теплое синее море, которое плещется у северных рубежей этой страны, и в самой стране многое изменилось с тех пор, когда там впервые поселились люди. Другой теперь уже там язык, и вера другая, но по-прежнему крестьянин выходит в поле с тяжелым плугом и мольбой о добром урожае, а усталый путник находит отдых в тени колючей пальмы, под ее широкими листьями. И, конечно, как и раньше, по улицам городов и деревень бегают мальчишки, чьи лица обожжены солнцем, а босые ноги покрыты пылью. Счастливы те из них, у кого есть родители, но хуже приходится тому, кто вынужден есть сиротский хлеб, а он горек, словно полынь, растущая на солончаках.

Маленький Авимелех, которого все знакомые звали просто Ави, иного хлеба не знал. Родителей Ави, когда ему не было еще и двух недель, согласно царскому указу угнали на работу вверх по реке, к порогам, а самого мальчика собирались убить, чтобы в дороге не был обузой. Ави укрыл дя-

дя Мадай, который держал гончарную мастерскую и ссужал всем желающим деньги под небольшой процент; стражникам он солгал, что ребенок родился мертвым. Когда Ави немного подрос, он захотел найти своих родителей, но дядя Мадай сказал, чтобы мальчик выкинул это из головы, а один умный человек, умевший гадать по полету коршунов, заверил Ави, что его родителей уже нет в живых; из жалости к мальчику он не взял денег за свое пророчество. Дядя Мадай слыл человеком порядочным, но мало от него Ави видел ласки, а зачастую приходилось терпеть и побои. Еще хуже стало, когда дядя Мадай пристрастился к ячменному пиву; несмотря на всю помощь Ави, кувшины из дядиных рук выходили уже не те, что прежде, на базаре смеялись над ними, и в дом пришла бедность. К несчастью, и само пиво вздорожало, поскольку год выдался неурожайным, и потому дядя Мадай занимал все больше денег у храма, который стоял недалеко от мастерской.

И вот однажды в мастерскую вошел жрец с выбритой налысо головой и длинным свитком в руках; за ним следовали два храмовых раба. В свитке было написано, какая именно ссуда была выдана дяде Мадаю и в какой день; жрец вслух прочитал все, ничего не пропуская, а затем объявил, что дядя Мадай обязан отработать долг в принадлежащих храму каменоломнях, откуда мало кто возвращался живым. Далее жрец еще спросил, намерен ли дядя Мадай что-нибудь сказать в свое оправдание; дядя ничего не ответил, потому что

был пьян. Рабы схватили его за руки и выволокли из гончарни; больше Ави дядю не видел. Самого Ави не тронули, потому что он не годился для тяжелой работы, но мальчик оказался без крыши над головой: мастерскую храм отобрал в свою пользу. Ави не позволили даже переночевать у ее порога, и мальчик ушел в ту часть города, где собирался обездоленный люд. Потянулось голодное и полное превратностей время. Иногда Ави удавалось сплести из прибрежного камыша простую обувь или неуклюжую корзину и потом задешево продать: этим ремеслом он отчасти овладел, еще живя у дяди, и теперь оно пригодилось. В другие, менее счастливые дни, он просил милостыню; по злой насмешке судьбы, больше всего подавали на ступенях именно того храма, из-за которого Ави некогда сделался во второй раз сиротою. Друзей у Ави не было: другие мальчишки, чья кожа была смуглее, а речь – правильнее, сторонились его, а когда он пытался приблизиться к ним, бросали в него камни. Поэтому мальчик еще сильнее замкнулся в своем одиночестве, хотя оно тяготило его наравне с голодом и зноем.

Незаметно настал месяц мехир – единственный, когда в тех землях могут выпадать ливни. Под такой ливень и попал Ави, когда возвращался с берега реки; он бежал, накинув на голову плащ и стремясь поскорее спрятаться под каким-нибудь навесом, когда краем глаза заметил справа от себя какой-то черный комочек, копошащийся на раскисшей земле. Сколь ни был силен дождь, любопытство Ави оказа-

лось сильнее, и, приблизившись, мальчик увидел щенка, который еле брел на подгибающихся лапах: видимо, его мать погибла, и голод выгнал его из убежища в непогоду. Щенок не испугался Ави: он доковылял до ступни мальчика и лизнул ее. Жгучая жалость охватила Ави; он завернул щенка в свой плащ и поспешил в укрытие, где мог бы обсушиться. Там Ави накормил щенка тем немногим хлебом, который у него был, и потом они оба уснули, прижавшись друг к другу. Когда Ави утром проснулся, щенок был рядом; вчера мальчик еще не знал, оставит ли щенка себе, но теперь оттолкнуть его казалось невозможным, а значит, нужно было добыть пищи на двоих. Вечером Ави вернулся; щенок встретил его, радостно повизгивая и прыгая возле его ног, и от этого у Ави стало веселее на душе. Надо было дать щенку имя, и Ави назвал его Шахор, а по-русски Черныш; щенок быстро стал отзываться на эту кличку. Так они стали жить вдвоем. Вечерами Ави любил пересказывать Чернышу историю своей недолгой, но такой трудной жизни, делиться с ним своими огорчениями и надеждами; щенок внимательно слушал, глаза у него при этом были серьезные, и Ави казалось, что Черныш его понимает. Ави был счастлив: раньше он часто молился, чтобы Господь послал ему верного друга, и вот теперь эта мечта сбылась. Так пролетели два года; Черныш превратился в молодого красивого пса; подрос и Ави, но все еще оставался мальчишкой.

И вот однажды произошло следующее. Ави шел по улице

недалеко от того места, где обычно ночевал, и вдруг увидел, что навстречу ему бегут люди. Так народ обыкновенно торопится на какое-нибудь празднество, но теперь лица у всех были испуганные. Приглядевшись, Ави увидал еще и другое: следом за людьми бежала незнакомая собака. Ави растерялся: он не знал, что все это значит, и потому был сбит с ног налетевшим на него грузным лодочником с пристани. Лодочник не помог Ави подняться: он лишь громко выругался, призывая на голову мальчика проклятие всех богов, и побегал дальше. В то же мгновение Ави увидел прямо перед собою оскаленную морду, и с желтых клыков на его щеку капнула тягучая, словно камедь, слюна; такой слюны Ави прежде никогда не видел ни у людей, ни у животных. Чужая собака уже готовилась схватить Ави за горло, как вдруг неведомо откуда взявшийся Черныш налетел на нее, повалил на землю, и через несколько секунд она уже корчилась с перекушенной глоткой. На шее у Черныша алела небольшая ранка, но Черныш не обращал на это внимания; он прыгнул к Ави и принялся облизывать ему лицо. Ави смеялся, целовал и гладил своего друга, который спас ему жизнь.

Через десять дней пришла беда. Ранка, которая, казалось, уже совсем зажила, стала нестерпимо чесаться; Черныш раздирал ее опять чуть ли не до крови, но зуд не унимался. Дальше стало еще хуже: Черныш ослабел, у него начали отниматься ноги – сначала задние, потом передние, будто в его теле распространялся какой-то яд. Теперь Черныш мог толь-

ко ползать, но даже это делать уже не пытался: забившись в тень, он смотрел куда-то в даль мутным, тоскливым взглядом, и лишь когда приходил Ави, едва заметно шевелил кончиком хвоста. Встревоженный Ави не понимал, что происходит; однажды он попробовал перенести Черныша на солнце, думая, что так ему станет легче, но пес огрызнулся на мальчика – первый раз в своей жизни. С тех пор Ави не пытался приподнимать Черныша и нести его куда бы то ни было: он лишь кормил и поил его, но даже это делать становилось все труднее. Черныш не отказывался совсем от воды и пищи, но и то, и другое он глотал с трудом, словно хлеб был нашпигован иголками, а вместо воды Ави предлагал ему кислоту: пса мучили жестокие спазмы, идущие, казалось, от желудка и до самого рта. Ави продал свой плащ и купил амулет, куда был вставлен засушенный листик благородного лавра; торговка на базаре уверяла, что он помогает при судорогах. Этот амулет Ави надел на шею Чернышу, но облегчения не последовало: то ли мальчика обманули, то ли амулет действовал только на людей. Ави понял, что пес умирает и что с этим ничего уже не поделаешь; с тех пор у мальчика было только одно желание – чтобы страдания Черныша поскорее прекратились. Однажды на закате, когда на небе зажглись первые звезды и среди них багровела планета Хор, Ави поднял глаза вверх и прошептал самую горячую в своей жизни молитву:

– Боже, пошли Чернышу смерть!

И слеза скатилась по его щеке.

Смерти не было – ни в этот день, ни в следующий. Ави решил, что дальше так продолжаться не может, и когда возвращался вечером в очередной раз, нес с собою вместе с хлебом еще и увесистый камень, при помощи которого надеялся прервать мучения Черныша. Хлеб этот уже не был ни куплен, ни выпрошен: Ави украл его с прилавка, когда хлебопек куда-то отлучился; видимо, в его доме произошло какое-то несчастье, поскольку оттуда раздавался громкий плач. Ави задыхался от стыда: ведь ему прежде воровать не доводилось. Но мальчик не видел другого выхода: он боялся, что, если будет голодным, то не сможет нанести задуманный удар с необходимой силой. Не один Ави – многие уличные мальчишки голодали, да и остальным приходилось несладко. Давно уже говорили о невесть откуда взявшейся саранче, о падеже скота и прочих надвинувшихся на страну бедствиях, и на этом фоне судьба Ави казалась не более чем песчинкой, которую поднимает жестокий пустынный вихрь. Сам Ави, впрочем, и не думал об этом: присев возле Черныша на корточки, он рассуждал про себя, как лучше нанести удар. Камень, который мальчик сжимал в кулаке, был неровный, и одна из его сторон образовывала острую грань. Ею, пожалуй, можно было убить сразу, но Ави боялся, что Черныш испытает слишком сильную боль. Другая, гладкая сторона, выглядела не столь пугающей, но и менее надежной. Ави не знал, что же выбрать; если бы он мог просто вынуть из Черныша душу, как извлекают зерно из колоса, то охотно отдал бы за

это половину своей жизни. Чем дольше Ави вертел камень в руках, тем яснее понимал, что довершить задуманное тем или иным способом у него не хватит духу. Наконец пальцы Ави разжались, и он выронил камень, который глухо стукнулся о землю. Мальчик опустился на колени и горько заплакал.

Вдруг чьи-то грубые пальцы схватили его за плечо:

– Вот ты и попался, щенок! Будешь теперь знать, как воровать у меня лепешки!

Ави рванулся; прямо на него с недоброй усмешкой смотрел толстый человек в обсыпанном мукой переднике: левой рукой он держал Ави, а в правой сжимал толстую палку, такую, что ей можно было убить крокодила. Внезапно хлебопек, взглядевшись в Ави, переменялся в лице, уголки его рта задрожали, и из его глотки вырвался рев, больше похожий на вой гиены:

– Проклятое племя!

Ави похолодел. Он понял, что случилось: чуть искривленный нос и желтоватый оттенок кожи выдали его, позволили распознать в нем дитя того народа, который пришел в эту страну несколькими поколениями ранее и терпел ныне притеснения и глум из-за своей крови и своей веры. Медное лицо хлебопека все более и более наливалось багровой краской, и он продолжал кричать:

– Это вы навлекли несчастья на нашу землю! Из-за вас наши дети рождаются мертвыми! Сегодня я отдал сына баль-

замировщику! Мы столько лет мечтали о нем, а теперь моя жена уже не сможет родить, никогда не сможет! Будь моя воля, я бы заживо сжег в печке весь ваш подлый народ! А вашим поганым пеплом удобрил бы поле, чтобы там лучше рос хлеб, который я пеку! И надеюсь, кто-нибудь рано или поздно так и сделает! – Выпяченные, с посиневшими белками глаза хлебопека были злее, чем у той собаки, от укуса которой умирал Черныш. – Выбирай, что тебе сначала сломать: ногу или руку? Или, может, сразу черепушку, чтобы долго не мучился?

Ави слышал о переломанных людях, которых бросали медленно умирать на солнцепеке, и посадение на кол считалось милостивым по сравнению с этой казнью. Он затравленно огляделся; чуть поодаль стояли двое бродяг, которых, очевидно, привлек шум, но они лишь робко взирали на все происходящее: никто из них не хотел ввязываться в драку и рисковать своей шкурой ради какого-то нищего мальчишки. Убежать Ави не мог: даже если бы ему и удалось вырваться, он упал бы, не успев пересечь улицу, поскольку голод и горе последних дней отняли у него все силы. Хлебопек размахнулся палкой, и Ави в ужасе зажмурился, но тут произошло невозможное. Лапы Черныша, казалось бы, окончательно парализованные, вдруг распрямились, он метнулся вперед и вцепился в голую лодыжку хлебопека.

Хлебопек, охнув, выпустил Ави; затем он, опомнившись, ударил Черныша – ударил страшно, изо всех сил, в том ме-

сте, где шея соединяется со спиной. Любая собака расцепила бы челюсти после такого удара, но Черныш, казалось, еще крепче стиснул их. Хлебопек ударил еще раз; палка разлетелась на куски, и к треску ломаемого дерева примешался еще какой-то хруст. Только тогда Черныш разжал зубы. Хлебопек увидел, что по его ноге вместе с кровью стекает вязкая слюна; он затрясся, лицо его сделалось белее, чем алебастровая облицовка царских гробниц, словно сама смерть только что заглянула ему в глаза. Припадая на укушенную ногу, хлебопек бросился прочь, и от его истошного крика птицы, сидевшие на кровлях, разлетались в разные стороны.

На дрожащих ногах Ави подошел к Чернышу. Черныш лежал на боку, и из его рта сочилась какая-то розовая пена. Последним усилием он оторвал от земли голову, окинул Ави ровным взглядом, словно желал его утешить, и умер – быстро и спокойно.

* * *

Уже поздней ночью Ави спустился к реке. Он вошел по пояс в теплую воду и опустил в нее тело Черныша – медленно и бережно, как люди помещают в тайник величайшую для них драгоценность. Широкая волна побежала по речной глади, и тотчас вдогонку ей устремилась другая, поменьше, – от упавшей с мальчишеского лица слезы. Похоронив и оплакав своего товарища, Ави уже собирался уходить, когда услышал

позади себя:

– Не горюй, малыш!

Ави обернулся; рядом стоял высокий мужчина в длинном халате и с курчавой бородой. Лица его нельзя было разглядеть, потому что луна светила ему в спину, но голос его был ласковым, а рука, которую он положил на плечо Ави, – мягкой. Заметив на этом плече, рядом со своей ладонью, свежий синяк, оставленный хлебопеком, незнакомый мужчина продолжил:

– Видать, тяжело тебе пришлось, понимаю! Но все позади, слышишь, позади! Мы идем в новую землю, где реки текут молоком и медом. И землю эту отдал нам сам Господь! Пошли с нами!

Ави сомневался не более секунды, затем он резко поднял голову, стряхивая последние остатки слез, и на его губах появилась улыбка – первая за уже многие дни. Оба они – мужчина и мальчик – двинулись к берегу, а потом и дальше, навстречу судьбе, которая их позвала и которую они сами для себя выбрали.

* * *

– Я не дошел до той земли, Господи... Пески Аравии занесли меня вместе со многими моими братьями по вере, как нильские воды поглотили тело Черныша. Скажи, встречу ли я его в раю, если мне суждено там обретаться?

– Нет.

– Почему? Разве он сделал при жизни что-то злое?

– Рай существует для людей, а не для бессловесных тварей.

– Но Черныш все равно что человек. И даже больше, чем человек! Многие ли люди перед смертью думают не о себе? А Черныш думал лишь о том, чтобы меня защитить. Если я в том солгал, ввергни душу мою во прах вслед за телом.

– Этот пес так дорог тебе?

– Дороже мне только сам ты, Господи... Дозволь ему быть со мною!

– У собак нет бессмертной души, но они едят крохи со стола хозяев, когда те готовы поделиться... Я могу прикрепить твою душу к душе Черныша, если ты и сейчас согласен разделить с ним то, что имеешь. Однако скажу вдобавок: ты тогда навеки останешься чернокрылым братом, и в моем доме будешь не более чем редкий гость.

– Да будет воля твоя, Господи, и если она такова, я не возражаю.

* * *

– Так вот кем раньше был Анубис...

Двое мальчишек расположились на крыше высотного здания. Тодик, лежа на животе, смотрел вниз, на огненную реку автострады, которая не иссякала и в самую глухую ночь,

а Морти, только что закончивший говорить, сидел рядом, на самом краю, свесив ноги, и они лишь чуть-чуть не дотягивались до верхнего окна. Невидимые и неслышимые для людей, ребята отдыхали, как отдыхают птицы небесные. Но они, по слову Божьему, не сеют и не собирают в житницы, ныне же зерно в житницу Господню было ссыпано доброе, и до нового откровения можно было скоротать время за дружеской беседой: тогда оно летит быстрее и приятнее всего.

– Да, Тодька. Двое стали одним целым, и теперь они неразрывны, как единая плоть.

– Это сам Анубис тебе рассказал?

– Ты знаешь: он молчалив, но земля полнится слухами, и небо – тоже. Кое-то и ворон на хвосте принесет. Он – птица серьезная: это сороки охочи переверять чужие слова, а вороны что ни скажут – все правда...

– Хорошо бы и нам вот так... – Тодик перевернулся на спину, широко распластав крылья, чтобы они не мешали, и заложил руки за голову: он всегда вел себя подобным образом, если начинал о чем-либо мечтать или вспоминал что-то очень хорошее.

– Как это «вот так»?

– Чтобы никогда не разлучаться!

– Но ведь ты спокойно улетаешь от меня. И вчера так было, и раньше...

– Это не считается: я же всегда возвращаюсь! Или ты меня находишь... – Слова эти Тодик произнес с горячей убежден-

ностью, что иначе и быть не может; поэтому Морти невольно улыбнулся, и вместе с тем у него защемило сердце. В разговоре образовалась томительная пауза; Тодик, который уже и зажмурился, чтобы удобнее было грезить, вдруг открыл глаза, приподнялся на локте и с недоумением поглядел на товарища:

– Морти! Ты что?

Глава 3.

Заслуга и благодать

Облака... Будто по волшебству, они появляются на небе посреди ясного солнечного дня, и кто бы их ни спросил, откуда они пришли, хоть бы брат-хранитель или чернокрылый брат, ответа он не получит. Они отражаются в безбрежной глади океана, в сонном лесном озере и в грустных глазах потерянного мальчишки, покуда их не развеет ветер – не ведающий преград, прихотливый, как сама Божья воля. Какому-нибудь пятилетнему карапузу они кажутся мягкими и упругими, вроде перины, куда можно зарыться с головой, или подушки, которую можно оседлать и воображать себя лихим конником, о которых рассказывала мама, а раз мама так говорит, значит, такие люди и впрямь жили когда-то на свете. Те, кто умеют летать, судят, разумеется, об облаках вернее и знают, что ни кататься, ни прыгать на них нельзя:

можно лишь укрыться в их белесом тумане от назойливых глаз, чтобы о чем-то поразмыслить или поплакать в одиночестве. Но от себя не сбежишь, не спрячешься от собственного горя, которое срослось с душой так же, как рука, нога или крыло срастаются с телом. Поэтому Шинго облака не манили, и он лишь смотрел на них отрешенным взором: так, бывало, маленький ребенок долго глядит вслед автобусу, на котором уехали родители, и неизвестно, вернуться ли они через неделю, как было обещано.

«Куломи...»

Постороннее, непривычное чувство в левой ноге заставило Шинго подтянуть ее к животу. Тут же и в правой ноге возникло то же самое ощущение; Шинго поджал и ее, и тотчас услышал совсем рядом разочарованный голос:

– Да ну тебя, скучный ты какой-то! Я тебе пятку щекочу, а ты только ногу отдергиваешь!

Немного повернув голову, Шинго увидел в полуметре от себя незнакомого мальчика. Широко раскинув крылья, он висел вниз головою, как большая летучая мышь, и, немного прищурившись, разглядывал Шинго, видимо, ожидая, что тот заговорит с ним. Но Шинго молчал; тогда мальчик улыбнулся и протянул руку:

– Привет! Я Морти!

Шинго не ответил на рукопожатие и не назвал своего имени; он отвел глаза и тусклым голосом произнес:

– Оставь меня.

– Как это – оставь? Я твой новый напарник, у нас есть дело!

– Лети один.

– Чернокрылые братья работают в паре, ты что, не помнишь? Здесь недалеко, управимся по-быстрому! А затем я покину тебя, если уж ты сегодня не в настроении. Но нынешнее послушание мы должны исполнить вместе!

– Хорошо, – безучастно ответил Шинго. – Куда лететь?

– Прямо на восток. Подожди, сперва обнимемся: так принято!

Шинго знал, что таков действительно обычай чернокрылых братьев при знакомстве, и потому не стал уклоняться. Морти прижался к нему всем своим телом и крепко обхватил Шинго обеими руками. Шинго вспомнил, как некогда его точно так же держал в своих объятиях Куломи и шептал на ухо первые слова дружбы. Ему стало нестерпимо жаль себя, и он почувствовал, как внутри его сверху вниз растекается какая-то холодная, отнимающая силы волна, от головы и сердца и до самых ступней. Поэтому руки Шинго безжизненно повисли вдоль его тела, и он даже не пытался дотронуться до Морти пальцами. Наконец Морти отстранился и с неудовольствием произнес:

– Такое впечатление, будто я прикоснулся к трупу! Ладно, давай за мною: может, по дороге придешь в себя!

Морти не соврал: лететь пришлось недолго. Вскоре мальчики увидели большой город, а в самом центре города –

большой храм; его главный золотой купол ярко сиял на солнце и был заметен издали. Подлетев ближе, Морти шугнул с самого высокого из крестов нерасторопную галку, а затем вполголоса прочел Трисвятое. Шинго молчал, а произносил ли он мысленно какие-либо слова, это было известно лишь ему самому да Богу. Ребята проскользнули прямо в алтарь; там царила тишина, которую не нарушало ни пение с хоров, ни звук проповеди с амвона: видимо, служба уже закончилась. Даже седой мужчина в длинной черной одежде молился перед иконой Спасителя, не размыкая губ; он стоял на коленях спиной к Морти и Шинго, и, кроме него и мальчиков, никого больше в алтаре не было.

– Это настоятель храма, где мы сейчас находимся, – негромко произнес Морти. – Он уже исповедался и причастился, и сегодня ему надлежит отойти к Господу. Он всегда хотел, чтобы это произошло именно так – без маеты, в святом месте и на молитве. Но для этого его душа должна пройти через наши руки! И нам нужно хорошо потрудиться, чтобы его кончина была мирной: нам наверняка попытаются помешать бесы. Они обыкновенно до самой смерти преследуют человека, который посвятил себя Богу и бросил им вызов, и если прежде им не удавалось ему навредить, они пожелают отыграться хотя бы теперь, напоследок. Я сделаю самое сложное – извлеку душу, а ты останешься здесь и поддержишь меня песней. Только не останавливайся и не халтурь! Рассчитываю на тебя!..

Шинго чуть заметно кивнул; его песня зазвучала почти сразу; тихая и торжественная, она плавно лилась в густом от ладана воздухе и проникала в самые укромные уголки алтаря – бесам на страх, слугам Господа на радость. Лицо настоятеля, прежде серьезное, смягчилось, как если бы он принимал у маленького ребенка его первую исповедь. Дрема смежила веки старца, и он склонился перед образом, коснувшись лбом тяжелого резного оклада; так засыпает человек после долгой дороги, твердо зная, что она пройдена до самого конца и что он пришел именно туда, куда требовалось, и в нужное время.

«Хорошо», – подумал Морти.

Краешком глаза Шинго видел, как Морти подошел к настоятелю с печатью в руке и после растворился в зеленоватом свечении. Краешком – потому что он не смотрел на товарища: взор его оказался прикован к иконе, которая находилась прямо под потолком, напротив двери, так, что любой человек, входя в алтарь, видел в первую очередь ее, а затем уже и все остальное. Это была намоленная икона старого письма, и только по большим праздникам ее выносили к верующим. Она изображала момент окончательного небесного торжества, когда крылатые отроки на всех наречиях Земли возносят хвалу Всевышнему, и их осеняет своей широкой кроной Древо Жизни. Глядя на них, Шинго с новой силой ощутил горечь своей утраты; ему вдруг померещилось, что тот из отроков, который стоит ближе всего к престолу

и более всего возлюблен Господом, – это Куломи. Наваждение походило на галлюцинацию; Шинго чудилось, что Куломи вот-вот обернется к нему и скажет что-нибудь в утешение или просто улыбнется: улыбки было бы достаточно.

«Куломи, отзовись... Прощу тебя, отзовись!»

Но Куломи молчал, молчали и другие мальчики на иконе. Им не было дела до Шинго, и даже взгляды их были скорее строгими, нежели ласковыми.

«Ну конечно: Куломи теперь и не подумает обо мне. Он в раю, счастлив, а я осужден мотаться без него между небом и землей, в воздухе, этом обиталище демонов и бестолковых птиц. За что же, Господи? За что?»

Шинго всхлипнул – сперва тихонько, затем еще раз – погромче. Он еще думал, что сдержит себя, но уже было поздно что-либо делать. Слезы потекли везде, где только можно: они заструились по щекам, затопили все изнутри, от ноздрей и до самой глотки, как соленая вода заливают горло мореходу, погибающему в шторм на обломках своего корабля. Поэтому Шинго больше не мог петь, и старый священник, вверенный его попечению, остался безо всякой защиты. Далее началось нечто отвратительное, чего ребята не вправе были допустить и чего старец, к которому они сегодня явились, не просил в своих молитвах. Сперва по телу настоятеля, дотоле мирно спавшего, прошла чуть заметная дрожь и тотчас же она сменилась конвульсией: с глухим стоном старец выгнулся назад, а затем словно что-то швырнуло его обратно, так,

что он ударился об оклад головою; алая кровь брызнула на рясу, на сам святой лик и на возложенные к нему белые цветы. После этого настоятель рухнул на каменный пол алтаря, но корчи и там его не оставили: он бился в судорогах, подобно агнцу, которому перерезали горло. Наконец его вырвало какой-то коричневой слизью, и бедный старец затих.

Вытаращенными от ужаса глазами Шинго смотрел на страшную агонию. Он понимал, что должен немедленно возобновить свое пение, что он подводит Морти и ставит под удар все их совместное дело, но язык не слушался: казалось, слезы приварили его к гортани, будто они были из жидкого свинца. Спустя несколько секунд появился Морти – злой, исцарапанный, с всклокоченными волосами; в левой руке он держал душу настоятеля, и она едва теплилась от мук, которые ей довелось претерпеть при разлучении с телом. Не говоря ни слова, Морти подошел к Шинго и резко ударил его в челюсть. Шинго упал, не успев даже взмахнуть крыльями; мысли его мешались, и он насилу смог произнести:

– Что ты делаешь? Мы же братья!

– Ты только сейчас об этом вспомнил, да? А ничего, что братья вообще-то должны помогать друг другу? Мой родной брат еще не так меня отмутил, когда попросил однажды посидеть немного с больным отцом, а я забыл дать ему лекарство! Или думаешь, мне легко было в одиночку отбиваться от бесов? Вот сам бы попробовал! Впрочем, что я говорю: ты только хныкать горазд! Вот и оставайся здесь! А я сам

отнесу душу, куда следует! Твоей заслуги здесь нет! Понял?

Потрясенный Шинго, не смея пошевелиться, лежал на холодном полу, возле настоятеля, и казался еще мертвее, чем он. Потом в алтарь пришли люди; раздался чей-то испуганный крик; тело старца приподняли и безуспешно пытались поставить на ноги; какие-то черные ботинки на толстой подошве скользили в крови и рвотных массах. Шинго видел и слышал все это, но по-прежнему оставался недвижимым, и лишь когда и храм, и весь город погрузились в темноту непроглядной ночи, отважился встать. Он уже не помнил, как вылетел из алтаря – через окно или через кровлю; теперь, казалось, не только Коули – весь Божий мир был потерян для него.

* * *

20.00. Из вечерних новостей Лентача.

Сегодня с настоятелем главного храма одного из российских областных центров сразу же после литургии и визита епископа случился припадок. Все святые дары, которые он принял, оказались выблеваны.

Количество лайков: 1,4К.

Верхний комментарий (по популярности):

Видать, поповскую кухню даже их собственные желудки не переваривают.

Количество лайков: 969.

* * *

«Позор...»

– Шинго!

– Учитель Логос?..

– Почему ты отворачиваешься от меня?

Шинго и впрямь отвернулся, когда его окликнули по имени, и уткнул в ладони свое горячее, сухое лицо: после того, что случилось, он не мог даже и плакать. Однако он понимал, что долго так стоять и отмалчиваться не выйдет, поэтому приподнял голову и глухо произнес:

– Я совершил ужасную вещь!..

– Да, я знаю: то, что ты сделал, уже не исправить. И как же ты намерен поступить теперь?

Шинго сглотнул, затем выпрямился и сказал настолько твердым голосом, насколько мог:

– Учитель!.. Отправь меня в вечную муку!

– Ты действительно хочешь туда попасть?

– Я это заслужил! Да и хуже, чем сейчас, мне все равно уже не будет.

– А если я тебе скажу, что ты можешь искупить свой грех?

– Искупить? Как?

– Более того: если ты совершишь то, что я тебе велю, я немедленно введу тебя в рай, и ты будешь счастлив там вместе с Куломи. Он ждет тебя...

У Шинго перехватило дыхание:

– Что я должен сделать, Господи?

– Закрой глаза и считай до десяти. Потом увидишь...

С замиранием сердца Шинго повиновался; он считал так быстро, что едва не пропустил семерку. Когда он разомкнул веки, его чуть не ослепил яркий свет, какой бывает только летом, и притом лишь в самые погожие, солнечные дни. Особенно непривычным он казался после утреннего полумрака, который окружал Шинго еще полминуты назад. Мальчику пришлось несколько раз усиленно моргнуть, и лишь после этого он понял, что висит в воздухе на крыльях, высоко над землею, и прямо перед ним находится распахнутое настежь окно какой-то многоэтажки. Теплый ветерок колыхал почти прозрачную занавеску, которая касалась лежащего на столе школьного учебника по геометрии; рядом была и тетрадь с нерешенной задачей. Шинго помнил, что сам он не успел дойти до этой темы; он отвернулся, не желая будить ненужные воспоминания, но они тут же нахлынули с новой силой. Справа от себя Шинго увидел другой дом, еще выше, чем тот, перед которым он сейчас находился, и именно в этот дом он переехал вместе с родителями за год до своей смерти. Да, это был его родной город, каким Шинго его застал, и мальчик растерялся: он не понимал, что все это значит.

«Откат времени? Но зачем?»

Шинго подумал, что разгадка кроется внутри, и уже хотел влететь в окно, однако услышал голос:

– Нет, тебе нечего там делать! Посмотри вниз!

Шинго глянул – и вскрикнул. Прямо под ним у подъезда теснились люди; некоторые из них оживленно переговаривались, другие плакали, третьи хранили угрюмое молчание. В центре образованного зеваками полукруга Шинго увидел девочку, которая, очевидно, выпала из раскрытого окна, того самого, которое находилось от Шинго на расстоянии вытянутой руки. Девочка лежала совершенно неподвижно, с повернутой набок головой в разметавшихся золотых кудряшках, и столь же неподвижным, стеклянным взором смотрела на собравшуюся возле нее толпу; лишь пальцы ее судорожно цапались по асфальту, то захватывая, то вновь выпуская легкий тополиный пух.

И тогда откуда-то сверху раздались слова:

– Видишь ее, Шинго? Забери ее душу! Забери и принеси ко мне! Но ты должен сам это сделать – без товарища и без песни! Если сумеешь – я исполню то, что обещал.

Шинго захлестнула радость: испытание не казалось трудным; он, правда, никогда еще не работал в одиночку, но был уверен, что справится. Стиснув в кулаке печать так сильно, что заныли пальцы, Шинго бросился вниз со всей скоростью, на какую только был способен. Он молился лишь об одном: чтобы девочка не умерла прежде, чем он успеет поместить ее душу в свои теплые ладони, обогреть и утешить ее, как он уже не раз делал с другими детьми. Этажи мелькали перед его глазами – третий, второй, первый; затем вне-

запно вся обстановка изменилась, залитый солнцем городской двор исчез, и мальчик почувствовал, что находится в каком-то темном туннеле, настолько узком, что едва мог расправить там крылья. Шинго прежде не видел, чтобы у людей, чья жизнь подходит к концу, были такие воспоминания или грезы; они обыкновенно возникают, когда сознание человека как бы схлопывается, он отгораживается и от мира, и от его Создателя и умирает гораздо раньше своей физической кончины. Мальчик подумал, что в конце любого туннеля бывает свет, и, вооружившись этой нехитрой мудростью, полетел вперед; впрочем, ничего другого ему и не оставалось делать. И свет вскоре забрезжил перед Шинго, увидел он и душу девочки, которая его испускала. Однако это свечение не было просто тусклым, какое характерно для истомившихся, но чистых душ: оно имело бледный, мертвенно-синий оттенок, и мальчика прошиб липкий, холодный пот:

«Самоубийца!»

Благодаря рассказам более опытного Куломи Шинго знал, какую страшную боль испытывает любой чернокрылый брат от прикосновения, хотя бы нечаянного, к душе человека, который наложил на себя руки. На какую-то секунду Шинго утратил уверенность, однако подумал, что несколькими часами ранее Морти, наверное, пришлось не легче, однако он справился и в одиночку довел дело до конца. Неужели сейчас я окажусь слабее Морти, подумал Шинго, и эти слова придали ему силы. Выбросив вперед обе руки, Шинго схва-

тил душу и в то же мгновение ощутил, как словно раскаленное добела острие пронзило его от плеч и до самых бедер. Дикий крик вырвался из груди мальчика; каким-то чудом он не разжал пальцы и начал подтягивать душу девочки к себе, одновременно подаваясь назад и что есть мочи напрягая уже готовые разорваться мускулы: так вытаскивают человека из трясины, где он завяз. Дело почти не подвигалось, точно некая неведомая сила и душу, которую держал Шинго, и его самого тянула в противоположную сторону, в невидимую часть жуткого туннеля, и если Шинго пробовал удвоить свои усилия, она учетверялась в ответ. Душа девочки вздрагивала, словно она хотела крепче прижаться к Шинго, и с каждым ее трепетанием на мальчика накатывала новая волна боли. Шинго выдержал две такие волны, но на третью его уже не хватило: все поплыло перед глазами, руки разжались, и последнее, что помнил Шинго, был пронзительный, закладывающий уши гудок автомобильной сирены. Очевидно, к месту трагедии приехала служебная машина, но был ли это полицейский фургон или скорая помощь, мальчик так и не узнал.

Когда Шинго очнулся, вокруг него уже ничего не было: ни городского двора, ни зелени, ни одетых по-летнему людей. Исчезла и боль: теперь мальчик ощущал только бесконечную, давящую усталость, словно летел без остановки десять часов подряд. На востоке рдело медленно поднимающееся солнце, чуть прикрытое белесой дымкой; казалось, с того

времени, как Господь обратился к Шинго, не прошло и секунды. Но разговор еще не был окончен, и мальчик услышал:

– Как же ты говорил, Шинго, что готов идти в вечную муку, если даже такой боли не мог вытерпеть? А ведь там страдания хуже стократ, и длятся они до скончания мира.

В словах этих не чувствовалось ни насмешки, ни порицания: они как бы просто утверждали некую незыблемую вещь, вроде того, что, не зайдя в воду, нельзя научиться плавать. Шинго вздрогнул, затем медленно произнес – не сразу, будто собирался с мыслями:

– Прости меня, учитель!.. Наверное, я был слишком самонадеян. Клянусь...

– Клятва запрещена заповедью, Шинго: разве ты об этом забыл? Если хочешь что-то сказать, говори просто «да» или «нет». И вот я у тебя спрошу, чтобы ты мне именно так и ответил: знал ли ты прежде эту девочку?

Шинго напряг память, но так ничего ему и не вспомнилось, и поэтому спустя минуту он признался:

– Нет, Господи.

– А вот она тебя хорошо знала.

– Откуда?

– Она ходила в одну школу с тобою, училась в параллельном классе. Когда ты перевелся, она сразу влюбилась в тебя, но не решалась сказать о своих чувствах. Если у вас было одинаковое количество уроков, она шла за тобой по улице, но ты ни разу не обернулся. Потом она долго стояла возле

твоего подъезда, невзирая ни на мороз, ни на дождь, но тебе было недосуг выглянуть в окно. Однажды ветка сирени коснулась твоего лица; она обломилась и затем долго целовала. Когда же пришел срок тебе оставить земную жизнь и пополнить собою ряды чернокрылых братьев, она принесла эту ветку на твою могилу и на следующий же день сделала непоправимый шаг...

– Это все случилось из-за меня?..

– Нет, Шинго: ты так же не виноват в том, что произошло, как в твоих бедах не виноват Куломи. Просто она не смогла вынести расставания с тобою, как и ты не мог принять разлуку со своим другом. Она – это ты...

У Шинго кольнуло в груди, и он робко спросил:

– Где она сейчас?

– Там, куда ты совсем недавно сам хотел отправиться и даже просил меня об этом.

– Нет!

– Увы, Шинго, но это правда.

– Господи, выведи ее оттуда! Умоляю тебя! Ты ведь можешь...

– Оттуда к нам не переходят. Человек сам губит свою душу и подписывает ей смертный приговор, мы лишь приводим его в исполнение. Да, Шинго, пора бы и тебе вернуться к твоему послушанию, чтобы на других братьев не ложились дополнительные труды. Завтра я пришлю к тебе совсем юного брата, который еще неопытен и многого не умеет. Обучи

его всему, что знаешь, и, прошу, будь к нему снисходителен. Я думаю, вы поладите.

– А как же Морти?

– Ему уже назначен другой напарник – Тодик.

– Но почему, учитель? Поставь меня снова в пару с Морти. Я должен оправдаться перед ним!

– Ты снова ставишь одного брата выше других, только раньше это был Куломи, а теперь Морти? Если так, Шинго, послушай: я расскажу тебе кое-что о священнике, к которому ты вчера спускался. Прежде чем стать настоятелем того храма, он окормлял сельский приход, и его все любили за праведный образ жизни и за готовность принять и наставить каждого, кто нуждался в утешении и совете. Потом его перевели в город, но церковь, где он раньше служил, не могла стоять без пастыря, и в село приехал новый священник, с женою и с детьми. Он ничем худым не запятнал себя в глазах сельчан и уж тем более не был запрещен в служении, ибо прибыл согласно воле епископа, но прихожане относились к нему все равно как к самозванцу и упорно не хотели почитать его как пастыря – просто потому, что он был другой человек, не тот, к которому они привыкли. «Нам нужен отец, а не отчим» – так они писали архиерею, многие начали пропускать службу, а если шли к утрени, в церкви беседовали меж собою о мирских делах. Прежний священник заслонил для них Бога. Так и для тебя, Шинго, важнее оказалось, с кем из братьев ты будешь, чем то, что ты делаешь и куда идешь.

Но потом все кончилось хорошо: прихожане осознали свою ошибку и каждый из них покаялся перед новым священником, а он отпустил им этот грех и простил их от всей души. Пусть и у тебя все сложится благополучно, и ты вкусишь блаженства вместе с Куломи, вместе с Морти и иными братьями, когда подойдет срок каждого. Остальное в твоих руках. Но если сомнения еще гнетут тебя...

Шинго не прерывал учителя – он понял, что наставник намеренно сделал паузу после своей долгой речи и теперь ждет ответа. Откинув двумя пальцами со лба непослушную темную прядку, как привык делать еще в школе, когда отвечал заданный на дом параграф, Шинго произнес:

– Нет, Господи, я не сомневаюсь! Благодарю тебя. Я оправдаю твое доверие!

* * *

– А я и не знал, Морти, что у тебя до меня кто-то был...

– Так не обо всем расскажешь сразу, Тодька. Что-то через неделю вспомнится, а что-то – и через две...

– Ты боишься, что я поведу себя, как Шинго?

Морти вздрогнул. Он не ожидал от Тодика такой прямоты и не знал, что ответить: признаться, что плохо подумал о товарище, или солгать ему было одинаково трудно. Но Тодик понял, что Морти смущен, и пришел другу на помощь:

– Не бойся! Скажи: у тебя дома был сад? – спросил он

внезапно.

Морти недоуменно посмотрел на Тодика, не понимая, почему тот вдруг заинтересовался этим.

– Нет, не было... Там, где я жил, и картошка-то почти не росла.

– А у моих бабушки с дедушкой был: меня родители каждое лето к ним в деревню возили. Сначала на электричке едешь полчаса, а дальше, сразу за станцией, – река, через которую деревянный мост переброшен. Я слышал, его еще до войны построили, а он до сих пор стоит: видишь, какой крепкий!.. Перейдешь по нему, а там, прямо на другом берегу, – бабушкин дом, и от него яблони до самой воды спускаются. И антоновка, и ранет, и даже грушовку дед однажды при мне посадил – она самая вкусная, только я плодов уже не дождался... И я всегда удивлялся, отчего на одной и той же ветке растут два яблока, но одно из них хоть сразу срывай и в корзинку, а другое надкусишь и чувствуешь: лучше бы еще недельку повисело. Я как-то спросил бабушку об этом, а она улыбнулась и говорит: так Всевышний рассудил, внучек, а ты о промысле его не пытай, мозг испортишь. А теперь я вижу – не с одними яблоками так: мы, чернокрылые братья, – тот же урожай Господень, и это перед людьми мы садовники, а перед Богом – созревающие плоды... – Тодик негромко рассмеялся и, прижавшись к Морти, зашептал: – А все же хочется, чтобы мы с тобою попали в одну корзину, бочком к бочку, как вот сейчас!.. Эх, если бы только нам сде-

лать что-нибудь очень-очень хорошее, и вместе, обязательно вместе! Это чтобы Господь не смог сказать, будто я потрудился больше, чем ты, и скорее заслуживаю награды. Ну, или наоборот...

– А отчего награда у Бога бывает: по заслуге или по благодати?

Тодик прикусил ноготь и задумался, потому что вопрос действительно был сложным.

– Мне кажется, Морти, что одно без другого не существует. Вот когда на гитаре играешь, чем ты это делаешь: струнами или пальцами?

– Змей ты, Тодька, напомнил! Я уже сколько времени не держал в руках гитары, скоро, наверное, и ноты перезабуду. Хоть бы в раю она у меня была...

– А меня тогда научишь? Я ведь не на одном инструменте играть не умею, пою только...

Морти легонько толкнул Тодика локтем и озорно прищурился:

– Научу, если полной бестолочью не окажешься!

– Значит, сейчас нам тем более нужно стараться, чтобы твоя и моя мечта поскорее сбылась!

– Так разве мы не стараемся, когда исполняем волю Господа, непосланную в его откровениях?

Тодик вздохнул:

– Наверное, плохо еще исполняем, раз до сих пор не в раю... Чего-то нам недостает, чтобы стать совершенными,

как совершенен Отец наш небесный. Он-то знает, чего именно, только нам не говорит. И мне вот кажется, Морти: не говорит он лишь потому, что мы сами должны все увидеть и понять. В этом смысл нашего пребывания здесь. И мы непременно увидим и непременно поймем! Может быть – даже завтра!..

Глава 4.

Величайшее счастье

Автобус номер пять идет почти к самой границе города, туда, где многоэтажная застройка сменяется частным сектором. Если встать спиной к конечной остановке, как обычно делают толпящиеся на ней люди, то слева будут видны серые панельные дома, а справа – дощатые заборы, над которыми поднимаются вперемешку крыши старых изб и современных коттеджей. Спереди же и сзади остановка густо обсажена деревьями, за которыми летом почти ничего не видать. Однако человек, который приехал зимою, сразу заметит между голыми стволами торец красного трехэтажного здания; наверху оно украшено башенкой, напоминающей маяк, и потому странно смотрится в местности, где нет никакого моря. Удобная для легковых автомобилей дорога подведена к зданию с другой стороны, и там же оборудована небольшая стоянка. Время от времени к стоянке подъезжает

машина, и оттуда двое взрослых людей с серьезными лицами выводят ребенка – мальчика или девочку. Ребенок исчезает за тяжелой дверью парадного входа, успев еще с тоскою оглянуться. Больше он никогда не выйдет из красного здания – его оттуда вынесут, и то лишь затем, чтобы положить в гробик и зарыть где-нибудь на городском кладбище. Ибо это здание – больница, но больница совершенно особого рода: туда кладут пациентов, которых уже нельзя вылечить, но еще можно облегчить их страдания перед неизбежной смертью. Называется эта больница хоспис.

В тот день, о котором пойдет речь, хоспис жил по своему обычному распорядку. Иными словами, время тянулось очень неторопливо – для всех, а особенно для одной недавно поступившей в хоспис девочки. Кровать ее стояла возле самого окна, в большой, словно тренировочный зал, палате, находившейся на третьем этаже, под самой крышей; кое-кто даже утверждал, что весной можно услышать, как наверху воркуют голуби. Палата была рассчитана на пять человек, и, соответственно, в ней стояло еще четыре койки. Располагались они таким образом, чтобы можно было спокойно, ни обо что не стукнувшись и никого не потревожив, подойти к ящику с игрушками, к шахматному столику и к плоскому телевизору на трех ножках, возле которого поблескивал зелеными огоньками роутер. Его мерцание было особенно заметным именно сейчас, когда в палате потушили свет после ужина и вечернего обхода. Вслед за сумраком в пала-

те воцарилось и безмолвие: никто уже не переговаривался, не просил переменить компресс или дать воды, не плакал от нехоти нахлынувших воспоминаний. Ночная медсестра, призванная наблюдать за пятью девочками, которые находились в палате, вскоре начала зевать, а потом и вовсе задремала в широком кресле, обитом розовой тканью. Уснули в своих постелях и маленькие пациентки – все, кроме одной, той самой, которая лежала ближе всех к окну. Повернув на влажной подушке налысо остриженную голову, она широко открытыми глазами смотрела на темное небо, точно кого-то ждала. Ждать пришлось недолго: вскоре за окном возник силуэт мальчика с большими черными крыльями. Еще секунда – и мальчик соскочил с подоконника на пол: плотно закрытые рамы не стали для него преградой.

Девочка улыбнулась – было видно, что она очень рада гостю, но тут же решила для приличия соорудить и обиженную гримасу:

– Ди, где тебя носит! – негромко произнесла она.

Мальчик смущенно потупил взгляд:

– Прости, Настя. Божье дело – в первую очередь, я говорил...

– Вам что, отгулов не дают? Попросил бы!

– Тогда бы пришлось объяснять, зачем он мне.

– Кому объяснять – Господу? Он ведь и так все знает!

– Когда сам признаешься – это все-таки несколько другое... Еще и от напарника не сразу улизнешь.

– Ты ему не рассказывал обо мне?

– Есть вещи, которые держишь в секрете даже от братьев... Думаю, такие вещи должны быть у каждого человека.

– А я было решила, что ты все своим уже растрезвонил...

– По-твоему, я трепло?

– Ну, не сердись, Ди! – Девочка ласково поглядела на мальчика. – Я все понимаю. Просто хочется, чтобы ты хоть иногда прилетал пораньше.

– Да хоть бы я и прилетел, толком поговорить не удастся. Помнишь, что было в прошлый раз?

– Еще бы не помнить!.. – Девочка покосилась в сторону соседней кровати и прошептала: – Мало того, что эта рыжая злюка швырнула в меня подушкой, так еще и разоралась: «Хватит уже бубнить! Достала!» У нее, наверное, опухоль в заднице: мне Ирка ВКонтакте написала, что все такие люди малость неадекватные. Ну, а врачиха решила, что я сама с собою говорю, вот и потащила меня к психиатру или как он там называется – высокий такой мужик с длинными усами, как у таракана, только что ими не шевелит... Показывает он мне лист, где какая-то цветная белиберда нарисована, и спрашивает: «Что видишь?»

– А ты что ответила?

– Ну, я так прямо и сказала, что вижу белиберду.

Ди так и прыснул; он не боялся разбудить кого-либо своим смехом, потому что знал: кроме Насти, его никто не слышит.

– Зато теперь, – продолжила девочка, – ее накачали сно-

творным, и она до самого утра будет в отключке. И медсестра дрыхнет, даром что на дежурстве! Знает, что недолго уже ей здесь работать, вот, наверное, и решила напоследок отоспаться...

– Разве ее увольняют? А что она сделала?

– Ничего. Просто наш хоспис собираются прикрыть...

– Прикрыть? Почему?

– Денег нет, известно! Сегодня чуть свет двое каких-то дядек приехали на большой черной машине. Видимо, важные шишки, потому что даже по лестнице не стали подниматься: главврач сам к ним вышел, и они долго болтали во дворе. Я-то, разумеется, там не присутствовала, но потом в больнице начали судачить. Да не боись ты, – добавила Настя, заметив, как Ди побледнел, – на улицу меня не выпрут! Просто перестанут принимать новеньких, только и всего. Но нет худа без добра: зато уж мы с тобою всласть наговоримся...

– Скажи, а почему ты можешь меня видеть и слышать?

– Да я сама не знаю! Когда я жила еще с родителями, мне вдруг стало плохо, и меня отвезли в реанимацию. Как везли – не помню, а затем внезапно вспыхнул яркий свет, только не от ламп – лампы не дают такого, и прямо передо мной появился ты. Я сначала перепугалась, хотя и понимала – ты не хотел меня обидеть, попыталась убежать, но чувствую – не могу... И тут откуда-то сверху раздается громкий голос: «Еще рано!» А потом, когда я уже лежала здесь, открываю однажды глаза и вижу: ты на меня смотришь... Я тебя сразу

узнала!

– А других братьев ты тоже видишь?

– Я их тут не встречала. Ты ведь говорил, что они прилетают к умирающим, а мы умираем обычно ночью, когда я сплю. А может, я их просто не замечаю, они для меня как бы не существуют. Я никогда не дружила с мальчишками, кроме тебя: ты не такой как все, ты особенный... И не потому, что у тебя есть крылья: сам по себе!.. Мне так хочется узнать о тебе побольше! Ты ведь так и не досказал самое главное, когда нас спугнули...

– Главное – это что?

– Как ты умер и стал чернокрылым братом!

– Ах, да! В общем, когда поняли, что меня не вылечить, то поместили в хоспис.

– Правда, что ли? Получается, даже в этом мы с тобой похожи!.. А в какой именно? Может, в здешний? – Девочка с надеждой посмотрела на Ди, словно от ответа на этот вопрос зависело, станут ли они психологически еще ближе или нет. Ди очень не хотелось огорчать свою подругу, но он не мог и врать, поэтому, чуть помедлив, он произнес таким тоном, точно был в чем-то виноват:

– Нет, Настя... Я ведь жил в другом городе, и тот хоспис был хуже этого: тесный, душный, и окна выходили на какую-то серую промзону. Впрочем, я и лежал там меньше недели. А на пятую ночь я вдруг услышал песню, и сперва даже не понял, чью именно. Так хорошо не пели даже ребята

из нашего церковного хора: я и сам мечтал туда поступить, но моя болезнь началась как раз с того, что я потерял голос. Я сперва подумал: какой славный сон, хоть бы и вовсе не просыпаться... А потом я увидел возле себя двух мальчиков: на своих черных крыльях они возносили меня высоко над землей и смотрели на меня так приветливо, словно мы всю жизнь росли вместе. И мне захотелось стать таким же, как они... Наверное, Господь прочитал мои мысли!

– А быть братом-хранителем хуже?

– Не думаю... Видимо, это каждый решает для себя. Ты, например, какое мороженое больше всего любишь?

– Клубничное. Только его здесь не подают...

– Ну вот, а я – шоколадное. А мой напарник – фисташковое: я его об этом однажды спросил. То есть даже тут наши вкусы расходятся. С одной стороны, хранителю как-то спокойнее: он прикреплен к определенному человеку, и никто его особо не дергает. С другой – если ты чернокрылый брат, приходится много куда летать, ну, и заодно мир посмотришь... Я ведь прежде даже в Москве один раз только был!

– А у меня тоже есть хранитель?

– Конечно! Он заботится о тебе и следит, чтобы после смерти ты попала в рай. А когда приходит время засыпать, он ласково дует тебе сначала на правый глаз, потом на левый. Тогда веки сами закрываются, и ночью ты видишь приятные сны, после которых хочется и делать, и говорить только хо-

рошее.

– А страшные сны он тоже насыляет?

– Очень редко... Только если нужно предостеречь от какой-либо беды.

– Стоп, Ди! Так если возле меня находится хранитель, он слышит все, о чем мы с тобой говорим? – Девочка даже покраснела, словно убедилась, что за ней кто-то подсматривает в самый неподходящий момент.

Мальчик улыбнулся:

– Не бойся! Его сейчас здесь нет.

– Почему? Он бросил меня?

– Да что ты, разумеется, не бросил! Просто в хосписе почти не бывает ни опасностей для тела, ни искушений для души. Поэтому от хранителя не требуется постоянно быть вблизи человека, которого он опекает. Но мысленно он всегда с тобой.

– Вот ты говоришь, по всему свету летал... – задумчиво произнесла девочка. – Меня папа, когда я была здорова, тоже возил всюду: и в Кизи мы с ним ездили, и в Анталию, даже на Байкале побывали однажды. Там красиво, только купаться нельзя: даже летом вода холодная, все равно что в крещенской проруби... А стоило мне заболеть, родители меня сюда сплывили. Не нужна я им такая!..

– Они просто хотели, чтобы за тобой был хороший уход.

– Да какой еще уход? Пластырь один раз в три дня наклеить, что ли, чтобы в середке не болело? Я даже в туалет са-

ма хожу, прикинь! Просто не желали, чтобы я дома отсвечивала. Сеструху только жаль... Она бы с радостью пришла меня навестить, да ей запрещено: дескать, зрелище смерти плохо отражается на детской психике. Когда взрослые говорят такие ученые слова, аж противно делается! А здесь хоть и телик поставили, и вайфай провели, а все равно – тоска зеленая... Если бы не ты, я бы, наверное, просто от скуки померла.

– Скоро я заберу тебя отсюда!

– Ди, а если Господь не тебе пошлет откровение?

– Такого не может случиться! Это буду я и только я! Знаешь, как это бывает: ты возвращаешься откуда-то пыльным, уставшим, а затем снимаешь с себя все, становишься под теплую воду, и тебе сразу делается хорошо и приятно. То же самое произойдет, когда ты сбросишь одежду со своей души. Тогда я подхвачу тебя, сожму крепко-крепко, и мы вместе поднимемся к Божьему престолу. А пока мы летим, я буду петь замечательную песню, которую не знает больше никто из братьев. Потому что я сам ее сочинил – специально для тебя! Верь мне, Настя! Послушай: я...

Ди хотел еще о многом поведать, что не перескажешь другому человеку и в другое время, но ему помешала медсестра: заворочавшись в своем кресле, она вдруг открыла глаза и глянула прямо на мальчугана, словно это он разбудил ее своим голосом. Этим Ди нисколько бы не смутился, но шум испугал Настю: она произвольно повернула голову в сто-

рону медсестры и тотчас зажмурилась, чтобы не выдать себя и показать, что спит или только что проснулась. Благоприятный момент для признания был упущен, и Ди даже язык прикусил от досады. Как назло, медсестра долго еще кряхтела, все пытаясь устроиться поудобнее, и время, пока она засыпала, казалось Насте и Ди вечностью.

– Черт бы ее побрал! – произнесла наконец девочка.

– Настя! Не надо...

– Да ты сам, поди, еще не такое сказал в мыслях!.. Слушай, Ди, – вдруг промолвила Настя, – ты случайно не знаешь азбуку жестов?

Застигнутый врасплох таким вопросом, мальчик смешался:

– Не знаю... Извини.

– Жалко... А то бы выучил меня, я бы отвернулась к стене и шевелила себе пальцами, так, чтобы никто, кроме нас, этого не видел. Мы бы понимали друг друга и не боялись, что нас одернут!..

– Стой-ка, Настя! По-моему, среди братьев есть один, который раньше был глухонемым. Сейчас-то, разумеется, он может и слышать, и говорить, но, как мне кажется, еще не забыл жестовый язык. Я упрошу его дать мне несколько уроков – якобы просто так интересуюсь, а потом и тебя обучу.

– Вот здорово! Ди, ты молодец!

Ди сдержал свое обещание. Когда он прилетел в следующий раз, то уже твердо знал, как при помощи рук сказать «привет», «я так ждала тебя» и еще много хороших слов. Настя оказалась способной ученицей и быстро усваивала все, что ей говорил Ди, но ее болезнь прогрессировала, и с каждым днем девочка становилась все слабее. Теперь Настя уже не пробовала приподняться на локте и тем более сесть в постели, когда видела Ди, поскольку каждое движение вызывало у нее одышку. Хуже всего было по ночам – именно в то время, когда Настя и Ди привыкли общаться между собою. Вскоре всем стало ясно: если не принять мер, Настя медленно задохнется прямо во сне, и ее смерть будет крайне мучительной. Правила хосписа предписывали не допускать подобных смертей, и потому было принято решение: каждый вечер подключать Настю к аппарату искусственной вентиляции легких. Говорить, лежа под таким аппаратом, было нельзя при всем желании, и для девочки еще большей отрадой стали жесты, только при помощи которых она и могла отныне беседовать со своим другом.

И вот однажды Ди прилетел позже, чем обычно, – он был занят на своем послушании, – и застал Настю уже спящей. Но это не был прежний спокойный сон: девочка хрипела, и по ее телу пробегали судороги. Ди быстро догадался, почему: в аппарате что-то разладилось, и он подавал слишком мало кислорода. Медсестра, как и раньше, неподвижно дремала,

откинув голову на спинку кресла, и слишком тихий хрип Насти не мог ее разбудить. Ди немедленно включил свой хроносканер, и те немногие сомнения, которые еще оставались, исчезли: в ближайшее время медсестра не проснется и никто из посторонних не зайдет в палату, а оставленная без помощи Настя не доживет до утра.

Мальчика пробила дрожь.

«Вот оно! Неужели пришел срок исполнить слово, которое я дал Насте?»

Искать напарника уже не было времени, да и слишком многое пришлось бы ему объяснять, поэтому Ди решил действовать сам. Он достал печать и коснулся ею Настиного лба – так нежно, как только мог, словно целовал свою подружку. Темные стены больничной палаты раздвинулись, и мальчик увидел, что стоит в большом парке, посреди гомонящей и разноликой толпы. Впереди, на расстоянии не более десяти метров, находилась карусель – старинная, с конями, каждый из которых был выкрашен в особый цвет: один белый, другой оранжевый, третий черный, четвертый тоже белый, но с синеватым оттенком. Ди не запомнил, кто сидел на первых трех лошадях, но на четвертой он с изумлением увидел себя самого. Тот, другой Ди, был одет в короткие синие шорты и красную рубашку без рукавов: Бог знает, как это стало возможным, но крылья, находившиеся за спиной, не помешали натянуть ее. И он был не один на деревянной лошади: рядом, чуть ближе к крупу, сидела Настя. Настоящий Ди, который

стоял поодаль, сразу узнал ее, хотя у девочки были теперь длинные русые волосы, а вместо серой больничной пижамы ее фигурку скрывало легкое платье в цветочек. Своими тонкими белыми руками Настя крепко обхватила сидящего перед ней Ди, а голову положила ему на плечо. Он был серьезен, а она улыбалась, полузакрыв глаза, и, казалось, для них обоих ничего больше не существовало, кроме друг друга, да еще этой карусели и теплого, дующего прямо в лицо летнего ветра.

«Так вот они – мечты Насти!» – подумал Ди и почувствовал, как в его груди что-то екнуло.

«Даже теперь, задыхаясь, она думает обо мне... И она счастлива... Счастлива так, как, пожалуй, и в раю не бывает!.. Настя могла бы видеть еще много таких снов! А разве мы, слуги Господа, не призваны дарить людям счастье? Но сейчас я могу только вырвать у ней душу, как некогда поклонники сатаны вырывали у людей сердца на каменных жертвенниках. Нет, Настя, рано тебе на тот свет, рано присоединиться к нам! Ты еще не испила всех радостей в земной жизни! Я должен тебя спасти! Но как? Что мне делать?»

– Так что же мне делать?

Ди в отчаянии огляделся, словно ждал, не донесется ли из толпы какая-нибудь подсказка. Но люди, пришедшие в парк, смеялись, болтали между собою, обсуждали какие-то свои проблемы, и никто не замечал одинокого растерянного мальчика с его некстати заданным вопросом.

«Позвать хранителя? Но ведь их интересуют только души – не тела... Нажать тревожную кнопку? Но мы, чернокрылые братья, слишком легки, и вещи этого мира для нас все равно что воздух. Даже Настя... – Ди вспомнил, как однажды набрался смелости и попробовал украдкой дотронуться до мочки Настиного уха: ни он сам, ни девочка ничего не почувствовали. – А медсестра спит...»

И тут в голову Ди пришла новая мысль, настолько простая и ясная, что казалась Божьим откровением. Мальчик чуть не подпрыгнул от восторга; больше не сомневаясь, он взвился вверх, прямо к яркому синему небу, которое за какую-то секунду преобразилось в прежний больничный потолок. В соседних палатах хосписа стояла мертвая тишина, как будто здание было уже покинуто и ждало новых хозяев. И вдруг ее разорвал страшный, нечеловеческий вопль, словно кто-то голыми руками схватил раскаленное добела железо; он был слышен на всех этажах, и в подсобке, и даже на улице. Весь больничный персонал ринулся в палату девочек, и даже пациенты, которые могли ходить, поспешили следом. Медсестра, судорожно хватая ртом воздух, медленно сползала с кресла на пол; ее подхватили под руки, снова усадили, дали понюхать нашатырный спирт, а затем вкололи что-то нашедшееся в ближайшей аптечке. В общей суматохе могли и не обратить внимания на Настю, но какой-то человек крикнул, показывая на нее пальцем, и аппарат быстро отрегулировали. Медсестру отпустили домой, когда убедились,

что ее жизни больше ничего не угрожает. Наутро ей позвонил главврач, чтобы справиться о здоровье и одновременно узнать, что же именно произошло, но вразумительных объяснений он так и не получил. В конце концов решили, что это был просто нервный припадок, и поэтому главврач велел не упоминать о нем в отчетных документах.

Вечером Ди не прилетел, не было его и на следующие сутки, и на третьи. Настя догадывалась, что он как-то замешан в том, что случилось, но не знала подробностей, и оттого недоумевала, куда же подевался ее друг. Потянулись тоскливые одинокие дни. Каждый вечер девочка просила Господа, чтобы тот вернул ей Ди или хотя бы дал знать, что с ним все в порядке. Она плакала – впервые с того дня, как ее положили в хоспис, но ни слезы, ни молитвы не помогали. Постепенно умерли все девочки в палате; новых не привозили, и осталась одна только Настя: она все еще жила. Жила и ждала Ди.

Но листья, которые пожухли и опали осенью, непременно распускаются весной. Так и Настя однажды после обеда увидела прямо перед своими глазами знакомый промельк черных крыльев.

– Ди! – Случись это раньше, Настя бы громко вскрикнула, но сейчас ее сил хватило лишь на едва различимый шепот. Девочка ждала, что Ди, если услышит ее, тотчас же обернется. Однако мальчик, которого Настя сейчас видела только со спины, лишь вздрогнул и широко раскинул крылья, чтобы улететь прочь из палаты: он был явно испуган, что его

окликнули по имени. Но ему помешал негромкий голос, доносившийся откуда-то снизу:

– Морти, остановись! Давай побудем с нею!..

– Зачем?

– Она же плачет! А когда человек плачет, его бросать нельзя...

Тот, кого назвали Морти, посмотрел на Настю через плечо, помедлил немножко, а затем произнес нарочито грубоватым тоном:

– Хорошо, Тодька! Тогда уж вылезай: хватит прятаться, раз все равно спалились!

Тодик высунул голову из-под кровати, куда он юркнул, словно мышка в нору, едва услышав Настин голос. Оба мальчика уселись прямо на пол, скрестив ноги, и Морти смущенно сказал:

– Прости, мы не то чтобы подглядывали за тобою... Просто чернокрылые братья иногда облетают хосписы, чтобы присмотреться к тем, кого в скором времени нужно будет препроводить в рай.

– Если хочешь добросовестно сделать свою работу, ее прежде следует изучить во всех деталях. Так всегда бывает! – добавил Тодик, и его мордашка расплылась в широкой улыбке.

– Скажите, ребята: вы ведь друзья Ди? Это он тогда меня спас? – спросила девочка.

Морти кивнул.

– Он видел, что тебе нужна помощь, и поэтому решил разбудить медсестру. Пока человек спит, мы, чернокрылые братья, можем проникнуть в его сознание и забрать его душу. Если сделать это аккуратно, человек ничего не почувствует. Но если резко потянуть душу из тела, он от такого проснется. На это и рассчитывал Ди. И у него получилось!..

– А где сейчас Ди? Он еще вернется?

Морти ответил не сразу.

– Может быть, и вернется... Но тебя уже не узнает.

– Почему?

– Ему стерли память...

– Его наказали? – Настя с ужасом посмотрела на Морти и Тодика. – Но за что? Вам запрещено любить людей? Или запрещено продлевать им жизнь?

Морти покачал головой:

– Не запрещено ни то, ни другое.

– Тогда отчего же?..

– Просто иначе он не смог бы нести свое послушание. После того случая он в любом человеке начал видеть тебя. А он должен был остаться чернокрылым братом!.. Вы вновь узнаете друг друга, только встретившись в раю, но путь Ди до рая еще долг.

– Ясно, – промолвила девочка и отвернулась. Какое-то время все молчали, затем Тодик несмело сказал:

– Хочешь, мы сейчас же отнесем тебя к Господу?

– Не нужно, – еле слышным голосом откликнулась На-

стя. – Раз Ди хотел, чтобы я жила, – что ж, еще побарахтаюсь... Спасибо вам, ребята.

* * *

Настя умерла через три дня. Морти и Тодик приняли ее душу, и, пока они все трое летели в небеса, Тодик пел. Он старался, как никогда ранее, и Насте казалось, будто рядом с нею Ди. И она была счастлива – совершенно так же, как тогда, когда каталась с Ди на карусели в своих фантазиях.

Глава 5.

Две матери

Если взрослого человека, много повидавшего на своем веку, спросить, какой день в его жизни был лучший, человек, пожалуй, и затруднится с выбором. Потому что он помнит много хороших дней, и каждый заслуживает доброго слова. В какой-то из них человек получил долгожданное повышение по службе, в другой день встретил женщину, с которой счастливо прожил не один десяток лет, а в третий узнал, что хоть и болен, но не так опасно, как считал прежде. Когда же задаешь совершенно такой же вопрос ребенку, то еще меньше следует надеяться на четкий ответ. Дети вообще не любят оглядываться на свое прошлое, а если кто-то из них и

делает это, он, как правило, несчастен. За слишком уж много камней такой ребенок запинался, и теперь поневоле вынужден напоминать себе, где они находятся, чтобы не упасть еще раз. Однако если спросить какого-нибудь знакомого мальчугана о лучшем дне недели, он, скорее всего, не задумываясь, выпалит:

– Разумеется, воскресенье!

И еще посмотрит с удивлением на собеседника: есть же, дескать, люди, которые не понимают совсем уж элементарных вещей.

И это на самом деле так. Воскресный день – отдушина в череде скучных школьных будней, маленькие каникулы, которые можно использовать по своему усмотрению. Плохо лишь то, что в нынешнее время из этого не сделаешь секрета, и наутро весь класс уже каким-то образом знает, что Пашка Елагин до вечера проторчал в бассейне, Гришка Творогов мастерил модель бригантины (он вообще малость не от мира сего), а Борька и Семка Грудницыны – они троюродные братья – до рези в глазах препирались насчет Цоя и Шевчука, пока родители не отобрали смартфоны. Сегодня они после уроков и завершат свой спор – кулаками на заднем дворе школы, а в следующее воскресенье вместе пойдут, совершенно помирившиеся и счастливые, в концертный зал «Эксплозион» на выступление приезжей рок-группы.

Зал этот был довольно старый: его построили еще при советской власти. Тогда, разумеется, он назывался по-друго-

му, но как именно – даже старожилы уже не упомнят. Впрочем, с тех времен только название и сменилось, а все остальное осталось как раньше: и герб с колосьями чуть повыше центрального входа, сильнее всего напоминающий о былых временах, и мозаичное изображение арфистки на фасаде, и толстая строгая билетерша, которая так въедливо смотрит на каждого человека, что у ребятишек из соседних домов заслужила прозвище Телескоп. Они не очень-то ее любят из-за того, что работу свою она выполняет на совесть и прошмыгнуть мимо нее зайцем просто невозможно: едва какой-нибудь отчаянный пацан попытается это сделать, как сразу чувствует, что его схватили за воротник или за рукав куртки, да так, что не вырвешься:

– Куда это ты намылился? А билет?

Но одного мальчишку Телескоп не смогла бы задержать при всем желании; впрочем, и у него бы не получилось ни предъявить билет, ни даже купить его. Морти прилетел к «Эксплозиону» за полчаса до начала концерта, о котором он узнал за три дня до того из объявления на городской остановке. Некоторое время Морти болтался на улице, вникая в разговор двух парнишек, которые, конечно же, и не подозревали, что их кто-то подслушивает; затем он проник в зал. Народу там набралось уже порядочно, и повсюду белели крылья братьев-хранителей; один из них увидел Морти и испуганно вскрикнул. Морти, улыбнувшись, помахал ему левой рукой: это значило, что он прилетел только послушать музы-

ку и чью-то душу забирать не намерен. Внутри «Эксплози-он» выглядел совсем маленьким, почти игрушечным, и, казалось, если бы какая-то девушка захотела бросить с заднего ряда букет на сцену, ей бы это удалось. Но Морти этим нисколько не смущался: ведь и самый первый его рок-клуб, куда однажды он пришел вместе со старшим братом, не мог похвалиться размерами. Удобно расположившись на самом верху, возле прожектора, Морти мог видеть и публику в зале, и сцену, и теперь только ждал появления на ней музыкантов, чтобы раствориться в общем для всех ритме. Музыканты пока не выходили, но Морти заметил нечто иное, из чего следовало, что он здесь не единственный чернокрылый брат. Чье-то хмурое насупленное лицо и пара темных крыльев рядом возникли, точно материализовавшись прямо из воздуха; затем невесть откуда взявшийся мальчик злым, колючим взглядом окинул зрительный зал, словно искал кого-то и, очевидно, не нашел, поскольку тотчас же исчез – столь же внезапно, как и появился. Но Морти узнал его и с удивлением подумал:

«Юкуфи? Интересно, что ему тут нужно? Я не слышал, чтобы он увлекался рок-музыкой...»

Среди прочих братьев Юкуфи выделялся тем, что всегда был мрачен, молчалив и не понимал обращенных к нему шуток. Морти не любил таких ребят, поэтому не старался сблизиться с Юкуфи и знал о нем очень мало. Впрочем, Юкуфи и сам не искал чьей-либо дружбы; послушание свое он нес так,

что его трудно было в чем-то упрекнуть, но, едва справившись с делом, он улетал и никому не говорил, куда именно. Но Морти не затем прилетел сегодня в «Эксплозион», чтобы ломать голову над странными привычками своих товарищей, а уж когда начался концерт – с опозданием всего на две минуты, – он и думать забыл о Юкуфи. Сперва по обычаю рокеров музыканты исполнили совсем свежие композиции, неизвестные почти никому в зале, а затем перешли к старым проверенным хитам. Морти, впрочем, не видел почти никакой разницы между тем, что пелось в начале, и тем, что звучало ближе к концу: он ведь впервые попал на гастроли этой группы и не был знаком с ее творчеством. Но концерт ему нравился: Морти ничуть не жалел, что потратил на него кусочек своего свободного времени. И он чувствовал себя счастливым – в особенности тогда, когда вместе с простыми мальчишками, что сидели на последних креслах, попробовал подпевать солисту и убедился, что это у него получается. Ведь все мальчишки похожи друг на друга, вне зависимости от того, есть у них за плечами крылья или нет.

И вот когда зрители дружно просили сыграть на бис особо понравившуюся им песню, в зале внезапно погас свет, умолкла и музыка. Некоторые начали свистеть и топтать ногами, думая, что это просто короткое замыкание, но тут же замерли в ужасе. Из-за кулис вышло несколько темных фигур, и чей-то грубый голос велел музыкантам немедленно спуститься в зрительный зал. У одного из незваных гостей

в руках был какой-то длинный предмет; он поднял его повыше, громохнул выстрел, и пуля расколотила прожектор, рядом с которым находился Морти. Послышался отчаянный крик; какая-то девушка бросилась к выходу, но чья-то длинная тень встала у нее на пути. Раздался второй выстрел, и немедленно вслед за ним – приказ, резкий, словно удар кулаком под ребра:

– Всем оставаться на местах!

Морти похолодел:

«Захват заложников!»

Да, это действительно было так. Вооруженный человек в маске соскочил со сцены в зал; за ним последовал второй, третий, четвертый. Преступники рассредоточились по периметру, начали тянуть что-то вдоль стены, затем пригнали весь обслуживающий персонал «Эксплозиона», которому надлежало разделить судьбу зрителей и музыкантов. Все это они делали с такой четкостью, что казались и не людьми даже, а какими-то бездушными механизмами, отчего выглядели еще страшнее. Зрители на своих местах не смели ни пошевелиться, ни выдохнуть; только мальчишки в заднем ряду еле слышно всхлипывали, а стоявшая рядом билетерша утешала их, как могла: прежняя вражда была забыта. Морти сверху мрачно наблюдал за всем происходящим. Он уже догадывался, что произойдет дальше: террористы принесут немного воды для заложников, как-нибудь организуют посещение ими туалета и вступят в переговоры с силовиками, ко-

торые наверняка уже оцепили здание снаружи. Переговоры могут продлиться и сутки, и двое; за это время кто-нибудь из заложников выведет террористов из себя, и они его пристрелят в назидание остальным. А затем, скорее всего, начнется штурм, при котором погибнут десятки невинных людей. Все это было до такой степени предсказуемо, что даже тошнота подкатывала к горлу. Морти понимал, что больше ему в зрительном зале делать нечего, но и улететь не решался: ему казалось, что он бросает попавших в беду горожан на произвол судьбы, хотя и не знал, чем может им помочь. Увидев, что братья-хранители встали в тесный круг и начали молиться о подопечных, Морти решил последовать их примеру, причем специально выбрал молитву подлиннее, а когда она окончилась, начал следующую.

Когда в мыслях обращаешься к Богу, время бежит незаметно, и Морти потерял ему счет. Он не гадал, сколько минут истекло, как не интересовался тем, что происходило за пределами маленького зрительного зала, и даже закрыл глаза, чтобы ничто не отвлекало от молитвы. Однако договорить святые слова помешал неожиданный шум; трудно было разобрать сразу, донесся ли он с улицы или откуда-то еще, но он вынудил мальчика прерваться и разомкнуть веки. Морти увидел, что одна из ламп, расположенная прямо над сценой, снова зажжена; она бросала узкий луч, и он образовывал маленькое пятно, бледно-желтое, точно лицо покойника. Заложники, не понимая, к чему такая перемена, зашептались

и задвигались, но крик: «Смирно!» заставил их притихнуть. Террористы взяли оружие на изготовку, и двенадцать стволов были направлены в зал. Еще мгновение – и в освещенной части сцены появился какой-то человек. Настоящий гигант – под два метра ростом, в черной балаклаве, плотно прикрывавшей все лицо, кроме маленьких свиных глаз, он походил на средневекового палача, который на своем помосте возвышается над толпой. В правой руке неизвестный держал что-то вроде продолговатой коробки с торчащими из нее проводами.

Ледяную тишину, царившую в зале, разорвал истериче-ский вопль:

– Бомба!!

Все оцепенели, ибо поняли, что случилось: при перегово-рах что-то пошло не так, и работники спецслужб убили од-ного из террористов; теперь за этот необдуманый поступок следовало расплатиться заложникам. Дело приобрело самый скверный оборот, который только можно было представить. Бежать было некуда: с трех сторон в людей целились из ог-нестрельного оружия, а спереди нависал великан со взрыв-чаткой. Ее он запросто мог добросить до любой точки зала; она тотчас же превратила бы как минимум десять человек в кровавые ошметки, и каждый молил Бога только об одном: не оказаться в числе этих десяти. Скорее всего, стоявший на возвышении человек понимал это и оттого не спешил: его взор медленно перемещался от ряда к ряду, и каждый, на

ком он задерживался, чувствовал, как душа уходит в самые пятки. Один мужчина, уже немолодой, лишился чувств, но люди, сидевшие на соседних креслах, этого даже не заметили или, быть может, заметили и пожалели его, но боялись шелохнуться. В какой-то миг освещенный софитом человек глянул и вверх, прямо на Морти, и у мальчика по спине поползли мурашки, хоть он и знал, что террорист не способен его видеть. Морти невольно вспомнил старую легенду о демонах, которые растут, питаясь человеческим страхом, и почему-то всегда при этом улыбаются. Но их улыбка не такая, как у людей: она похожа скорее на уродливую гримасу – от одного уха и до другого. И Морти чудилось, что именно такая улыбка расплывается прямо на темной ткани балаклавы. Но даже демон не может улыбаться вечно, и человек в уродливой маске, похоже, наконец-то выбрал себе жертву: он придвинулся к заложникам, сделав длинный скользкий шаг, будто давал представление и ради этого представления все и собрались. Но у самого края сцены проходил толстый провод, идущий к звуковой колонке. Человек со взрывчаткой, как и прежде, смотрел только на публику и потому не сразу заметил, что его нога, обутая в тяжелый ботинок, зацепилась за этот провод, а когда почувствовал, что его словно кто-то потянул за лодыжку, было уже слишком поздно. Он упал – разом, не успев сложиться и даже выставить локоть, и бомба вылетела из его вскинутой кверху руки; она взмыла вверх и упала рядом – в полуметре от его тела.

Все произошло за какие-то две секунды. Чудовищный взрыв потряс здание. Террористы, стоявшие у стены, попадали на пол, будто оловянные солдатики, которых ребенок сшибает одним щелчком пальца. Часть аппаратуры сорвалась с потолка и рухнула вниз, в зрительный зал, но сам потолок выстоял. Сквозь дым и пыль, которые окутали помещение, Морти увидел, что распластанный поперек сцены, покрытый кровью и копотью человек в балаклаве еще жив; он даже попробовал приподняться, но тут же издал глухой стон и потерял сознание. И тогда в зале снова возник Юкуфи – словно из ниоткуда, как и в первый раз, но теперь в его глазах светилась злобная радость, а в руке он сжимал печать. Будто коршун на добычу, Юкуфи бросился к неподвижно лежащему на сцене человеку. Морти ринулся следом; мысли путались в его голове – слишком уж много всего произошло за один день, но он осознавал: вся цепочка странных событий началась с появления Юкуфи там, где его не должно было быть. Морти подозревал, что Юкуфи как-то связан с этим терактом, и чувствовал, что обязан во что бы то ни стало разрешить эту загадку. Последнее, что он услышал, были слова: – Руки за голову! Руки за голову! Работает ОМОН!

* * *

Юкуфи огляделся. Справа и слева от него мелькали обрывки каких-то воспоминаний; они сменяли друг друга,

словно в калейдоскопе, пронеслись мимо с бешеной скоростью, и никто не смог бы разобраться во всем этом. А прямо перед собою Юкуфи увидел бесов. Он сталкивался с ними и прежде, но никогда они не были так страшны, и никогда их не было так много, как теперь. На секунду Юкуфи оробел, но он зашел слишком далеко, чтобы теперь остановиться. Он громко крикнул – не столько затем, чтобы их напугать, сколько для того, чтобы самому себе придать храбрости, и бесы тотчас расступились перед ним.

Юкуфи опешил:

«Они слушаются меня? Но почему?»

Однако на раздумья уже не оставалось времени: впереди была душа грешника, и Юкуфи казалось, что он уже различает ее холодный свет. Он уже было рванулся с места, но почувствовал, как кто-то вцепился ему в руку, и, обернувшись, увидел рядом Морти.

– Юкуфи, что ты затеял?

Юкуфи зло сверкнул глазами:

– Я вырву его душу из тела ко всем чертям!

– Почему ты один? Где твой напарник?

– Не твое дело!

– Ты что, не получал откровения?

– Сказано же: не твое дело!

– Нет, мое: я тоже слуга Господень! Отвечай, а то не выпущу!

– Раз мы – слуги Господни, то должны очищать его сад от

плевелов. А это – плевел, и я выдеру его с корнем!

– Брат, остановись! Мы же не убийцы!

– Зато он – убийца! Мои родители погибли во время теракта, и именно он бросил тогда бомбу! Моего отца разорвало буквально на куски!.. А мать была еще жива, когда ее пронесли мимо меня: один глаз у нее вытек, но вторым она успела в последний раз на меня посмотреть... Этот взгляд я никогда не забуду!.. А затем я очутился в детдоме! Рассказать, чего я еще и там пережил? Да нет, пожалуй, не буду, а то у тебя ушки больно нежные: чего доброго, завянут! И чернокрылым братом я стал лишь для того, чтобы найти и покарать этого уroda! И в конце концов я его выследил! Сначала я думал прикончить его во сне, но его хранитель все время был начеку и не дал бы мне это сделать. Поэтому я решил дождаться удобного случая. И вот сегодня дождался!.. Впрочем, что я перед тобою распинаясь: ты меня все равно не поймешь! Твоих-то родителей не убивали...

– Убивали... Во всяком случае, мать.

– И ты простил того, кто это сделал?

– Сначала я хотел убить его. Но потом – да, простил.

– И кто же это был? Говори, коли не врешь!

– Я сам.

– Ты?!

– Да, я. Моя мать умерла при родах. Мы тогда жили в далеком северном поселке, а какая там медицина, ты, наверное, сам представляешь...

– Ха! Тогда все понятно: кто же себя, любимого, ненавидеть станет!

– Представь себе: я ненавидел... Когда осознал, что из-за меня отец овдовел, а брат сделался сиротой. Я тогда целый день ходил, как в воду опущенный, а потом полез в книжный шкаф за рецептурным справочником – узнать, каких таблеток лучше наглотаться, чтобы поскорее коньки отбросить. К счастью, отец был рядом и все понял: он вырвал справочник у меня из рук, его корешком меня по голове треснул и сказал, чтобы я фигней не страдал: успею еще... Вот и ты не страдай! – Не дожидаясь, пока Юкуфи опомнится, Морти резко дернул его за руку и вместе с ним взмыл в воздух, но высоко не поднялся: он словно ударился о какое-то невидимое стекло. Оба мальчика упали, как подстреленные охотником вальдшнепы. Ни с одним из них прежде не случалось ничего подобного, но Морти почти сразу догадался, что же именно произошло: морщась от боли, он повернулся к Юкуфи и глухим голосом произнес:

– Похоже, его привели в чувство. Теперь мы заперты внутри его сознания... И знаешь: похоже, не мы одни об этом догадались, – добавил Морти чуть погодя.

Юкуфи посмотрел в ту сторону, куда ему указал товарищ, и едва не вскрикнул. Бесы, которые до этого спокойно наблюдали за перепалкой двух мальчиков, теперь сбились в кучу и сплошной черной массой надвигались на Морти и Юкуфи: очевидно, они и впрямь сообразили, что ребята, кото-

рым некуда деваться, стали легкой добычей. Юкуфи, которым все еще владела ярость, вскочил на ноги и крикнул:

– Я разберусь с ними!

Гнев охватил и Морти. Он уже собирался врезать Юкуфи как следует и удержался от этого лишь потому, что понимал. Сейчас они должны действовать сообща.

– Ты совсем спятил, что ли? Не видишь, сколько их? Сперва мстителя из себя корчил, теперь героя решил разыграть! Нам нужно только выиграть время, пока он не уснет! А затем смоемся отсюда! Понял? – И снова схватив Юкуфи повыше локтя, Морти увлек его за собою.

Как ни был взвинчен Юкуфи, он все же сообразил, что благоприятный момент расквитаться за гибель семьи оказался упущен: даже если бы душу преступника и удалось сейчас захватить, ее не получилось бы вынести из тела. Изо всех сил махая крыльями, ребята летели в каком-то лабиринте, извилистом, точно кривая дорожка, по которой идут грешники, не знающие Бога. Следом гнались бесы – хозяева этих мест, и Морти ощущал на своих голых ступнях их обжигающее дыхание. Злой встречный ветер свистел в ушах, слепил глаза и даже, казалось, путал мысли, потому что теперь Морти не мог вспомнить уже ни одной молитвы. Отчаяние начла закрадываться в его сердце: мальчику чудилось, что он навеки заключен в какую-то узкую клетку, откуда уже не выбраться, не увидеть светлого Божьего мира и особенно России – той страны, которая при земной жизни была его домом.

Морти невольно представлялись все ее красоты, которыми ее так щедро одарил Господь, дабы они свидетельствовали о его могуществе и славе: песчаные дюны Балтийского моря, бескрайняя зелень Мещеры, дельта Волги, вся розовеющая цветками лотоса, суровый Байкал, что старше любого озера на земле, и, наконец, извергающие дым и пламя горы Камчатки. Последнее воспоминание было особо мучительным, ибо оно заставило подумать о брате – не по плоти, а по духу, роднее которого и быть не может:

«Тодька... Зачем я тебя оставил? Почему тебя не было со мною полчаса назад? Ты бы в двух словах убедил Юкуфи отказаться от своего намерения. Ты это можешь... И мы бы успели покинуть это проклятое место! А я вот так не умею!.. Если же мне все-таки придется драться с Юкуфи, не уверен, что справлюсь с ним...»

И от мыслей о своем бессилии у Морти на глаза навернулись слезы. Он стиснул зубы и поспешил отвернуться от Юкуфи, летевшего рядом, потому что не хотел показывать перед ним свою слабость, но вдруг услышал его голос:

– Стой!

– Что?

– Кажется, мы от них оторвались...

Морти притормозил и огляделся. Бесов нигде не было видно, но мальчик знал их повадки и поэтому мрачно возразил:

– Так легко они нас не оставят!.. Отыщут, если где-нибудь

не спрячемся! – Облизав пересохшие губы, Морти весь вытянулся вперед и приложил свою ладонь ребром к переносице. – Отсюда плохо видать, но там вроде бы какая-то деревня. А раз деревня, значит, и люди в ней есть. Попросим у них приюта!..

– Да уж, представляю, какие люди здесь водятся!.. Наверняка они хуже тех бесов.

– Не узнаем, пока не проверим.

– Знаешь, что? Лети-ка дальше один!

Морти сощурился:

– Трусишь?

– Еще чего!

Мальчики начали снижаться. Вскоре они убедились, что это была не деревня, а скорее окраина большого города, депрессивный район, где каждый выживает, как умеет, а кто не умеет, того находят на ближайшем пустыре – с пробитым черепом, без телефона и кошелька. Первое здание, возле которого приземлились Морти и Юкуфи, представляло собою обшарпанный прямоугольник из белого кирпича; окна его были загорожены уродливыми железными решетками, а над металлической дверью виднелась полинялая надпись: «Милиция». Туда ребята не стали заходить и решили попытаться счастья в домике напротив, через дорогу. Он выглядел довольно чистым, ухоженным, пусть местами с него и сошла краска, и только окружавший его деревянный забор совсем обвалился и обветшал: видимо, в доме давно не было муж-

чины, способного его поправить. Ребята перешли через улицу – осторожно, чтобы босыми ногами не наступить на окурки и битое стекло; затем Морти и Юкуфи пролезли сквозь щель в заборе, для чего пришлось сложить крылья.

– Только грязь понапрасну месим! – буркнул Юкуфи, отряхивая с коленки случайно попавший на нее сор; он все еще злился на Морти за то, что тот, по его мнению, сунул нос, куда не следовало. – Здесь, поди, никого и нет...

– Стучите – и вам откроют, – возразил Морти словами Господа. Стучать, впрочем, не пришлось: рядом с дверью Морти заметил кнопку электрического звонка и нажал на нее. Менее чем через полминуты дверь отворилась. На пороге стояла женщина в синем домашнем платье, поверх которого был надет белый фартук: должно быть, ее только что отвлекли от хлопот по хозяйству. Судя по фигуре, ей было не более сорока лет, но лицо позволяло дать и больше: так старит людей давнее горе и неизбывная тревога.

– Дети, кто вы? – спросила она. – Я раньше вас не встречала.

В словах женщины слышалось, а в глазах читалось удивление, но взгляд ее был добрым, а голос – мягким. Морти негромко кашлянул.

– Я и мой друг – оба бедные сироты, – как бы извиняясь, вымолвил он. – Мы приле... то есть пришли издалека, и у нас нет крыши над головой. Пожалуйста, разрешите нам остановиться до ночи в вашем доме! Больше мы ничего не

попросим!.. А мы бы вам спели что-нибудь... – Тут Морти смутился: расплачиваться своими песнями он не привык, но не знал, чем еще может вознаградить за гостеприимство. Женщина посмотрела с жалостью на него, затем на стоявшего чуть поодаль Юкуфи и улыбнулась, видимо, желая ободрить мальчиков:

– Конечно, ребяташки, заходите! Прошу прощения, здесь не прибрано: у меня редко бывают гости, – добавила она секунду спустя.

Пройдя с хозяйкой через прихожую, где действительно многие вещи были свалены в беспорядке, Морти и Юкуфи очутились в просторной комнате, занимавшей почти весь домик. Возле стены там стоял длинный книжный шкаф, но нигде не было компьютера, что редко встречается в нынешние времена. Морти заметил, что почти все книги в этом шкафу какие-то странные: вместо букв на их корешках расплывались бесформенные пятна; таким же пятном представляется лицо человека, которого ты не видел уже много лет и теперь тщетно пытаешься вспомнить, как же он выглядит. Однако названия двух книг – «История популярной музыки» и «Пиротехника своими руками» – Морти все-таки удалось разобрать; книги эти стояли рядом и казались потрепанней, чем другие, словно их перечитывали много раз. Посреди комнаты находился стол, покрытый белой кружевной скатертью; больше на нем ничего не было, кроме какой-то старой, пожелтевшей от времени газеты. Женщина подвела

Морти и Юкуфи к этому столу и сказала столь же ласково, как и прежде:

– Побудьте пока тут, мальчики, а я заварю чай. У меня как раз и пирог поспел в духовке. Только ничего не берите без спросу, хорошо? И еще... – Взгляд женщины вдруг сделался строгим. – Здесь нежарко, а вы совсем голые, как бы вам не простыть!.. – Она достала откуда-то два шерстяных пледа и протянула один их них Юкуфи, а другой – Морти. – Вот, укутайтесь!

Морти пожал плечами: после недавней гонки он гораздо охотнее принял бы холодную ванну, но не стал спорить и завернулся в поданный ему плед; то же самое сделал и Юкуфи. Добрая женщина оставила ребят, но совсем ненадолго, и вскоре вернулась с подносом, на котором стояли две чашки, чайник и горячий пирог; он пах так вкусно, что Морти даже забыл все свои сегодняшние беды. Поблагодарив радушную хозяйку, Морти принялся за угощение: ел и пил он, не торопясь, да и некуда было спешить. Юкуфи же быстро проглотил свою порцию и не попросил добавки; молча, с угрюмым видом он сидел на своем стуле, будто нахохлившаяся птица. Сама женщина не притрагивалась ни к выпечке, ни к чаю: казалось, какая-то тайна давит на ее душу, словно тяжкий груз, а открыть эту тайну чужим людям она пока что не решает. Но вот наконец хозяйка дома промолвила:

– Ребята... Вы говорите, что прибыли из дальних краев. Скажите: вы не встречали где-нибудь моего сына?

Юкуфи, занятый какими-то своими мыслями, похоже, и не слышал этот вопрос, а Морти не знал, что ответить. Поэтому, дожидаясь последний кусок, он произнес:

– А кто ваш сын? Расскажите о нем!.. Быть может, мы где-то его и видели...

Женщина вздохнула:

– Что ж, слушайте, мальчики... Все началось много лет назад, в мае. Тогда я поздно возвращалась из училища и боялась опоздать на последний автобус, к тому же начался дождь, а я даже не взяла с собою зонт. Поэтому я решила срезать угол и пошла дворами. И вдруг меня толкнули в спину. Я упала, а когда обернулась, увидела, что ко мне подходят двое. Один из них держал нож, а что было в руках у другого – уже не помню... Я закричала и попыталась отползти, а они шагнули ко мне еще ближе. И тогда позади них появился незнакомый мужчина – с широкими плечами и до того высокий, что их макушки едва доходили ему до подбородка. Одного из них – того, который с ножом – он сбил с ног одним ударом, а второй убежал сам. А потом он наклонился ко мне и сказал: «Не бойся, малыш, эти сявки тебя не тронут». И добавил: «Давай я провожу тебя куда нужно». Я была слишком потрясена и не осознавала, что делаю, поэтому кивнула и назвала адрес. Он довел меня до своей машины: она была большая, черная, как у депутата, только депутаты обычно ездят с личными шоферами, а он сел за руль сам. Через десять минут мы уже были на месте; я вошла в дом, а он зашел сле-

дом – это как-то само собой получилось. Я поила его чаем – так же, как пою вас, а он смеялся, шутил и даже не торопился сменить мокрую рубашку. Только расстегнул ее на две верхние пуговицы, и тогда на его груди я заметила наколку в виде восьмиконечной звезды. Затем он остался у меня ночевать, а утром исчез; обещал, что еще навестит, но так больше и не навестил, даже не сказал, где живет, и не оставил своего телефона. Зато через два дня ко мне нагрянули люди из органов, долго расспрашивали о нем, угрожали тюрьмой, если стану запираяться, но я ничего не могла им ответить. Из их разговоров я поняла, что он – преступник-рецидивист, и пользуется у воров авторитетом. А еще через два месяца я поняла, что жду ребенка. Многие, кто догадывался, от кого он, советовали немедленно сделать аборт: говорили, что дурные гены рано или поздно проявятся и что мне придется поднимать сына в одиночку. Первому я не верила, а со вторым была согласна: мне было уже очевидно, что тот мужчина не любил меня, а только хотел развлечься. Однако я решила все-таки рожать: думала, что со всем справлюсь и заменю ребенку отца. Но, как мне говорила бабушка, с одним крылом не взлетишь!.. – Женщина горько усмехнулась. – Мой мальчик подрастал быстро, и он был похож на тебя, – тут женщина глянула на Юкуфи, – такой же темноглазый, с упрямым выпуклым лбом, только ростом он был выше: сказалась отцовская кровь. Зимой мы с ним катались на санках, запускали фейерверки и взрывали хлопушки: он это очень любил.

А еще он обожал музыку: когда однажды я подарила ему гитару, он был вне себя от счастья, хоть и совершенно не умел играть. Но потом я почувствовала, что все больше и больше упускаю сына. Нет, он почти не грубил мне, но начал замыкаться в себе, стал надолго отлучаться из дома и возвращался, только чтобы поесть. Я подозревала, что он связался с дурными людьми, но не решалась спросить прямо. А затем он пропал – ушел однажды на улицу и не вернулся. Где мой сын? Ответьте, если знаете... Где он сейчас?..

За все время этой длинной речи Морти и Юкуфи ни разу не прервали женщину. Казалось, она давно уже хотела выговориться, но каждое слово о минувших событиях убивало ее. Во всяком случае, то, что произошло дальше, очень напоминало смерть: фигура женщины начала бледнеть перед глазами, так, что через нее стали проступать контуры находившихся в доме предметов. Вскоре она и вовсе исчезла, и ребята остались одни в комнате. Морти придвинулся к Юкуфи и тихо произнес:

– Это его мать!

– Кого? – не понял поначалу Юкуфи.

– Того человека!

Юкуфи вздрогнул:

– Ерунда какая-то... Его мать должна быть уже старухой!

– А как ты думаешь, кого еще он может помнить столь отчетливо? Она предстала перед нами такой, какой осталась в его памяти. Ты помнишь свою мать, он – свою: все логично.

– Не равняй меня с ним! – вспыхнул Юкуфи; сама мысль, что женщина, которая была так ласкова с ним, в то же время приходится матерью его злейшему врагу, была для него невыносима. – Помнят лишь того, кого любят! А он бросил свою мать – значит, не любил ее! Я-то свою не бросал...

– Блудный сын тоже бежал из родительского дома, однако вспомнил отца в тяжкую минуту своей жизни.

– Но он раскаялся и вернулся... А тот человек – нет!

– Хорошо, если есть куда возвращаться, – произнес Морти и как бы невзначай подвинул к товарищу локтем старую газету, которую хозяйка не стала убирать со стола.

– Что это? – покосился Юкуфи.

– Почитай, почитай! Думаю, тебе будет полезно.

Чуть помедлив, Юкуфи развернул газету. Все столбцы в ней были какие-то блеклые, точно размытые водою, за исключением заметки, находившейся в самом низу. Она была набрана мелким шрифтом, как обычно печатают криминальные сводки:

«Вчера на Третьем путевом проезде в доме номер пять произошло жестокое убийство женщины. Неизвестные перерезали ей горло, а перед этим выкололи глаза и отрезали все пальцы на руках. Очевидно, жертва сама открыла налетчикам дверь, поскольку следов борьбы не было обнаружено. Сотрудники расположенного по соседству отделения милиции уверяют, что не слышали никаких криков: скорее всего,

женщине сразу заткнули рот. По итогам случившегося возбуждено уголовное дело»

Газета выпала из рук Юкуфи; он встал и медленно двинулся к выходу. Перед самой дверью он обернулся и глухо произнес:

– Мне что-то нехорошо... Пойду проветрюсь.

Его и впрямь мутило, а голова была словно в огне. Вновь перейдя улицу, он остановился у белой кирпичной стены, чтобы немного перевести дух, и вдруг услышал какие-то голоса. Юкуфи быстро сообразил, что они доносятся из приоткрытого окна рядом с его макушкой; он чуть приподнялся и заглянул внутрь. В милицейском кабинете за столом сидело двое мужчин. Один из них, совсем молодой парень, уткнул лицо в ладони, и плечи его вздрагивали; второй человек, гораздо старше, расположился напротив, и Юкуфи услышал, как он произнес:

– Брось нюни распускать, лейтенант! Ежели всякую воровскую подстилку жалеть – жалейки не хватит.

– Товарищ майор! – Парень отнял ладони от своего мокрого лица. – Я ведь не ожидал, что они ее так... Думал – порешат просто!..

– А по-твоему жизнь – это идиотское кино с Ван Даммом, где кровь из морса, а вместо стволов – пукалки? Нет, милый, здесь все и сложнее, и вместе с тем проще! Согласен, ребята Лехи Богомаза чуток перегнули палку, так все по поняти-

ям! Ее змееныш повел себя, как фраерок последний: сперва не хотел предъявить бочину, а когда его прижали, начал путаться с людьми, которыми интересуются ФСБ-шники. А таких мразей даже бандосы не любят. Вот скажи: у тебя сад-огород есть?

– Есть, товарищ майор...

– Прополку там, небось, делаешь?

– Делаю...

– Ну вот! А здесь та же самая прополка получается. Бандиты тоже бывают полезны – тем, что очищают общество от таких вот элементов. Жаль, конечно, что она не сказала, где ее приبلудыш прячется. И не сыри глаза! – Майор похлопал парня по плечу, где красовался погон. – Деньги на операцию сыну у тебя теперь есть? Есть. Значит, и горевать не о чем! Только смотри: если стукнешь где, тебе самому операция потребуется. Хотя нет: не потребуется даже и она!..

Юкуфи почувствовал, как кто-то несильно толкнул его в бок:

– Так... Кажется, я сегодня уже слышал от кого-то разговор про выдергивание сорняков.

Обернувшись, Юкуфи увидел закутанного в плед Морти, который смотрел на товарища по несчастью насмешливо и вместе с тем строго. Видимо, Морти также слушал разговор, происходивший между милиционерами, но до поры до времени не хотел привлекать к себе внимания. У Юкуфи потемнело в глазах, и он крикнул:

– Кому ты веришь? Террористу? Да он все это просто придумал для самоуспокоения! – Казалось, еще минута – и Юкуфи упадет перед Морти на колени, чтобы тот больше ничего не говорил и ничего не показывал. Но Морти продолжал – безжалостно, потому что в нем начала играть кровь отца, сурового человека, который мог и за ремень схватиться, если кое-кому требовалось преподать урок:

– Успокойся, представив, что родную мать зверски пытали, да еще с согласия людей, которые обязаны были ее защищать? Что-то не похоже... Нет, в той заметке напечатана правда!.. И именно потому он запомнил оттуда все, до последней буквы, хотя, наверное, счастлив был бы забыть!.. И точно так же он навсегда запомнил физиономии этих ментов: он наверняка видел их по телевизору или по интернету, когда их делишки вскрылись... После этого для него уже не существовало дороги назад!.. Знаешь, кто на самом деле убил твоих родителей? Вот эти оборотни! Только они сделали это его руками!.. Ты ненавидел его – понимаю... А он ненавидел все общество, которое позволило так поступить с его матерью, – на радость бесам: им ведь всегда нравится смотреть, как гибнет человеческая душа. А ты сюда пришел, чтобы окончательно ее погубить!.. Поэтому бесы и не сразу на тебя накинулись: они чуяли, что ты – один из них, пока я не вмешался...

– Бесы...

– Да. Не обижайся...

– Я не об этом. Вон они! – И Юкуфи указал пальцем куда-то вверх.

Морти глянул – и побелел. Казалось, темная грозовая туча надвигается на ребят с обеих сторон: бесов стало еще больше, чем прежде, и теперь они брали мальчиков в плотное кольцо. Морти схватил товарища за руку:

– Быстрей, Юкуфи! Бежим!

Ребята рванулись обратно к домику, где, по крайней мере, легче было отбиваться. Мальчики едва успели заскочить внутрь, и Морти задвинул щеколду: еще мгновение – и уродливое черное чудище протиснулось бы вслед за ним. Прижавшись спиной к двери, Морти всем телом ощутил, как в нее сильно ударили – так, что показалось, будто дом сейчас же и рухнет. Юкуфи, стоя рядом, шептал молитву – впервые за сегодняшний день. Потом он прервался и спросил:

– Они ушли?

– Не знаю. Вроде бы все тихо...

И тотчас будто в опровержение этих слов друзья услышали грохот, а вслед за ним – отчаянный крик, в котором почувдилось что-то знакомое. Только доносился этот шум не с улицы, а из комнаты, где Морти и Юкуфи прежде сидели за столом. Ребята бросились туда; плед соскользнул с плеч Морти, но мальчик даже не заметил этого. Комната была полна бесов: они лезли отовсюду, точно крысы из щелей, и непонятно было, откуда они взялись. Тут же Морти почувствовал, как чьи-то грубые, хваткие руки, больше похожие

на лапы каких-то обезьян, вцепились сзади в оба его крыла. Он рванулся, и его пронзила резкая боль; она была настолько сильной, что мальчик упал на колени. Со стороны это выглядело так, словно Морти умоляет бесов отпустить его; для мальчика эта мысль была невыносимее любой боли, и он немедленно попытался встать. Но чудища навалились на его плечи и ноги, придавив Морти к полу, и он не мог даже шелохнуться. Юкуфи оказался счастливее: ему удалось увернуться от бесов. Они лишь сорвали с него плед, который ему подарила хозяйка дома, и ее мальчик увидел теперь прямо перед собою. Женщина уже не пробовала ни дергаться, ни кричать; в изодранном платье и с растрепанными волосами, она вся поникла, как надломленный цветок, а бесы крепко держали ее, и на их мордах были ухмылки. Через секунду Юкуфи понял, что это уже никакие и не морды, а лица людей – тех людей, для которых не существует ни Божьего, ни человеческого закона, а единственно воля их главаря. Один из бандитов запрокинул женщине голову и поднес к ее глазам изогнутое ржавое шило. Женщина еще успела глянуть на Юкуфи, будто навсегда прощалась с ним, и тот вздрогнул: совершенно так же на него смотрела его собственная мама, прежде чем отдать Богу душу. Юкуфи вспомнил и нечто другое: недавний упрек, что он уподобился бесам, – упрек горький, но справедливый, и мальчику померещилось, что сейчас он убивает свою же мать. Из груди Юкуфи вырвался вопль:

– Я – не один из вас! Не троньте ее!

Казалось, в этом крике вырвался наружу весь тот гнев, который набухал внутри Юкуфи так долго и так мучительно. А когда с человеком происходит подобное, он делается страшен, даже если этот человек – просто мальчишка. И потому пальцы бесов разжались; женщина улыбнулась Юкуфи, и, пошатываясь, шагнула навстречу ему. Тотчас бесы, опомнившись, попытались вновь ее схватить, но Юкуфи налетел на них – как ураган, один против целой оравы. Теперь он во много раз больше хотел защитить эту женщину, чем желал убить ее сына всего несколько часов назад, и благодаря этому силы его удваивались, утраивались, удесятерялись. Боль и усталость словно перестали для него существовать, но он все-таки не мог без помощи братьев выдержать бой со столькими противниками. Вместо рассеянных им бесов возникали новые; они жестоко нападали на Юкуфи, и в какую-то минуту его крылья точно налились свинцом и кровавый туман поплыл перед глазами. Затем мальчик почувствовал, что как будто проваливается в очень глубокий колодец или шурф шахты, куда его бросили палачи после долгих истязаний. Он уже не видел, как в комнате вспыхнул яркий свет, не слышал воя бесов, которые кинулись в разные стороны, но Морти видел и слышал все это. Из сияющего облака появились двое мальчишек – один с белыми крыльями, другой с черными, и первого Морти никогда прежде не встречал, но второго узнал бы из миллиона.

– Тодька!.. – Морти хотел немедленно броситься к товарищу, чтобы еще в воздухе обняться с ним, но смог лишь подняться на ноги. Державшие его бесы исчезли, но левым крылом не удалось взмахнуть: оно безжизненно повисло за спиною, словно бумажное. Тодик заметил это, и радость на его лице сменилась страхом. Он подлетел и схватил товарища за плечи:

– Морти!.. Что с тобою? Тебе больно, да?.. – И из глаз Тодика закапали слезы.

– Ничего, Тодька!.. – Морти улыбнулся. – Пожалуйста, не плачь, а то я сам сейчас разревусь... Я в порядке, только вот крыло... Посмотри, что с ним.

– Его, похоже, просто надо вправить. Потерпи!.. – Тодик быстро сообразил, в чем дело, нагнулся, и через секунду Морти вскрикнул, после чего попробовал пошевелить крылом:

– Работает!.. Тодька, спасибо тебе! Правда, еще побаливает, но лететь я смогу. Не такой уж я слабак... – И Морти добавил – чуть смущенно, словно бы стеснялся, что Тодик жалеет его: – Юкуфи вон хуже досталось.

– Денька два-три отлежится – и будет как новенький, – откликнулся мальчик с белыми крыльями. Этим он хотел успокоить не одних лишь Морти и Тодика, но и только что спасенную женщину: она стояла рядом, не говоря ничего, но ее помертвелое лицо, с которым она смотрела на неподвижно распластанного на полу Юкуфи, было красноречивее любых

слов. Затем белокрылый мальчишка подошел к Морти:

– Здравствуй! Меня зовут Лайви, – представился он.

Морти пожал протянутую ему руку, но глядел на незнакомца с недоумением: это имя ни о чем ему не говорило. По счастью, Тодик поспешил с разъяснениями:

– Он – хранитель того человека!.. Бог послал мне откровение, что вы с Юкуфи попали в беду, и нам было велено вам помочь. Знаешь, он...

– Подожди, – мягко, но решительно остановил его Лайви и тут же перешел на шепот, видимо, не желая, чтобы женщина его слышала. – Потом все расскажешь, хорошо? Моему подопечному дали наркоз, и пока он не очнулся, мы должны покинуть его тело. Так что лучше поторопимся!..

В одном из углов комнаты Морти подобрал плед, который с Юкуфи сорвали бесы, и расстелил его на полу. Лайви и Тодик подняли Юкуфи, бережно положили его на этот плед, и, нагнувшись, взялись за его уголки – один справа, другой слева. Получилось что-то вроде гамака, в котором Юкуфи удобно было нести до самого горнего неба, где он мог бы восстановить силы. Все было готово, но Морти не мог улететь, не простившись с хозяйкой. Он подошел к ней, поклонился и сказал:

– Нам пора... Спасибо вам за все! – Он хотел сказать и еще что-то, вот только нужные слова никак не шли на ум, а ждать их уже не было времени. Но женщина поспешила возразить:

– Что вы, ребяташки!.. Это я должна быть вам благодарна! – Она шагнула к Юкуфи, наклонилась и поцеловала его в лоб. – Ты настоящий храбрец!.. Твоя мама могла бы гордиться тобой! – И, посмотрев в последний раз на Морти, Тодика и Лайви, женщина добавила: – Если вдруг вы встретите где-то моего сына... передайте ему привет. И скажите, что я очень его жду.

Морти кивнул и почувствовал, как в горле шелохнулся какой-то жгучий комок. Чтобы не выдать себя, он поскорее отвернулся и взлетел, а вслед за ним в воздух поднялись Тодик и Лайви. Юкуфи по-прежнему был без сознания, и ребята не хотели тревожить его покой. Когда они были уже так высоко, что не могли разглядеть ни домик, ни отделение милиции, Лайви негромко сказал:

– Простите, братья... Я должен был сразу помешать Юкуфи, но позабыл обо всем на свете от радости, что моя задумка удалась. Мне стоило быть внимательнее!..

Морти ошеломленно посмотрел на него:

– Твоя задумка? Ты что, запланировал этот теракт?

– Нет, конечно. Только его концовку...

– Но как же...

– Просто я понимал: если мой подопечный и дальше будет якшаться с террористами, то окончательно загубит свою душу. Поэтому я решил во что бы то ни стало остановить его. Он лишь потому убивал людей, что не знал иного средства хоть отчасти заглушить внутреннюю боль. Днем было

еще ничего, но каждую ночь его преследовал один и тот же кошмар: как с его матерью расправляются бандиты. И просыпаясь, он всякий раз кричал, точно ему самому бомбой отрывало руки и ноги: «Пустите ее! Мама!» – так, что соседи иногда били кулаками в стену. Но я заметил: если вечером по телевизору передавали выступление какого-нибудь певца, мой подопечный затем спал чуть-чуть спокойнее. Похоже, он и сам понимал это... У него с детства было две слабости – взрывное дело и музыка, и я задумал сыграть сразу на обеих. Мне повезло, что захватить заложников террористы планировали в концертном зале. За два дня до теракта я постарался, чтобы мой подопечный увидел сон, как он выходит на сцену, самую настоящую сцену, о чем мечтал уже давно, только вместо гитары в его руке – бомба-фугаска... И зрители смотрят на него куда внимательнее, чем на любую рок-звезду, ловят глазами буквально каждое его движение, в особенности тогда, когда он делает им навстречу эффектный скользящий шаг. Ему очень редко снились приятные сны, но вот этот понравился, причем настолько, что прошлое как будто отступило...

– И он захотел устроить подобный спектакль уже наяву?

Лайви кивнул:

– Да, чтобы еще раз пережить то же самое чувство. Человек он был решительный, под стать своему отцу, и если что-то втемняшивалось ему в голову, пер напролом, как танк. Потому и с бандитами в свое время не ужился. Вот только я

не показал ему крохотный кусочек того сна, самое его завершение, как он теряет равновесие и падает вместе со взрывчаткой. А так должно было случиться! Мой подопечный не умел красиво и ловко передвигаться на сцене, он лишь наблюдал за музыкантами, которые так делали. А когда начинаешь выпендриваться да обезьянничать за другими, добра не жди... – Тут голос Лайви задрожал. – Я ведь и сам оставил земную жизнь потому, что однажды сдуру прыгнул с тарзанки по примеру старших ребят... Другие террористы были, в принципе, и не против, чтобы он запугал до полусмерти взятых в плен людей, если те станут шуметь или найдется иной повод: они и сами вытворяли подобные штуки. Только им нужны были заложники, а не куча трупов, поэтому его предупредили, чтобы он не швырял бомбу без особого приказа. Но его не прозвучало...

– Рисковый ты, – произнес Морти немного погодя. – Я бы, наверное, так не смог. А если бы бомба разорвала его на части, как отца Юкуфи? Удивляюсь, что этого не случилось!..

Лайви лишь улыбнулся в ответ:

– Это и не могло произойти.

– Почему?

– Потому что он слишком привык собирать бомбы – по строгим правилам, от которых отступать нельзя. И совершенно так же отнесся к своему сну: боялся, что если не воспроизвести его во всех подробностях, удовольствия уже не будет, а это обернется новыми кошмарами, еще хуже преж-

них. Соответственно, раз он видел той ночью фугаску, а не что-то иное, – фугаску сегодня и взял... А родителей Юкуфи он убил при помощи бризантки – дробящей бомбы, какую обычно используют террористы. Но фугаски лопаются по-другому – как именно, ты видел сам.

– Фугаска, бризантка, шмузантка... – пробормотал Морти. – Слушай, откуда ты вообще такой умный взялся, что все это знаешь?

– Так я изучал взрывное дело вместе с ним. Он, бывало, что-нибудь читает, а я пристроюсь рядышком и заглядываю через плечо. Как говорится, с кем поведешься... – И Лайви негромко рассмеялся.

– А что с заложниками?

– При штурме не погиб ни один из них. Правда, многие пострадали и от взрыва, и от рухнувшей с потолка аппаратуры. Четверых увезли в реанимацию, но, я думаю, их спасут, и вам, чернокрылым братьям, там делать будет нечего. А с остальными уже работают и психологи, и священники, и, конечно же, мы, братья-хранители. Я тоже, как только помогу вам, сразу вернусь к моему подопечному. Он, разумеется, сядет пожизненно и, скорее всего, после той операции, которую ему сделали, навсегда останется калекой. Но он еще может спасти свою душу. Начало уже положено: сегодня он благодаря вам, ребята, впервые за много лет в своих воспоминаниях не увидел, как убивают его мать. Спасибо!..

Тодик подмигнул товарищам:

– Но одну душу мы за сегодняшний день точно уж спасли!.. – Он указал взглядом на Юкуфи и покрепче стиснул в своих пальцах уголки старого пледа. Плед еще сохранил домашнее тепло, какое бывает только от материнских рук. И Морти внезапно показалось: Юкуфи почувствовал это тепло и улыбнулся, словно вернулись те безмятежные дни, когда собственная мать укутывала его мягким полотенцем и ласково целовала в вихрастую макушку. Это время ушло навсегда. Однако теперь память о нем уже не могла помешать Юкуфи идти по верной дороге вместе с другими слугами Господа, которыми полнится наш мир – сложный, богатый и горем и радостью, но, вопреки всему, бесконечно прекрасный, ибо благодать Божья по-прежнему хранит его.

Глава 6.

Затянувшаяся игра

Бывают летом такие дни, когда какая-то тягучая скука находит и на людей, и на животных; даже козлоногий бог Пан, в которого верили древние греки, оставляет свою свирель и, позевывая, забивается в пещеру – подальше от любопытных глаз. Взрослые еще могут перетерпеть, вытянувшись на одеяле и закрывшись от солнца панамой, но дети обязательно должны найти себе какое-нибудь занятие – на то они и дети. Поэтому маленький Андрюша довольно далеко отошел от

дикого пляжа на тихом, поросшем осокой озере, где оставил родителей и сестру. Уже не хотелось ни купаться, ни бросать на спор камушки в воду и считать, сколько раз каждый из них отскочит от поверхности, и мальчик брел по тропинке, неизвестно когда и кем протоптанной. Тропинка эта ничем не отличалась от других, и трава, что росла по обе ее стороны, тоже была самая обычная, и потому Андрюше захотелось, чтобы произошло какое-нибудь чудо, вроде как с английской девочкой Алисой, которая так же скучала, а затем провалилась в кроличью нору и увидела там много интересного. Где находится эта страна – Англия, Андрюша представлял лишь смутно, и потому она сама казалась ему фантастическим краем наподобие тридевятого царства. Там, наверное, в лесах до сих пор пасутся единороги, которые в России давно вымерли, а может, их здесь и не было никогда. Но без подготовки падать в нору, должно быть, не слишком-то приятно, и Андрюша внимательно посматривал себе под ноги. Вдруг он замер.

Прямо посреди тропинки он увидел ласточку.

Она лежала совершенно неподвижно и не торопилась улетать. Андрюша хорошо знал, что птицы пугливы: даже когда папа зимою насыпал пшено им в кормушку, они не начинали клевать, пока он не удалится. Но эта ласточка, казалось, совсем не боялась Андрюши. Опустившись на корточки, мальчик осторожно дотронулся до ее лапок: они были твердые, сухие и казались сделанными из пластмассы. Тут мальчик

услыхал позади себя топот легких сандалий. Обернувшись, он увидел рыжую девочку; она подбежала и остановилась, переводя дыхание.

– Вот ты где, Андрюшка!

Мальчик испуганно посмотрел на нее:

– Папа и мама искали меня? Они будут ругаться?

– Да нет же, они еще спят! Я сама захотела тебя найти! –

И, наклонившись немного вперед, девочка спросила: – Что у тебя здесь такого интересного?

Андрюша посторонился:

– Вот!

Нагнувшись, девочка коснулась пальцем брюшка ласточки и сразу ощутила холод.

– Что ты с ней сделал?

– Ничего! Она такая и была!.. А почему?

Девочка закусила губу и осмотрела птичку еще раз:

– Знаешь что? По-моему, она умерла.

– Умерла? – Андрюша наморщил лоб, пытаясь вспомнить, когда и сколько раз в своей недолгой жизни он слышал это странное слово. Вроде бы бабушка однажды так сказала о мухах, которые в самых причудливых позах застывали на липучке, но ведь ласточка куда крупнее, и сравнивать ее с ними Андрюше представлялось чем-то неправильным. Также он знал, что в некоторых сказках умирали царевичи и царевны, но иногда их и оживляли, просто побрызгав особой водою. Это сильно напоминало игру на планшете, где мож-

но все исправить, а после и извиниться перед пиксельным человечком, что из-за тебя с ним произошли неприятности. А еще был случай, когда однажды в октябре после сырого, тоскливого непогоды выдался долгожданный солнечный денек, и воспитательница вывела Андриюшину группу на прогулку. Андриюша шел в самом конце, потому что замешкался, обуваясь: ему совсем недавно купили новые сапоги, а их быстро на ноги не натянешь. И вот, неспешно топая за другими детьми, он увидел синицу: она лежала точно так же, как сейчас эта ласточка, но не на тропке, а чуть в стороне. Он задержался рядом с ней и стоял бы, наверное, долго, не оклики его воспитательница, а на вопрос мальчика: «Почему она не летит?» воспитательница ответила теми же словами, которые Андриюша слышал теперь от сестры. Тогда Андриюша им не поверил, потому что он не любил эту воспитательницу за резкий голос и всегда потные руки. Всю прогулку он был мрачен, а когда группа шла назад, захотел проститься с синичкой, но на старом месте ее уже не было, и Андриюша радостно воскликнул: «Все-таки она улетела!» Но сестре Андриюша доверял и оттого не сомневался: если вернуться на пляж, а затем снова прийти сюда, ласточка так и будет лежать, как забытая кем-то игрушка. Мальчик поднял голову, посмотрел на сестру своими чистыми голубыми глазами и спросил:

– Таня, а что это значит?

Девочка не сразу ответила: она не знала, как это лучше

объяснить.

– Умереть – значит стать таким же, как эта птица: не шевелиться, не есть, не пить, и от мертвых нет никакой пользы. Вроде бы так...

– А мы тоже умрем? – У Андрюши дрогнули уголки губ. – И нас так же найдут на дороге?

– Нет, конечно! Мы же люди... А если человек умирает, его хоронят: копают могилу, потом кладут туда и засыпают землей. Я как-то видела!..

– Правда? – Андрюша опустился на коленки и обеими ладонями коснулся земли. Она была довольно мягкая, потому что по тропинке редко ходили, теплая и, похоже, совсем не страшная: мальчик вспомнил, как в прошлый год они всей семьей ездили на море, и он зарывался в песок по самую шею. Но он вновь подумал о ласточке и, сколько ни сдерживался, хлопнул носом: – А как же она?

Девочка пожала плечами:

– Как-нибудь...

– Таня!.. А знаешь что? – Глаза Андрюши вдруг заблестели, как бывает у малышей, когда они придумывают что-то очень интересное. – Давай сами ее похороним!

– Давай! – Девочка охотно согласилась: эта затея казалась новой, необычной, и Таня не слышала, чтобы еще какие-то дети так делали. Брат и сестра быстро вырыли нужную ямку прямо голыми руками, и Таня опустила туда птицу, а затем присыпала песком – так, чтобы сверху образовался кро-

хотный холмик. Ей захотелось воткнуть в него какой-нибудь крест, потому что она знала, что их обыкновенно устанавливают на кладбищах, но девочка не могла придумать, как его смастерить. Поэтому крест пришлось заменить простым листом с растущей возле тропинки березы, и Андрюша решил, что это очень красиво и что ласточка будет просто счастлива лежать в такой могилке. Они еще немного постояли, а затем заторопились обратно: ведь папа и мама могли уже нервничать, а заставлять их нервничать было нельзя, чтобы не остаться вечером без сладкого или – что еще хуже – без интернета.

Пока ехали домой, Андрюша, сидя в машине позади отца, был по-взрослому серьезен и не дурачился, словно размышлял над чем-то и не отваживался пока никому об этом рассказать. Родителей это удивляло, но они подумали, что их сынишка просто устал. И лишь перед самым сном, когда он и Таня уже лежали под одеялами в своей детской комнате, Андрюша вдруг спросил сестру:

– А птички все равны? Или есть хорошие и плохие?

Таня, которая уже начала задремывать, оторвала голову от подушки и недоуменно поглядела на брата:

– Не знаю... Воробьи, наверное, плохие: их мама ругает за то, что обклеивают вишню. А остальные, наверное, хорошие!..

– Значит, если бы сегодня мы нашли воробья, его бы не похоронили?

Девочка задумалась:

– Скорее всего, похоронили бы... Воробья ведь тоже жалко. Людей, во всяком случае, всех закапывают – без разбора...

– Но ведь это неправильно! – вскрикнул Андрюша так, что сестра соскочила с кровати, подбежала к нему и зажала его рот ладошкой:

– Тихо! А то папу с мамой разбудишь, тебе по попе надают!.. – Родители Андрюшу никогда не били, но Таня сочла за лучшее припугнуть его. – Что неправильно?

– То, что другие птички так и будут лежать, а ведь они ничем не хуже! И ни в чем не виноваты! – выпалил мальчик. Его живому воображению представилось, что Дед Мороз не всем детям приносит подарки и даже не всем послушным, а только тем, кого случайно встретит на улице, как и сам Андрюша случайно нашел ту ласточку. – А им же так тоскливо быть не похороненными!

– Откуда ты знаешь, что тоскливо?

– Но ведь мертвых людей зарывают? Выходит, им плохо без этого! – заявил Андрюша, и Таня не смогла ничего ему возразить.

– Послушай! – Мальчик сел на кровати, и Таня даже в полумраке увидела, как у него блестят глаза. – Наверняка под деревьями, в кустах, на лугу много таких же несчастных птичек! И нам нужно им помочь! Кто их еще похоронит, если не мы? – Андрюша с мольбою посмотрел на сестру, но умолять

было излишне: его воля передалась Тане, и она еще раз подумала, какой же у нее замечательный брат. Она чуть-чуть придавила пуговку его носа, что всегда делала, когда была особенно им довольна; Андрюша все понял и уснул совершенно счастливым.

На следующий день, едва допив молоко, Таня и Алеша поспешили исполнить то, что задумали вечером. Однако они быстро убедились, что гораздо проще мечтать и надеяться, чем сделать что-либо: ребята обшарили все места, где, как им казалось, могли быть мертвые птицы, но ничего не нашли. С грустными лицами они возвращались домой, как вдруг Таня радостно вскрикнула, заметив что-то в траве. Девочка нагнулась, раздвинула стебли, и Алеша увидел зверька, очень похожего на мышь, только его мордочка была вытянута в хоботок. Это была землеройка, но дети еще не слышали такого слова. Они поняли только, что бродячая кошка схватила ее зубами и почему-то сразу выплюнула: на шее зверушки краснело пятно от глубокого укуса.

– Мышку тоже надо похоронить, – сказала Таня, и Андрюша, разумеется, согласился. Новая могилка получилась даже лучше вчерашней: она была и выше, и с настоящим крестом наверху – его Таня соорудила из двух веточек, связав их нитками, которые принесла из маминой комнаты. Домой ребята вернулись очень довольные собою, а после ужина Таня достала планшет и подозвала брата:

– Иди-ка сюда, Андрюшка! Посмотри, что пишут!

Мальчик подбежал к сестре; буквы он знал еще не очень твердо, и потому Таня прочитала ему вслух:

«Йонас и Адольф, норвежские кузены, были бойкие мальчуганы; отец подарил им по новому луку, и они пришли показать их Иде. Она рассказала им про бедные цветы, которые умерли, и позволила похоронить их. Мальчики шли впереди с луками на плечах; за ними маленькая Ида с мертвыми цветами в коробочке. Вырыли в саду могилку. Ида поцеловала цветы и опустила коробочку в ямку, а Йонас с Адольфом выстрелили над могилкой из луков, – ни ружей, ни пушек у них ведь не было»

– Вот здорово! – воскликнул Андрюша, а Таня провела пальчиком по планшету снизу вверх и стала читать дальше:

«Только на другое утро пришли мальчики и, увидав мертвого жаворонка, горько-горько заплакали, потом вырыли ему могилку и всю украсили её цветами, а самого жаворонка положили в красивую красненькую коробочку – его хотели похоронить по-царски»

– Значит, мы все делаем правильно! – Андрюша едва не задохнулся от восторга.

– Погоди, тут еще есть! – И девочка продолжила:

«Мопс умер утром и был зарыт здесь же, на дворе. Внуки вдовы, то есть вдовы кожевника, а не мопса – мопс не был женат, – насыпали над могилкой холмик, и вышла прелесть что за могилка; славно, должно быть, было лежать в ней!

Холмик обложили черепками, посыпали песком, а посредине воткнули пивную бутылку горлышком вверх, но это было сделано без всякой задней мысли»

– А ведь мы ни цветов не положили, ни единого осколочка! – вздохнул Андрюша, и Тане показалось, будто он вот-вот заплачет. Она поторопилась утешить братика, пообещав, что уж завтра они вместе соорудят такую могилку, что ее не стыдно будет показать всем соседским ребятам и даже самому президенту, если он вдруг вознамерится приехать.

Но человек, как известно, предполагает, а Бог располагает. За весь следующий день Таня и Андрюша не обнаружили ни одного существа, которому требовалась бы их помощь, и то же самое повторилось на третьи сутки. Лишь один раз дети увидели, как с кленового листа падает на землю маленький жучок; он весь блестел, как блестит на солнце дождевая капля. Обрадованный Андрюша схватился было за пластмассовую лопатку, которую загодя нашел в ящике среди своих игрушек, а другой рукою хотел уже взять жучка. Однако тот внезапно перевернулся со спины на брюшко и через какое-то мгновение исчез в густой траве; ребята поняли, что он просто притворялся. Птицы же, которые встречались брату и

сестре на пути, не делали даже и этого: они заранее улетали, точно боялись, что дети могут причинить им зло. Андрюша досадовал: он ведь не хотел ничего плохого. Ласточка и землеройка, которых он похоронил, вели себя совершенно по-другому: он не пытались скрыться, позволяли брать себя в руки, как будто доверяли мальчику. Мертвые гораздо лучше живых, подумалось Андрюше; поначалу он испугался этой неожиданной мысли, словно незнакомого человека, который без стука заглянул к нему в комнату. Но страх быстро прошел, тем более что Таня сказала:

– Слушай, Андрюшка! По-моему, мы не там ищем.

Андрюша поднял голову:

– А ты знаешь, где надо?

– Вот где мы нашли первую птичку?

– На тропинке!

– Тропинка – это ведь дорога, правда? Только узенькая.

– Ну да!

– Значит, нам нужно идти на главную дорогу! На тропинке мы нашли мало, а там найдем куда больше.

Главная дорога, о которой говорила Таня, была автомагистралью и проходила метрах в трехстах от домика, где жили ребята. Родители запрещали им ходить туда в одиночку, потому что машины там ездили быстро, а среди водителей попадались и пьяные. Но теперь брат и сестра не послушались родителей, рассудив, что если идти только по обочине, ничего страшного не случится. Почти сразу им улыбнулась уда-

ча, и всего за полчаса они нашли трех бабочек и одну большую стрекозу. Однако дети не остановились на этом: они решили, что везение только начинается, и потому продолжили двигаться вдоль шоссе. Впереди показался поворот, и ребята заметили одну странную вещь: машины, прежде пронесившиеся мимо них, подобно ветру, теперь резко сбавили скорость, словно что-то мешало шоферам разогнаться. Миновав изгиб дороги, Таня и Андрюша увидели три автомобиля, которые никуда не ехали, а стояли у края дороги неподвижно – так же, как неподвижно лежат мертвые зверушки и птицы. Один из этих автомобилей был длинный, черный, с трехлучевой звездой на помятом капоте, и возле него хорошо одетый мужчина, размахивая руками, что-то втолковывал полицейскому. Рядом находилась белая машина с синими полосами по бокам и мигалкой сверху; точно такую же, только маленькую, Андрюша год назад получил от мамы в подарок на день рождения. Третий автомобиль стоял чуть поодаль, и вся его передняя часть была смята, изуродована, будто на нее наступил какой-то злой великан. Сквозь выбитое стекло дети увидели водительское кресло, и на нем – парня в клетчатой летней рубашке. Он скрючился так, что упирался лбом в рулевое колесо, и очень напоминал сломанную куклу; ребята даже не подозревали, что взрослый человек может выглядеть настолько жалким. Они сделали еще один шаг вперед, чтобы удостовериться, не померещилось ли им все это, но на их пути встал полицейский:

– Вы куда? Детишкам здесь не место!

– Мы только посмотрим, – робко произнесла Таня.

– Нечего смотреть! – Полицейский нахмурился. – И вообще: почему вы шляетесь тут одни, без родителей?

– Чтобы похоронить, – пролепетал Андрюша.

– Его? – Полицейский расхохотался так, что у Андрюши по спине побежали мурашки. – Ты, как я посмотрю:образительный пацан: у него действительно теперь лишь одна дорога – в гроб да на кладбище! Но с этим делом справятся и без вас! Ну-ка брысь отсюда! И чтобы я вас больше не видел!

Ребята медленно повернулись и побрели назад. Не успели они пройти и двух метров, как услышали голос хорошо одетого человека – владельца черной машины:

– Покорежил тачку и помер, козел, теперь хрен с него деньги стрясешь!

Домой брат и сестра шли в обход, мимо каких-то серых заборов и зарослей репейника, причем Таня почти сразу предложила свернуть с шоссе. Так было не ближе, и дети рисковали опоздать к ужину, но они хотели как можно скорее покинуть эту страшную магистраль и забыть о том, что сегодня довелось увидеть и услышать. Однако перед их глазами по-прежнему стояла изувеченная машина с несчастным парнем внутри, а в ушах звенели жестокие слова полицейского. Андрюша прекрасно понимал, что это совершенно другое, чем умершие мыши, птицы и насекомые: они были малы, слабы, и потому сама их смерть выглядела маленькой и

слабой, почти что игрушечной. Но теперь смерть явила свое подлинное могущество, способное разрушить что угодно и когда угодно. Оттого уже весь мир представлялся Андрюше нелепым и несправедливым. Мальчик чувствовал, что жить в таком мире нельзя, но вместе с тем из него никуда и не сбежишь, и поэтому требовалось во что бы то ни стало найти оправдание всему случившемуся. И Андрюша ухватился за последние слова, которые произнес хозяин черного автомобиля, как утопающий хватается за колючую ветку, хотя бы она ранила его руки до крови. Когда вдали уже показалась зеленая крыша родного дома, Андрюша сказал:

– Наверное, тому дяденьке теперь лучше...

Таня, которая шла впереди брата, обернулась:

– Почему?

– Ну как же! Иначе ему пришлось бы заплатить. А теперь не придется... – Девочка промолчала, и Алеша решил, что она согласилась с ним. Да, жизнь – зло, а смерть – добро, во всяком случае, для того человека, одетого в клетчатую рубашку. Андрюша еще не проговорил для себя четко эту мысль, поскольку многое постигал сердцем, а не умом, но, по крайней мере, на время смог успокоиться.

Были спокойны и мама с папой. Наутро они уехали по каким-то делам, пообещав вскоре вернуться и строго наказав детям не убегать далеко от дома. Погода была хорошая: хоть ночью над поселком и сгустились тучи, ближе к рассвету ветер их все разогнал. Поэтому Таня и Андрюша расположи-

лись на крыльце: сестра – с планшетом, брат – с набором солдатиков. Войско свое Андрюша расставлял как-то лениво и небрежно, и дошло до того, что он дважды уронил знаменосца, словно мысли мальчика были где-то очень далеко. Но парад на ступеньках не суждено было состояться: сверху послышался глухой стук, словно в этот июньский день кто-то запустил снежком в плотно прикрытое чердачное окно. Еще секунда – и на землю прямо перед ребятами упал стриж. Очевидно, в полете он ударился о стекло и теперь беспомощно ползал возле крыльца, будучи не в силах ни взмахнуть крыльями, ни даже приподнять голову; только клюв его то открывался, то вновь закрывался, захватывая воздух вместе с уличной пылью. Прежний ужас овладел Андрюшей; еле оторвав глаза от несчастной птицы, мальчик посмотрел на сестру и спросил:

– Ему нельзя помочь?

И Таня, столь же испуганная, как и ее брат, чуть слышно ответила:

– Нельзя.

Тогда Андрюша встал со ступеньки, сделал один шаг по направлению к стрижу – больше и не требовалось – и резко наступил на него своей ногой в красной сандалиии. То, что раньше было птицей – пусть изувеченной, жалкой, неспособной больше летать, – во мгновение ока превратилось в бесформенный комок перьев.

Таня кинулась к брату:

– Что ты сделал!

– Уф! Стало легче... – Слова эти Андрюша произнес, даже не глядя на сестру, а когда он все же повернулся к ней, девочка увидела, что в его глазах нет больше никакой тревоги. Мальчик чувствовал, что подчинил себе смерть. Прежде она управляла им: пугала, заставляла искать трупики, но теперь, после намеренного убийства, казалась домашней, прирученной, словно принесенный из лесу зверь, который уже не пробует укусить хозяина, а вместо этого смиренно ждет его команд. Хозяином же смерти с этой самой секунды был он, Андрюша, ибо решал, жить кому-то или умирать. Говорить об этом вовсе не было нужды, поскольку отныне между братом и сестрой установилось понимание даже не с полуслова или полвзгляда, а каким-то новым, неведомым для них способом. Поэтому, когда Андрюша оставил стрижа на время и принялся руками рыхлить песок неподалеку от него, Таня, не мешкая, побежала в сад, чтобы принести несколько пионов и положить их в новую могилку. Она помнила, что срывать цветы без спросу нельзя, но ей было уже все равно. Девочка лишь постаралась выбрать куст, растущий подальше от садовой дорожки, чтобы родители не заметили, что он обломан, а если и заметили, то не сразу. Тане было и страшно, и сладко, щеки ее горели, а внизу живота что-то начало ныть. И лишь после того, как земля навеки скрыла и раздавленную птицу, и белые цветы, девочке почудилось, что она стала прежней Таней, как и ее брат – прежним Андрюшей.

Но сделанного не воротишь, а пережитого не отменишь. Весь дальнейший день прошел для ребят как-то серо и скучно, словно им чего-то не хватало, и даже гостинцы, что привезли папа и мама из своей поездки, не обрадовали их. Родители догадались, что с их детьми творится что-то неладное, но не могли понять, что именно. Люди они были простые, добрые и твердо знали: если ребенок болеет, его нужно вылечить, если горюет – утешить, а если дерзит – приструнить. Но происходившее сейчас, очевидно, не было ни первым, ни вторым, ни третьим. На всякий случай мама сунула Андрюше градусник и проследила, чтобы мальчик раньше времени не стряхнул ртуть, – температура оказалась нормальной. Затем, уже перед отходом ко сну, папа усадил Андрюшу к себе на колени и ласково спросил, что случилось; Андрюша сказал, что не случилось ничего. Ответ он иначе – и пришлось бы признаться в слишком многих нехороших вещах, говорить про которые было стыдно. Поэтому от такой родительской заботы делалось только хуже, и было одно избавление – бежать прочь из дома, пусть и не насовсем.

Таня с Андрюшей так и сделали – едва только рассвело, после дурно проведенной ночи, когда вместо отдыха, которого жаждал, ты поднимаешься с кровати еще более вымотанным и несчастным, чем прежде. Полусонные, они бесцельно брели по дальней, почти незнакомой окраине поселка, будто двое людей, которые уцелели, когда какая-то катастрофа истребила все человечество. И действительно, поселок словно

вымер, и ни лая собак, ни стрекотания кузнечиков – ничего не было слышно, точно сама смерть опустилась на него, чтобы навеки здесь царствовать. Но кладбищенскую тишину иногда нарушает шелест деревьев, что растут возле могил, или другой, столь же посторонний звук: так и теперь Андрюше вдруг померещилось, что кто-то еле различимо пискнул в колючих придорожных кустах. В другое время, возможно, мальчик и не обратил бы на это внимания, но теперь он вздрогнул, остановился и потянул сестру за рукав белого в горошек платья. Ребята увидели, что к ним ползет незнакомый котенок, весь черный, если не считать белого пятнышка на груди; он то и дело пробовал приподняться на задних лапках, но раз за разом падал. Похоже, он совсем недавно научился ходить, но уже рискнул отправиться в первое в своей жизни путешествие, удрав от мамы-кошки, которая зазевалась и упустила своего бойкого отпрыска, так же, как сегодня родители не углядели за Таней и Андрюшей. Казалось, котенок понимал, что дети, которых он встретил, – такие же маленькие и непослушные, как он сам, и оттого совершенно их не боялся. Андрюша наклонился и погладил котенка; тот негромко замурлыкал в ответ. После этого мальчик спросил:

– Мы не можем забрать его с собой, правда?

В голосе Андрюши звучало какое-то равнодушие, словно он предугадывал, что скажет сестра. А Таня промолвила:

– У мамы аллергия на кошачью шерсть.

Андрюша, хоть и маленький, знал, что такое аллергия: это

когда течет из носу, хоть бы ты и не простужался. И он произнес далее:

– Он же зимой все равно замерзнет?

– Да. Замерзнет, – откликнулась, будто эхо, девочка.

Услышав это, Андрияша серьезно, почти как взрослый, посмотрел на сестренку и сказал:

– Ты ведь знаешь, что надо сделать?

Таня кивнула и, нагнувшись, взяла котенка левой рукой поперек туловища; он был легкий, как пушинка. Котенок смотрел на нее доверчиво, и в его круглых желтых глазах не читалось никакого страха: напротив, он, по-видимому, ожидал, что сейчас его покормят или приласкают. Свободную правую руку девочка поднесла к голове котенка и одним резким движением свернула ему шею.

Тельце зверька обмякло в ее руках, будто тряпка, которой Таня время от времени стирала пыль с комода: она была уже большая девочка и иногда помогала родителям прибираться в доме. Тотчас же Таня почувствовала: тяжести, которая лежала у нее на душе и так сильно давила со вчерашнего вечера, что порой хотелось плакать, больше нет. Она исчезла, словно какой-то добрый волшебник взмахнул своей палочкой и произнес нужное заклинание. И не только душа – само тело как будто сделалось легким, невесомым, а снизу вверх по нему поползла неведомая теплая дрожь – от тех мест, которые обычно прикрыты трусиками, и до самого сердца. Так приятно Тане не было, даже когда мама подарила ей на день

рождения говорящую китайскую куклу, о которой девочка грезила целый год. Рядом стоял Андрюша: мальчик заворожено глядел на сестру и, без сомнения, испытал то же, что и она. Брат и сестра поняли, что случилось – оба сразу, не делясь друг с другом своими мыслями. Раньше им было плохо лишь потому, что, приручив смерть, они забыли: любое прирученное существо надо кормить. Теперь же смерть насытилась и вознаградила ребят таким наслаждением, перед которым меркло все на свете. Дети подумали, что, быть может, они даже успеют к завтраку, прежде чем родители их хватятся, и побежали домой. Через минуту ничто уже не напоминало об убийстве, которое произошло здесь: бесполезный трупик котенка Таня отбросила в кусты, а легкие следы сандалий развеял ветер.

День прошел обыкновенно, а наутро смерть снова подала знак, что голодна. Но теперь для Тани и Андрюши это не стало чем-то неожиданным, и они были готовы утолить ее аппетит, каким бы сильным он ни оказался.

* * *

– Они продолжают убивать...

– И делают это все более и более жестоко. Сегодня керосин ухитрились достать. Угадай с трех раз, для чего?

– А что же будет дальше?

Двое мальчишек сидели, плотно придвинувшись друг к

другу, и беседовали между собою вполголоса – не потому, что боялись, будто их кто-то подслушает: просто есть вещи, вспоминая о которых, громко говорить нельзя.

– Он начинал так же. Сегодня было первое слушание, ты знаешь?

– Еще бы не знать! Все СМИ лишь об этом и талдычат... И еще о том, что одна из этих несчастных матерей, когда стали оглашать все детали, упала в обморок, и заседание пришлось продолжить при закрытых дверях. Только рекламу ему на халяву сделали... А он, поди, и рад!..

– Лучше было, что ли, отмолчаться?

– Просто мне кажется, что за последние дни все походи-ли с ума...

– И есть от чего... Слышал, что нашли у него в подсобке?

– Давай без подробностей!.. И так тошно...

– А еще тошнее будет, если чего-нибудь не придумаем, и они разделят его судьбу.

– Я каждый день молю Господа, чтобы такого не случилось.

– Я тоже. Вот только какой прок от всех этих слов?

– Иности, не кощунствуй! Нехорошо...

– Если я сейчас согрешил, пусть Бог меня простит... Но скажи: мы ведь молимся потому, что верим?

– Разумеется! Как же иначе?

– А вера без дел мертва... Когда попадается трудная до-машка, все равно над ней нужно корпеть. А не сидеть сложа

руки и ждать, что кто-то за тебя ее решит: так поступают одни лишь слабаки... И что же мы теперь, бросим наших подопечных?

– Но... – Второй мальчуган в глубине сердца понимал, что Иноти говорит правду, однако его смущали жесткие нотки, прорывавшиеся в голосе товарища.

– Никаких «но», Виви! Божьи мы слуги или нет?

Ребята пристально посмотрели друг другу в глаза и кивнули – не произнося ни звука, поскольку все, что требовалось, уже было ими сказано; затем оба они распахнули свои широкие крылья и взлетели под самый потолок. Почти вровень с ними находилось большое, чуть ли не всю стену, и полуоткрытое из-за духоты окно; медленное летнее солнце уже успело зайти, но закат еще всю пылал, и стройные тела обоих мальчиков, казалось, были облиты кровью. Иноти завел руку себе за спину и резким движением вырвал несколько перьев, причем постарался не вскрикнуть и вообще ничем не выдать, что ему больно; вслед за ним то же самое сделал и Виви. Это был обряд, который иногда совершали братья-хранители в знак того, что, защищая сад Господень, готовы идти до самого конца. Потом ребята соединили руки и тут же разжали их: белоснежные перья закружились в воздухе, точно подхваченные ветром лепестки. Не долетев до пола, они превратились в легкую серебристую пыль. Она опустилась на лица двоих детишек, которые мирно посапывали – в собственных кроватках и под кровлей собственного дома:

так считали они сами. Но дом отнюдь не принадлежал им, ибо уже не первую неделю в нем владычествовала смерть.

* * *

Шум взрослой жизни с ее заботами едва доходил до ушей Андрюши и потому не волновал его. Мысли мальчика были заняты другим: они крутились вокруг большой зеленой лягушки, которую завтра надлежало палить живьем. Уже добыть ее было самое настоящее приключение: пришлось идти на дальний пруд, чуть ли не за километр, да еще потом долго караулить на берегу и терпеть комариные укусы. Зато хлопоты окупились сторицей: пойманную лягушку бережно принесли домой и поместили в самую просторную коробку, какая только нашлась. Боясь, что пленница все-таки удерет ночью, Андрюша хотел сразу же переломать ей лапки, однако Таня возразила, что так неинтересно: ведь тогда подожженная лягушка не сможет прыгать, а куда занятнее смотреть, как она горит и скачет одновременно. А еще девочка добавила, что на соседней улице живет Димка Букамашкин, который всего на три года старше, но уже научился снимать родительский контроль со своего компьютера. Надо обязательно отнести ему планшет: тогда можно будет смотреть разные ролики и картинки из интернета, где жгут взрослых людей. Если же Димка не захочет помочь бесплатно, не беда: Таня уже заметила, куда мама прячет кошелек. От таких пер-

спектив у Андрюши даже закружилась голова, и вечером он долго не мог уснуть, ворочаясь с одного бока на другой.

Когда Андрюша разомкнул веки, в окно ярко светила луна, и, повернув голову, мальчик увидел, что еще только половина третьего ночи. Соседняя кровать пустовала: видимо, Таня отлучилась в туалет. Андрюша вдруг почувствовал, что очень хочет пить: так нередко бывало в жаркую погоду, особенно если чего-то сильно ждешь и торопишь время. Мальчик спустил ноги с кровати и пошлепал на кухню, где стоял графин с водой. Идти пришлось мимо родительской спальни, и Андрюша удивился, что дверь ее приоткрыта; он подкрался к ней и заглянул внутрь. У стены белела широкая смятая постель, но папы с мамой нигде не было. Мальчик позвал их – сперва совсем тихо, затем громче, и не получил ответа. Андрюша отнюдь не был трусом, он не боялся ни темноты, ни собак, ни старших ребят, но тут ему стало не по себе. Он решил, что, родители, наверное, заперлись на кухне с Таней, чтобы вместе обсудить какую-то серьезную вещь, которую ему, малышу, знать необязательно. Андрюша побежал туда, куда с самого начала собирался идти, однако за кухонным столом тоже не было ни души. Мальчик растерянно огляделся; он решительно не знал, на что подумать, но при сухом горле и думалось плохо. Почти машинально Андрюша налил полный стакан и уже поднес его ко рту, но не успел сделать и глоточка: помешал шум, который послышался из-за стены. Там находилась третья комната, самая большая во

всем доме, где собирались всей семьей, чтобы всем вместе посмотреть телевизор или устроить какую-то веселую забаву вроде боя подушками или игры в чудо-зверя. Но этот шум был другой, нехороший, словно в комнату через чердак пробрались воры. стакан вывалился из ослабевших Андриюших пальцев и глухо стукнулся о линолеум; вылившаяся вода холодом обожгла босые ноги мальчика. Андрияша замер, как замирают полевые зверьки, когда в небе видят ястреба, и старался даже не дышать. Так, стоя неподвижно, он досчитал до пятидесяти – дальше просто не умел. Зловещий звук не повторялся, и, встав на цыпочки, Андрияша осмелился покинуть кухню. Он шел, оставляя за собою мокрые следы, шел в большую комнату, куда его тянуло и желание узнать, миновала ли опасность, и беспокойство за родных людей, и еще какое-то чувство, которому мальчик не мог подобрать имени. Ему пришлось почти повиснуть на бронзовой ручке, чтобы отворить тугую дверь. В глаза сразу бросилось, что два кресла с высокими спинками были выдвинуты чуть ли не середину и поставлены вполоборота к окну, да между ними мальчик разглядел на полу какой-то темный предмет, похожий на свернутую куртку. В остальном же с вечера вроде бы ничего не изменилось, и никакой угрозы комната не таила. Чтобы окончательно в этом удостовериться, Андрияша попытался зажечь верхний свет, но, сколько ни прыгал, не мог достать до выключателя. Оставалось воспользоваться переносной лампой, которая по-прежнему стояла на сто-

ле, однако для этого надо было пройти возле кресел. Андрюша двинулся вперед, ступая по мягкому ковру, где он любил возиться с игрушками, пока новое развлечение – смерть – не вытеснила их из его сердца. Он уже поравнялся с лежащим на полу предметом, который, как и раньше, принимал за кучу тряпья, как вдруг почудилось, что из-под серой ткани выбиваются знакомые кудрявые волосы. Мальчик нагнулся, как нередко делал в последние дни, когда собирался кого-то убить, и узнал Таню. Девочка не шевелилась, что обычно бывает с детьми, которых сморил внезапный сон, после того как они набегаются и наиграются. Но прежде Таня спала чутко, а теперь не пробудилась, даже когда Андрюша коснулся ее лица своей ручонкой. Тотчас мальчику померещилось и нечто иное: что за ним наблюдают со спины и чего-то от него ждут. Переведя взор чуть налево, Андрюша увидел руку, будто приколоченную к деревянному подлокотнику кресла. Ее мальчик помнил дольше и лучше, чем что бы то ни было, поскольку именно эта рука некогда кормила его из бутылочки и укачивала, если ему не спалось. Андрюша отшатнулся к окну; он не закричал – крик застыл у него в горле. Тут же он ощутил в своей ладони холодную, металлическую тяжесть и понял, что его пальцы стискивают рукоятку невесть откуда взявшегося ножа – очень острого и широкого. «Таким хорошо убить», – по привычке подумал Андрюша, и его немедленно начало охватывать прежнее сладострастное чувство, которое бывает лишь тогда, когда видишь, как

у твоих ног бьется в конвульсиях еще живое существо или же воображаешь себе такое. Чувство это рвалось наружу и требовало утолить его: то был грубый, властный приказ чудовища, которое проделало долгий путь от крохотного, ничем не примечательного озера и шаг за шагом сумело обратиться в дом и душу мальчика. Но теперь перед Андрюшей была только его семья: беспомощная сестра на полу и родители, точно распяленные в своих креслах и, как под злыми чарами, неспособные с них подняться. Мальчик затрепетал:

«Не хочу...»

А чудовище ответило:

«Так что ж из того? Помнишь, тебе купили новые штанишки – были ли они тебе впору? А потом ты подрос и с удовольствием их носил. Поступки, как и одежда, тоже вывают на вырост: неужели это повод от них отказываться? И разве перед смертью не все равны? Это правда, которую Бог утаил от мудрых мира сего, но открыл младенцам. Точно так же лишь ребенок посмел однажды сказать, что король голый, когда все взрослые восхищались его новым нарядом. Что же останавливает тебя? Или ты жалеешь их? Но ведь это не жалость! Просто ты боишься, что тогда некому будет напоить тебя молоком с утра, отвести в зоопарк или бассейн. Ты думаешь только о себе. Ты их не любишь...»

– Андрюшенька!.. Сынок!..

Этот голос застал Андрюшу врасплох; немного приподняв голову, мальчик увидел, что отец смотрит на него – так лас-

ково, как никогда не смотрел прежде. Чуть погодя отец произнес:

– Наверное, тебе все-таки придется это сделать.

Нож дрогнул в Андрюшиной руке:

– Но... почему?

– Потому что я хочу тебе добра... Помнишь медаль, которую я тебе показывал? Это медаль твоего прадеда, он получил ее в сорок пятом за взятие Берлина – ты знаешь... Вот только я тебе кое-чего не сказал: награда нашла его посмертно, он был убит на ступенях рейхстага, когда до победы оставались считанные дни. На любой войне гибнет много людей, но всегда находится тот, в чье сердце попадает последняя пуля... И, наверное, всего досадней быть таким человеком!.. Но если бы твой прадед точно знал, что после него жертв уже не будет, то с радостью пошел бы на верную смерть: он сам писал об этом домой, когда его полк ожидал решающего штурма. И не один он: так думали очень многие солдаты, его сослуживцы. Так думаю и я... И поэтому говорю сейчас: убей меня, убей свою маму. Но пусть мы станем последними, кого ты убьешь!.. Наши солдаты ценой своей крови спасли ребятишек – таких же, как и ты: чтобы они катались на санках зимой, купались в речке летом, а когда наступит время идти в школу, радовали родителей хорошими отметками. И чтобы жалели бедных зверьков и птичек, которых некому даже похоронить... Из смерти тогда родилась жизнь. Жить ради тебя я уже не смогу: я слишком мало уделял тебе вни-

мания и не замечал, что с тобою происходит, – прости меня, пожалуйста... Но я могу для тебя умереть. Убей нас обоих, и ты станешь свободен. А мы с мамой умрем счастливыми...

Андрюша не дослушал отца; он затрясся всем телом и крикнул:

– Папочка, милый! Не надо! Я люблю вас! Живите! Живите!

Он уронил нож, и в то же мгновение из глаз мальчика хлынули слезы. Они лились безостановочно, как вода по весне ломает запруды, затекали и внутрь, смывая с души всю нечистоту, что накопилась за последние дни. Андрюша больше не хотел убивать: он желал, чтобы жили не только папа с мамой, но и все Божьи создания, ибо сотворены они были не для смерти. И это чувство было настолько сильным, что маленькое сердечко Андрюши его не вместило. Он ощутил страшную боль в груди, словно кто-то сдавил кости так, что они треснули; боль эта растеклась до самой макушки и пяток, проникая всюду, даже в кончики волос. Затем она внезапно исчезла, исчез и родительский дом, и перед Андрюшей разверзлось бездонное ночное небо, все в ярких созвездиях; Андрюша даже не знал, как большинство из них называется. А рядом с собой он увидел незнакомого мальчика с черными крыльями за спиной. Мальчик обнял Андрюшу и произнес:

– Не бойся, малыш! Все хорошо.

– Прости меня, Господи: похоже, я перестарался... – Затем коленопреклоненный паренек с опущенными долу белыми крыльями, на одном из которых виднелась свежая плешинка, повернул голову чуть влево и добавил: – Прости и ты, Андрюша: не стоило навевать тебе такие сны.

И до обоих ребят откуда-то сверху донесся голос:

– Не вини себя, Иноти. Ты поступил правильно.

Маленький, жалкий, обнаженный Андрюша стоял рядом и всхлипывал, не смея поднять глаза. Он не понимал, в каком месте сейчас находится, не мог до конца и поверить, что произошло непоправимое, и потому тихонько произнес:

– Боже, пожалуйста, отпусти меня домой к папе, маме и Тане!.. Они ведь расстроятся, если найдут меня в кровати мертвого... – Он собирался и еще что-то сказать, но не смог, проглотил так и не прозвучавшие слова вместе с соленой жидкостью, что переполняла горло. Тут Андрюше почудилось, что кто-то легонько дотронулся до его плеча, точно желал приободрить, и от этой ласки вдруг стало так хорошо, что и слезы высохли, и внутри сделалось как будто теплее. А затем Андрюша услышал:

– Скажи, дитя: хочешь ли ты вновь оказаться в материнской утробе, так, чтобы тебе и не рождаться вовсе?

Андрюша представил, что находится в животике, и подумал, что там, должно быть, уютно, но очень уж темно, тесно, и ни с кем не поговоришь, даже с мамой. Поэтому он отве-

тил:

– Нет, Господи...

– Почему же ты просишь меня, чтобы ныне я сотворил над тобою совершенно то же самое? Человек рождается и растет, всякий раз оставляя за спиною старую жизнь, как сбрасывает одежду, которая стала ему велика; некоторые, правда, хранят детские вещи и даже плачут над ними, как ты плакал сейчас, но уж их не надевают. И домашние человека ничего такого от него не требуют, хоть и скорбят порою... Но скорбь твоих родителей не будет долгой: ведь Таня осталась с нами, и она по-прежнему нуждается в защите и добром слове. Ее хранит и Виви, который будет с ней неотлучно. А завтра твоя мама узнает, что ждет ребенка. Его нарекут Андрюшей в твою память и окружат заботой, какую не додали тебе. Конечно, он не заменит тебя, ибо нет двух одинаковых людей, и именно поэтому каждая жизнь священна. Но твоей семье это послужит утешением. Что же до тебя самого – считай, что ты просто уехал в летний лагерь, где узнаешь много интересного и встретишь новых друзей. Время пролетит незаметно, и твои родные приедут к тебе, но не затем, чтобы забрать тебя оттуда, а чтобы поселиться там вместе с тобою. Такова награда всякому, кто угоден мне и мною оправдан.

Благодаря этим словам Андрюша вдруг остро почувствовал, что все могло обернуться гораздо хуже, если бы Господь его отверг. А отвергнуть было за что: ведь Андрюша не успел ни искупить свои грехи, ни даже толком раскаяться в них.

Мальчик припомнил их все, и ему стало так стыдно, что он чуть снова не заплакал и еле смог выдавить:

– Почему? Я же сделал столько зла!..

– Ты всего лишь запутался, чадо мое, хоть исходил из любви, подобно человеку, который возвел свой дом на твердом основании, но из сена и соломы. Дело его сторело, когда пришла пора огнем испытать работу каждого. Однако сам он спасся из пламени, пусть и потерпел урон, и горько поначалу было ему оглядываться на свое пепелище. То же самое случилось и с тобою.

Андрюша помолчал еще с полминуты, затем вскинул голову и спросил – с таким решительным выражением лица, точно разом повзрослел на несколько лет:

– Господи, а я могу построить крепкий дом сейчас? – И, чуть смутившись от собственной храбрости, поспешил добавить: – Я хочу стать хранителем – как Иноти, как Виви! Чтобы спасти много-много жизней! Не сердись на меня: если скажешь, что я еще маленький, канючить не буду...

Андрюша умолк; с тревогой он ожидал ответа, и ему казалось, что прошла целая вечность. Внезапно он ощутил, как его плеча коснулись чьи-то тонкие, цепкие лапки, и, посмотрев чуть направо, увидел ласточку – ту самую, которую похоронил самой первой, на озере: мальчик узнал ее и не спутал бы с остальными. Ласточка наклонилась к Андрюше и что-то нежно прошебетала ему на ухо. Тотчас же все вокруг озарилось ярким светом, так, что Андрюша даже зажмурил-

ся, а когда он открыл глаза, то увидел, что из сияющего облака на своих белоснежных крыльях к нему спускаются братья-хранители – их было много, как жемчужин в морской глубине. Они улыбались Андрюше, радуясь, что славная община Божьих садовников ныне пополнилась новым товарищем, и Андрюша улыбался им в ответ. Звонкие голоса ребят слились в единый хор, который возносил хвалу Господу; Андрюша пел вместе со всеми, а когда пение кончилось, воскликнул:

– Простите меня, все зверушки, все птички, которых я погубил!.. Папа, мама, Таня, мой будущий братик, не скучайте там без меня, я буду ждать вас! Но все-таки не очень спешите, ладно? – И добавил – уже значительно тише: – Таня, если ты слышишь меня: отпусти, пожалуйста, ту лягушку!.. Она ни в чем не провинилась... – Ему еще предстояло принять новое имя и многому научиться. Однако Андрюша уже чувствовал себя достаточно сильным, чтобы справиться со всеми трудностями и ничем не заслужить укора, когда он и его родные вновь встретятся там, где не будет ни плача, ни болезней, ни самой смерти, ибо прежнее пройдет навсегда.

Глава 7.

Восхождение по трем ступеням

– Остановитесь! Верните его мне!

Двое чернокрылых мальчишек обернулись; они растерянно смотрели на незнакомую пожилую женщину, которая с мольбой простерла к ним руки. Затем один из них спросил:

– Как ты смогла найти нас?

И женщина ответила:

– Я мать!

* * *

– Морти!

Голос Тодика звучал как-то непривычно: в нем слышалось и волнение, и одновременно гордость. Морти догадался, что товарищ хочет сообщить ему что-то очень важное, однако не торопил Тодика, зная, что тот не станет ходить вокруг да около и понапрасну мучить друга ожиданием. Глядя прямо в глаза напарнику, Тодик выпалил:

– Нам предстоит отправиться в другой мир!

Морти вздрогнул и крепко стиснул запястье товарища, словно проверяя, не лихорадка ли у него:

– Стоп, Тодька! Какой еще другой мир, ты ничего не напутал?

– Да я сам удивился!.. Но можем ли мы ограничивать Господа и говорить, будто ему что-то не под силу? Для него сотворить иное небо и все, что под ним, не сложнее, чем нам с тобою за одним пузырем выдуть из соломинки следующий (Тодик вспомнил забаву, которой любил предаваться в земной жизни, сидя у бабушки на коленях). Только наши с то-

бой пузыри хоть и красивые, но непрочные, а мир укреплен Богом...

– Хм... Но между пузырями разницы никакой нет, кроме той, что одни большие, а другие маленькие. Выходит, и тот мир похож на наш?

– Не знаю... Я ведь там еще не был! Вот слетаем и дадим Богу отчет, что мы там увидели. Он так велит!

– Но разве Господь не всеведущ? – Во взгляде Морти еще сквозило недоумение. – Зачем ему нужно, чтобы мы что-то сообщали?

– Думаю, потом все выяснится... Одно скажу, Морти: раз он поручил нам такое необычное дело, значит, он нам доверяет, а это большая честь!.. Быть может, это наше последнее испытание, и после него нам будет дозволено навсегда войти в рай! Обоим вместе, как мы хотели!.. – Добрый и мечтательный Тодик до того расчувствовался, что на какое-то время даже утратил дар речи, а затем добавил – уже несколько извиняющимся тоном, словно об этом надлежало сказать с самого начала, но как-то позабылось: – С нами отправятся еще два брата-хранителя... Они – славные ребята и взрастили много душ для горней житницы, хоть бы семя упало в тернии или на дорогу. Наверное, Господь отобрал сегодня тех, кого счел достойнейшими... Поэтому не обижай их!..

– А это сам Бог так хорошо о них отзывался?

Тодик немного смутился:

– Нет, они сами... Точнее, один из них: другой молчал и

просто смотрел на меня. Но ведь, может быть, это и правда!

«А ты и уши развесил» – улыбнулся Морти, однако не стал этого говорить: горячность, с которой Тодик произнес последние свои слова, показалась ему даже трогательной. Морти глянул сперва налево, а затем направо, и спросил, не увидев поблизости знакомых белых крыльев:

– И где же они?

– Здесь, неподалеку... Они первыми нашли меня, а потом я оставил их возле старой часовни, где на маковке – высокий резной крест, а под ним – полумесяц рожками кверху. Она приметная: мимо не проскочим!

Морти лукаво подмигнул товарищу:

– А что же сюда не пригласил? Или они так обсиделись возле своих подопечных, что лишнюю версту им тяжело лететь?

– Да не в том дело!.. Просто получилось бы, что я их веду и вроде как выставляю себя главным. Подумают еще, что зазнаюсь!

– Стесняшка, стесняшка, молочная кашка! – пропел Морти и, обхватив рукой шею Тодика, попытался перевернуть его животом кверху. Тодик засмеялся и, крикнув: «Врешь!», начал сопротивляться, вместе с тем стараясь ухватить Морти за крыло. Такую веселую разминку друзья иногда устраивали перед тем, как выполнить Божье повеление, если время не поджимало: после нее и соображалось легче, и каждый чувствовал себя бодрее. Но шуточная борьба была короткой:

Морти ее затеял, Морти же ее и прервал, отпустив задыхающегося, счастливого Тодика и спросив у того, куда лететь.

Тодику не пришлось показывать пальцем на часовню-ориентир: с высоты Морти быстро углядел и ее, и двух белокрылых мальчишек рядом. Один из них расположился возле самого креста и, держась обеими руками за цату, от скуки считал ворон на ближайшем дереве; в его глазах читалась решимость доказать всякому, что он не лыком шит и что Господь не зря выделил его среди прочих хранителей. Другой мальчик сидел внизу, у дверей, с задумчивым выражением на лице, словно перемножал в уме какие-то числа. Невысокий и толстый, он казался увальнем, однако, едва заметив чернокрылых братьев, легко взлетел к ним и сказал, что его зовут Майши, прежде чем Морти успел представиться. Второй мальчуган повел себя иначе: он даже не шелохнулся и подождал, пока Морти сам приблизится к нему, чтобы обменяться рукопожатием. Даже имя свое – Айни – он произнес как-то величаво, и Морти легко догадался: он-то и нахваливал перед Тодиком свои дела, а заодно, только чтобы не прослыть хвастуном, и успехи Майши. Впрочем, на сей раз Айни словоохотлив не был: он понял, что Морти слеплен совсем из иного теста, нежели Тодик, и, пытаясь выглядеть перед ним лучше, чем ты есть на самом деле, можно нарваться на острое словцо. Майши пустился было в объяснения насчет нынешнего дня и повеления Господнего, но Тодик мягко остановил его, сказав, что Морти уже знает все,

что нужно. Далее четверо мальчиков образовали круг, взявшись за руки, так, что крест часовни оказался внутри него. Они еще помедлили, как перед молитвой, чтобы отрешиться в мыслях от всего суетного и настроить свой дух благочестивым образом; впрочем, намоленное и безлюдное место само располагало к этому. А потом Маиши начал петь:

Если далеким покажется рай,
Верь и надейся, стези не бросай:
Всем, кто дорогой заветной идут,
В доме Господнем дарован приют...

Другие мальчики подхватили эту песню. Четверо ребят стали кружиться посолонь; одновременно они поднимались все выше и выше, скоро оставив далеко внизу и часовню, и весь этот мир, который по слову Божьему им надлежало на какое-то время покинуть. Морти крепко зажмурился – не от страха, а в предвкушении чего-то неизведанного, что заставляет сладостно замирать сердце и манит приключениями. В такие минуты каждый мальчишка поневоле кажется себе смелым первооткрывателем новых земель, который стоит у штурвала своей каравеллы. Морти представилось, что терпкий, соленый ветер дует прямо в лицо, а над головою полощется белоснежный парус, где начертан крест – символ истинной веры, которую надлежит перенести через океан и навеки утвердить для потомков. Но Морти недолго преда-

вался грезам, потому что почувствовал, что пальцы Маиши, сплетенные с его собственными, как-то странно дрогнули, а затем услышал голос Тодика:

– Морти... Мы на месте.

В этих словах сквозило что-то похожее на растерянность, будто ребята, напротив, сбились с пути и прилетели не туда, куда надо. Морти открыл глаза и увидел, что под его ногами, метрах в двадцати, расстилается кладбище. Серое, большое, чуть ли не до самого горизонта, оно вызывало невольный трепет уже своими размерами, но в особенности необычным, противоестественным безлюдьем, какое не встречается в земных некрополях. Кладбища – места упокоения мертвых, но там сильнее, чем где бы то ни было, ощущаешь, насколько смерть тесно соединена с жизнью: туда приходят родственники усопших, чтобы привести в порядок могилы или просто поплакать возле них, прибегают живущие по соседству дети, которым нет особой разницы, где играть, а иногда кладбищенский сторож неторопливо движется по заросшей травой дорожке. Но здесь ничего подобного не было: так недружелюбно встретил ребят новый мир. Тодик уже хотел немедленно улетать отсюда, но вспомнил, что надо еще дать отчет Богу, а раз он по каким-то причинам привел их на это кладбище, то и начинать следовало с него. Не желая задерживаться тут долго, мальчики разделились: двое чернокрылых братьев начали снижаться, чтобы осмотреть ближайший участок, а их друзья-хранители отправились изу-

чать другой конец кладбища, где, по расчетам Айни, должны были находиться свежие захоронения. Морти и Тодик принялись обходить и облетать плиты иobelisks. Они добросовестно вглядывались в каждое надгробие, надеясь обнаружить то, о чем непременно надлежало сообщить Господу, словно он ради забавы спрятал от них какую-то вещь. Но они видели только выбитые в камне лица людей, такие же, как в нашем мире, и даты рождения и смерти, записанные цифрами, которые употребляем и мы. Однако Морти сразу бросилось в глаза, что многие могилы были очень запущены, точно местные жители уже не почитали своих предков, которые дали им жизнь и воспитали их в любви к ней. Он поделился своими мыслями с Тодиком, и тот вспомнил сказку о Сивке-Бурке, как двое неразумных сыновей не захотели пойти на могилу к недавно умершему отцу и горько раскаялись в этом. Но Тодик не успел договорить, поскольку сзади раздался голос Айни:

– Вы тут копаетесь, а вот мы нашли кое-что интересное!

Морти подумал, что если Айни и впредь будет так себя вести, не миновать ему хорошей трепки, но сдержался и буркнул:

– Тогда не тяни резину! Чего у тебя?

– Как я и предполагал, – важно произнес Айни, – там новое кладбище, а здесь – старое. Правда, Маиши, я сразу сказал об этом? – Маиши как бы нехотя выдавил: «Да», а больше ничего не стал говорить, лишь поджал губы и сухо посмотрел.

рел на приятеля. – Так вот: там нет свежих детских могил. Ни единой, хоть глаза прогляди! Догадываетесь, почему?

– А ты-то сам знаешь, умник?

Айни на секунду смешался, но за словом в карман не полез:

– Наверное, в этом мире научились предотвращать детские смерти. Люди доживают до старости или хотя бы до зрелых лет и лишь затем умирают.

– От несчастного случая не убережешься, – мрачно возразил Морти, которому эта горькая истина была слишком хорошо известна.

– А знаете что, ребята? – послышался вдруг тихий, но твердый голос Майши. – Мне кажется, дело не в этом... Все дети просто-напросто исчезли из этого мира!..

– Исчезли? – Тодик вытаращил глаза. – Но как такое вообще возможно?

Майши пожал плечами:

– Сам не пойму... И, сдается мне, не только дети, но и взрослые тоже. Новых могил здесь уже не появится. Этот мир мертв!..

– Мертв? – Тодик почувствовал, как кончики крыльев у него холодеют; он был настолько ошеломлен, что мог лишь повторять чужие слова да задавать вопросы, на которые сам Майши не знал ответа. – Но что их убило? Война? Эпидемия?..

– Слушайте, братья!.. – Морти резко выпрямился и обвел

остальных мальчишек взглядом. – Здесь какая-то тайна! И мне кажется, Господь хочет, чтобы мы ее разгадали. Такие кладбища не бывают в необжитых местах: наверняка где-то неподалеку город. Там все и разузнаем!..

– Я только что хотел сказать то же самое, – немедленно встрял Айни. – Полетели все за мной!

– Ты чего это раскомандовался? – вскипел Морти.

Айни усмехнулся:

– А ты полетишь позади всех!

– Это еще почему?

– Когда мы всем классом ходили в поход, замыкающим ставили самого сильного. И самого тупого, – прибавил Айни тихонько, так, чтобы Морти этого не слышал, но услышал стоявший рядом Маиши.

Морти прекрасно понял, что над ним смеются, но затевать сейчас стычку было неуместно. Поэтому он лишь стиснул зубы и пообещал себе посчитаться с Айни с следующий раз. Ребята поднялись в воздух. Они рассудили, что если город не окружает кладбище целиком, то он находится ближе к старой его части. Поэтому они полетели в сторону, противоположную той, куда Айни и Маиши сегодня отправлялись на разведку. Ожидание не обмануло их: мальчишки быстро добрались до города. Он как-то внезапно возник перед ними, заранее не уведомив о себе разноголосым шумом, где переплетается скрежет трамваев на загибах улиц, гудки машин, от которых бросаются врассыпную бродячие кошки, и задор-

ный детский смех, главная драгоценность любого мира. Ибо это был и не город вовсе, а такое же кладбище, но для людей, которых не хотели или не могли похоронить. Эти люди были почти сплошь старики; казалось, их насильно свезли сюда и оставили доживать свой век – без сыновей, дочерей и внуков, чтобы некому было и позаботиться об усопших. Для некоторых могилой стала собственная квартира, и остекленевшими глазами смотрели они на четверых ребят, когда те подлетали к окнам. Другие неподвижно застыли на скамьях, лужайках, тротуарах, словно они собрали последние силы и вышли из дома лишь затем, чтобы умереть: так некоторые звери, почуяв приближение конца, выползают из своих нор. Напрасно Морти и Тодик спускались к ним, надеясь, что хоть кто-то еще жив. Два раза друзей сопровождал и Майши, мужественно терпя трупный запах, к которому не был столь привычен, как чернокрылые братья. Айни же все время держался наверху, подальше от смрада, и старательно делал вид, что осматривает окрестности и следит, нет ли какой угрозы. Так постепенно ребята миновали центральную часть города и достигли его окраины; они уже начали отчаиваться и думать, что не смогут сообщить Богу ничего вразумительного, но тут Морти крикнул:

– Стойте!

Трое других мальчиков сперва даже не поняли, почему их товарищ вдруг завис в воздухе и зачем он показывает рукою на белый домик, расположенный на отшибе, у ручья, как

будто нарочно для того, чтобы его можно было быстрее заметить. Однако, приглядевшись, они заметили, что у этого домика имеется большое крыльцо без навеса, а на крыльце сидит человек, прислонившись спиной к двери. Еще через две секунды этот человек пошевелился, словно предсмертная судорога прошла по его телу, и даже, как почудилось Тодиду, застонал, хотя с такого расстояния и нельзя было различить звуков. Ребята поспешили снизиться; чтобы во время спуска не мешать друг другу, они приземлились не на самом крыльце, а чуть поодаль, и затем по трем ступенькам поднялись к недвижному хозяину дома. Тот явно видел крылатых мальчишек, склонившихся над ним, и в его взгляде просквозило удивление, но не слишком сильное: когда человеку остается жить считанные минуты, чувства слабеют, так же, как ум и тело.

– Что с вами, дедушка? Вам плохо? – нерешительно спросил Тодик, надеясь, что его услышат.

Старик не сразу ответил: казалось, он пытается собрать воедино непослушные мысли, как одряхлевший и почти лишившийся зрения чабан – овец, которые разбежались по полю. Когда же он наконец заговорил, голос его звучал так, словно кто-то отодвигал заржавленную щеколду: похоже, ему долго не приходилось ни с кем беседовать.

– Вон там, – произнес он, чуть повернув голову в сторону покрытого жесткой травой холмика, – прежде росли белые розы. Давным-давно их посадила моя мать и ухажива-

ла за ними вплоть до своего последнего дня. Думаю, большого греха в этом нет: ведь цветы, в отличие от людей, не чувствуют ни боли, ни скорби и не кричат, даже если их обламываешь... Но когда она умерла, я отпустил их, позволил им уйти вслед за нею, и они засохли. А теперь настал и мой черед... – Даже не окончив свой речи, старик закрыл глаза, будто намекал, чтобы маленькие незваные гости оставили его и не смущали своим присутствием. И действительно: в городе, лишенном детей, четверо юных слуг Божьих поневоле воспринимались как нечто чужеродное, чему быть не должно. Тодик понял это и, растерявшись на какое-то время, умолк, но Айни подбоченился, точно школьный староста на каком-нибудь собрании, шагнул вперед и заявил:

– Мы здесь по велению Господа нашего, который зажег в небе солнце и луну, отделил море от суши и наполнил воду рыбами, а воздух – птицами. – Эту фразу Айни сочинил заранее, еще в своем мире, когда поджидал чернокрылых братьев у высокого металлического креста, и она казалась ему очень красивой. Однако старик даже не повел своей седой бровью, услышав такую речь, и не посмотрел на мальчика. Айни, раздраженный, что его трудов не оценили, решил, что всякие невежи не заслуживают того, чтобы с ним рассуждать, и лучше все-таки найти кого-то поприветливей и помладше. Поэтому он резко и прямо спросил:

– У тебя дети или внуки есть? – Обращаться на «ты» к незнакомому человеку, да еще намного старше себя, бы-

ло, наверное, не очень-то вежливо, но Айни, если сердился, иногда забывал о подобных вещах.

Старик покачал головою:

– Слава Богу, нет.

– Почему вы так говорите? – спросил Тодик. – Ваши дети обидели вас? – Он представил, как это могло быть, и у него засосало под ложечкой. – А теперь они умерли, и им даже не попросить прощения?

– Они не умирали, – тихо возразил старик, – ибо вовсе не рождались и удостоились высшего блага – не существовать. Мне самому в этом благе было отказано, поскольку Всевышний не иссушил семя в чреслах моего отца и не просветил его ум словами о великой асимметрии...

– По-моему, он бредит, – произнес Морти. – Что еще за асимметрия такая?

– Страдания – это плохо. Удовольствия – это хорошо. Когда страданий нет – тоже хорошо, хоть бы никто этого и не ощутил. Когда удовольствий нет – это не плохо, если нет того, кто их лишился. – Старик явно повторял чужие мысли, воспроизводил то, что слышал ранее; с прежнего ровного тона он не спадал, но ребятам вдруг сделалось жутко. На мгновение им даже померещилось, что перед ними и не живое существо из плоти и крови, а уродливая механическая кукла, способная своим дребезжащим голосом говорить лишь то, что в нее заложено, творение не Бога, а человека, и при том человека злого. Более взволнованным, нежели осталь-

ные, выглядел Майши; до этого он стоял чуть в стороне и в беседу не вмешивался, но сейчас придвинулся к товарищам и молвил:

– Ребята!.. Кажется, я понял, что здесь случилось...

– И что же?

– Вы знаете легенду о матери и двух чернокрылых братьях?

Тодик почувствовал, как в его памяти трепыхнулось что-то смутное, тяжелое, похожее на давний нездоровый сон. Но подробности таких снов обыкновенно забываются, и поэтому Тодик попросил Майши:

– Я ее слышал, вот только времени много прошло... Расскажи, пожалуйста.

– В одной стране, – начал Майши, прежде негромко кашлянув, как привык делать перед долгой речью, – жила-была женщина, вдова тридцати лет, и с ней единственный сын, младенец. Он часто болел, и вот однажды она пошла на рынок за грудным сбором, а когда вернулась, ее ребенок лежал в своей кровати мертвый: его забрал к себе Бог... Но тело еще не успело остыть, и мать поняла, что чернокрылые братья побывали тут совсем недавно: ей даже почудилось, что она слышала их песню, подходя к дому. Поэтому она решила догнать их и вернуть свое дитя. Семеро воздушных демонов, самые сильные и страшные из всех, донесли ее до границы горнего неба – дальше им доступа не было, – а в уплату взяли половину ее жизни, и красивая молодая женщина пре-

вратилась в уродливую старуху. Вскоре бедная мать увидела двух чернокрылых братьев: они шли, не торопясь, к престолу Господнему, и один из них держал перед собою душу ее ребенка. Женщина взмолилась, чтобы ее сыну дозволено было пожить еще какое-то время на земле, и упала на колени перед Божьими слугами. Они сперва не вняли ей и хотели улететь, но ее слезы их тронули. Однако повеление Всевышнего все же следовало исполнить, и тогда один из братьев в утешение матери достал свой хроносканер. А он у него был очень хороший и позволял заглянуть на много лет вперед. Вдова увидела, сколько бед ждало бы ее ребенка, останься он в живых, и примирилась с решением Господа. Слава о ней быстро разошлась по ее родной стране, когда она вернулась домой – ибо на горнем небе ей больше нечего было делать, – и хоть женщина не говорила, что именно ей довелось наблюдать в будущем, каждый примерил ее слова на себя и своих детей. Люди впервые подумали, что на свете много горя и несправедливости, о которых никто даже не подозревает, как об этом не догадывалась та женщина, пока Божьи слуги не открыли ей глаза. А радостей, наверное, гораздо меньше. Должно быть, это и есть та асимметрия, о которой он толковал. Поэтому люди решили не рожать детей и тем самым не плодить скорби, которыми, как они считали, мир пропитан прямо сверху донизу... Впрочем, по-ихнему получалось, что даже если единственное страдание, которое человек испытает в своей жизни, это малюсенький укол иглой, все равно

для человека лучше было бы не существовать.

«Как это странно, – подумал Тодик. – Если бы я не родился, то не встретил бы Морти. А чтобы быть с ним, я согласен не то что уколаться иголкой, а чтобы мне гвоздь в ладонь засадили». Тодик знал, о чем говорит: однажды в деревне он по неосторожности проткнул себе ладонь толстым гвоздем, и это было чертовски больно, особенно после того, как еще помазали зеленкой. Но озвучивать эту мысль Тодик не стал, поскольку Морти не очень-то любил, когда его в глаза начинают расхваливать, и вместо того произнес:

– Но ведь это же просто сказка!

– Похоже, не просто... Видимо, Бог пожелал, чтобы мы сами убедились, до чего способны дойти люди, которые подменяют его заповедь своим преданием. А также намекнуть, что жизнь и смерть в каком-то смысле равноценны. И поэтому мы – чернокрылые братья и братья-хранители – никогда не должны ссориться и считать, что послушание одних в глазах Господа выше, чем других.

– Мы и так не ссоримся, а если и ссоримся, то быстро миримся... Но что значит «равноценны», Маиши?

– Я думал об этом, когда сегодня ждал вас возле часовни... Точно такая же, только с серебряистой кровлей, стояла в моем родном городе, у самого дома, где я тогда жил. Однажды в воскресенье, когда я был совсем маленький, мама привела меня туда. Там сильно пахло ладаном, воском и еще чем-то, и у меня даже голова поначалу закружилась. Но мама

сказала, чтобы я немного потерпел, и подвела меня за руку к большой иконе Всех Святых. Потом она затеплила свечу, другую дала мне и сказала, чтобы я помолился за упокой раба Божьего Николая – про себя, как умею. Я спросил потихоньку, кто это, а мама ответила: когда ей было десять лет, она весной пошла погулять на речку, и лед под ней проломился. Это увидел соседский парень: он бросился в ледяную воду и спас мою маму. Но сам он...

– Утонул?..

– Нет, его тоже вытащили. Но он месяц пролежал в больнице с воспалением легких, а через несколько лет умер: врачи говорили, что его здоровье было подорвано. Мы все существуем лишь потому, что кто-то существовал до нас и ради нас. И умер – хотя бы для того, чтобы освободить нам место. Жизни без смерти не бывает... И смерти без жизни – тоже: ведь чтобы умереть, нужно прежде родиться. Поэтому когда отвергают смерть – вот как эта женщина, – тем самым отвергают и жизнь. Оттого люди этого мира в конце концов предпочли и прославили небытие: оно противоположно и жизни, и смерти, и одинаково отстоит от обеих. И за это Господь от них отвернулся... – Маиши иногда любил вот так, по-взрослому, поговорить со сверстниками: земные ребята наверняка дали бы ему за это какую-нибудь обидную кличку, но среди Божьих слуг это не было принято.

Морти зло сплюнул и произнес:

– Если бы в школе мне какой-нибудь пацан сказал, что

не хочет жить, потому что боится уколоться иголкой, я бы оттащил его до ближайшего унитаза и прямо с башкой макнул туда: авось, хоть тогда мозги у него на место встанут!.. Летим, братья, отсюда прочь, в наш мир: здесь мы все уже видели и слышали!

Он уже расправил крылья; Маиши и Айна приготовились сделать то же самое, но их остановил голос Тодика:

– Стойте, ребята! Мы что же, так его и бросим?

– А что ты предлагаешь? – ответил Морти. – Взять его душу, что ли? Так Господь все равно не примет ее! Этот мир проклят вместе со всеми, кто в нем живет: Маиши правду сказал!

– Его надо убедить, что он был неправ! Пусть покается!

– Убедить? И как ты собираешься это сделать? – возразил Морти. – Ему жить осталось от силы десять минут! Что ты ему за это время успеешь сказать? Что мир хорош? А он возразит, что плох, и вывалит кучу примеров, почему это действительно так. Примерами вообще можно доказать все, что угодно!.. Я понимаю, Тодька: ты хочешь всех спасти, но сейчас тебя уже заносит! Он столько лет жил с мыслями, о которых нам тут вещал, а ты хочешь, чтобы он взял и вдруг от них отказался! Да и потом: старики, знаешь, необучаемы...

Последние слова больше всего смутили Тодика: он вспомнил, как его собственному деду хотели подарить новую удочку со спиннингом, но тот сказал, что лучше будет ловить по старинке: возраст уже не тот, чтобы менять свои рыбацкие

привычки. А тут еще и Майши подключился:

– Твой напарник прав, – сказал он, подойдя совсем близко к Тодику. – Если спорить с человеком, который приучен бить собак, в ответ услышишь одно: «А чего ее не бить, это же собака!» А здесь еще тяжелее... – Майши не договорил свою мысль, но Тодик догадался, какие слова застряли у товарища на языке, и с жаром воскликнул:

– Но ведь и нам приходилось тошно, да еще так, что слезы сами текли, как их не сдерживай! Почему же мы никогда не жалели, что появились на свет? Значит, было в нас что-то такое, что отличало от жителей этого мира! – Тодик еще до конца не разобрался в себе, но надеялся, что это сделали его спутники; с надеждой он обвел их глазами и дольше всего задержал взгляд на Морти, который чуть усмехнулся и сказал:

– Когда нужно идти целый километр до магазина за хлебом в метель, а потом выбивать на снегу половики, как-то не до того, чтобы ерундой маяться. Брат со всеми делами в одиночку не справлялся, а отец уже сдавал...

– Ты ведь любил их?

– Конечно, хоть иногда на них и обижался... Но в глубине души всегда понимал, что они были правы.

– А я любил своих родителей, дедушку и бабушку... И еще, – Тодик густо покраснел, а затем крикнул что было мочи, – я люблю тебя, Морти! Не как брата и напарника – гораздо сильнее и по-особому!.. А Айни и Майши наверня-

ка любили своих подопечных. Любовь – вот то, что придавало нам силы и помогало жить! А люди этого мира не знали такой любви и не верили, что их дети на нее способны... Так давайте покажем ее!.. Объединим наши воспоминания и превратим их в самый прекрасный сон! А Айни пусть навеет его этому бедняге!.. Правда ведь, ты сможешь? – И Тодик испытующе глянул на Айни. – Докажи, что ты самый лучший хранитель!

Айни снисходительно посмотрел на Тодика, будто хотел сказать: «Да тут и доказывать нечего, но если ты так просишь, могу подтвердить это лишний раз» Морти шагнул к Тодику и крепко обнял его.

– Ладно, Тодька, – сказал он, – давай попробуем сделать это вместе!.. Если честно, я не очень-то верю, что у нас получится. Но если бы я сейчас оставил тебя, то и не друг был бы, а... ошметок грязи. – По дворовой привычке Морти хотел выразиться более крепко, но вовремя сообразил, что есть слова, которые Божьим слугам произносить негоже. – Только обещай мне одну вещь: если ничего не выйдет, сильно не переживать! У меня прямо сердце разрывается, когда я вижу, как ты плачешь... Потому что... я тоже люблю тебя.

– Тогда и я с вами, – откликнулся Майиши, и его пухлые, добрые губы тронула чуть заметная улыбка. – Вряд ли, правда, от меня будет какой-то прок: к вашей любви я мало что смогу прибавить... Но чем способен, тем и поделюсь!..

– Спасибо!.. Спасибо, друзья! – Тодик быстро пожал то-

варищам руки и уже вполголоса добавил: – Я все-таки гляну на его душу!.. Мало ли что: вдруг придется повторить... Это недолго!

Старик давно уже дремал: брат смерти сон, более веселый и легкий на ногу, чем его мрачная сестра, обычно приходит к человеку первым. Держа в руке печать, Тодик немного наклонился вперед; лицо его стало серьезным, как у врача, который готов осмотреть больного. Зеленое свечение окутало их обоих – старика и мальчишку; это был цвет вечной жизни и безграничного Божьего милосердия, нежный, словно молодые листья на когда-то взлелеянных хозяйкой этого дома розовых кустах. Маиши уже доводилось однажды видеть, как работают чернокрылые братья, а вот Айни – нет, поэтому ему было очень интересно, но он всячески старался не показать виду. Тодик не обманул друзей и воротился скоро; он выглядел немного опечаленным от того, что пришлось увидеть, но он тут же упрямо мотнул головой, точно стряхивая ненужные сомнения, и решительно произнес:

– С Богом, ребята!

Айни простер свою правую руку над головою старика – невозмутимо и вальяжно. Остальные мальчики возложили ладони поверх руки Айни, одну над другой – сперва Маиши, затем Морти и наконец Тодик: ему важно было, не потревожив товарищей, взять душу, что очистилась их трудами. Каким должен быть целебный сон – длинным или коротким, – этого Тодик не знал, но решил прерваться, как только

трижды дочитает молитву Господню, которую помнил с пяти лет; чтобы не отвлекать друзей, он произносил ее в мыслях. Добравшись до заключительного аминя, Тодик отнял руку и вновь воспользовался печатью. Однако отсутствовал он на сей раз даже меньшее время, чем несколько минут назад, а когда вернулся, ладони его были пусты.

Морти почудилось, что по его спине провели мокрой, холодной тряпкой.

– А где... Тодька, что стряслось? – резко спросил он, взглядевшись в покрытое липким потом лицо товарища.

Тодик сглотнул, затем выдавил из себя какую-то жалкую, неестественную улыбку и произнес чужим, натужным голосом, словно поднимал что-то очень тяжелое:

– Ребята!.. Пожалуйста, не... – Он смешался и сказал: – В общем, мы сделали только хуже.

Мальчишки, сгрудившиеся возле Тодика, остолбенели, и даже дар речи на некоторое время оставил их. Первым его вновь обрел Айни: он громко крикнул, и в его голосе звенела обида:

– Почему? Я же так старался!

– Ты здесь ни при чем. Извини... – пробормотал Тодик; он медленно опустился на крыльцо и сел, обхватив колени руками, потому что и ноги, и крылья отказывались служить. Он чувствовал себя жестоко обманутым, причем в роли обманщика выступил он сам. Точно так же некогда ошиблись, понадеялись на собственный ум жители этого мира, и Тоди-

ку вдруг показалось, что он ничем от них не отличается. И тут новая мысль блеснула в его голове. Тодик вскочил на ноги; от былой растерянности в его глазах не осталось и следа, и он произнес:

– Я все понял!..

Морти изумленно приподнял бровь:

– Тодька! Тебе что, Господь на ухо чего-то нашептал?

– Может быть, и так... Слушайте, братья! Мы явили свою любовь – это хорошо!.. Но ведь не наша любовь спасает, а Божья!

Маиши задумчиво поскреб в затылке.

– Не возьму в толк, о чем ты, – сказал он. – Выразись яснее, если можешь.

– Мы хотели помочь человеку и ввергли его в отчаяние. Здесь могли бы раздаваться голоса его внуков, и теперь ему невыносимо это осознавать. Он верит, что всю жизнь заблуждался и прожил ее зря, но не верит, что Господь утешит его и примет с радостью. А как в это поверить, если мы ничего такого не показали? Мы явились сюда в блеске небесной славы, будто вовсе не нуждались и не нуждаемся в Божьей милости. Как тот фарисей, мы лишь хвалились своими заслугами... Так давайте же откроем и все наши грехи!.. И не только земной жизни, но и нынешней! Всегда ли мы радели о нашем послушании так, как следует? А хоть бы и радели, неужто ни разу не превозносились в мыслях, а то и на словах, над менее стойкими братьями, как сейчас кичились

перед этим несчастным стариком? Прежде мы вспоминали только хорошее. А теперь, ребята, вспомним и все плохое, что мы делали, думали и чувствовали. И покажем, что вопреки этому Господь не отверг нас!..

Айни отодвинулся чуть в сторону и дрогнувшим голосом произнес:

– Но ведь тогда и мы сами все это увидим!..

Тодик кивнул, и Майши немедленно сделал то же самое, но не ограничился кивком, а еще хмуро добавил:

– Здесь так: или все, или ничего!.. Утаить что-либо не выйдет, хотя о некоторых вещах я, наверное, даже матери не рассказал бы...

Лицо Айни сделалось белым, как его крылья, и он еле смог вымолвить:

– То есть иначе никак нельзя?

– Ой-ой! Наш зайчишка-хвастунишка испугался, что мы сейчас узнаем истинную цену его словам! – заметил Морти. – Хотя, казалось бы, тебе-то о чем волноваться? Ты же из всех нас самый чистенький да гладенький, прямо колупнуть негде! Даже удивляюсь, как это тебя до сих пор в рай не взяли! – И, усмехнувшись, добавил с нажимом:

– Похоже, Айни, вся твоя праведность – как запачканные трусы!

Айни и впрямь выглядел так, словно его поймали на занятии, которое свойственно мальчишкам, но в котором мало кто из них рискнет признаться. Он отступил еще на пол-

шага, затем весь как-то съежился и торопливо закрыл руками лицо, плотно-плотно прижав пальцы один к другому. Но одна предательская капля все-таки просочилась сквозь них, и на светлом, сухом настиле крыльца проступило крохотное темное пятнышко.

Тодик встал прямо перед Морти и строго глянул на него.

– Морти, то, что ты сказал, – молвил он негромким голосом, – и к тебе относится тоже. И ко мне... И к Майши... Если бы Господь судил нас по нашим делам, а не по своему милосердию, мы бы и не здесь были, а там, где мрак и скрежет зубовой!.. – Затем он обернулся: – Айни, я понимаю: тебе сейчас тяжело. Но без тебя нам не справиться!.. Обещаю: что бы мы ни увидели, мы никому об этом не расскажем! И никогда тебя не упрекнем. Слово!..

– Слово, – повторил за ним Майши.

– Слово, – произнес и Морти. Ему стало стыдно, что он посмеялся над братом, и с опущенной головой он шагнул к Айни. – Прости меня, пожалуйста... Мир? – И Морти протянул руку с выставленным на ней мизинцем.

Айни медленно отнял от лица мокрые ладони, посмотрел на Морти и улыбнулся сквозь слезы; мальчишки сплели мизинцы и сказали то, что полагается говорить в таких случаях. Затем четверо слуг Божьих вновь соединили свои руки – так же, как в первый раз; в эту минуту чувство общей вины, ответственности и боли связало их гораздо крепче, нежели это могли бы сделать любые клятвы, любое кровное родство,

и ребята сильнее, чем когда бы то ни было, ощущали, что они – братья. Но именно потому Тодику было страшно хоть ненадолго оставить друзей и вновь идти туда, где он однажды уже потерпел неудачу. Однако когда настало время сделать решительный шаг, он выглядел самым спокойным из ребят. Остальные мальчишки проводили его взглядом – и только: они не отваживались ни пошевелиться, ни сказать что-либо, и Айни лишь тяжело дышал, Морти закусил нижнюю губу, а Майши часто моргал широко раскрытыми глазами, точно вслед за Айни собирался заплакать. Но вот Тодик снова появился перед товарищами. Свои ладони он держал лодочкой возле груди, а когда немного раздвинул их, ребята увидели, что между ними как будто светится маленькое солнышко, и нельзя было сказать, что же сияет ярче – оно само или лицо чернокрылого мальчугана, в чьих руках это солнце сейчас находилось. Такую душу уже не стыдно было отнести в Господню житницу. Усталым, счастливым взором Тодик окинул друзей и произнес – шепотом, потому что на большее у него не оставалось сил:

– Спасибо, братцы! Спасибо!..

После этого на мгновенье установилась тишина, но ее разорвал, уничтожил вопль Айни:

– Мы это сделали! У нас получилось!

– Победа! Слышишь, Айни: это победа! – Морти бросился к Айни в объятия; затем они оба схватились за руки и закружились в каком-то сумасшедшем танце, словно и не се-

годня подружились, а давным-давно были знакомы. Майши тоже хотел кинуться к Тодику и так же обнять его, но побоялся сделать больно спасенной ими душе; поэтому он лишь высоко подпрыгнул и крикнул что-то очень веселое. Никогда еще мальчикам не было так радостно, и хотя они понимали, что эта радость скоротечна, как и все радости в этом мире, перед ней одной меркли все блага небытия, и за нее каждый готов был заплатить тысячью годами самых страшных мучений, если бы Господь вдруг поставил такое условие. Но не следовало слишком задерживаться, и, немного отдохнув, ребята двинулись в дорогу: их ждал родной мир. Добытую с таким трудом душу Тодик по-прежнему держал перед собою, а она разгоралась все сильнее, заливая светом весь мертвый город, и казалось, что он вновь наполняется жизнью.

И вот когда вдали показалась знакомая часовня, а над нею – высокий крест с цатой, Майши вдруг сказал:

– Знаете что, ребята? Мне кажется, я тогда ошибся...

Айни, Морти и Тодик так удивились, что даже замедлили полет, и Морти спросил:

– Ошибся? Ты о чем?

– Вы только ничего такого не подумайте!.. – Майши смутился и даже чуть-чуть покраснел: он решил, что друзья неправильно поняли его и встревожились. – Все хорошо... Я просто сейчас рассуждал насчет Божьего промысла. И теперь мне кажется, что прежде я не совсем верно судил о нем. По-моему, Господь с самого начала хотел, чтобы мы, – Ма-

иши запнулся, подыскивая подходящее сравнение, – как бы поднялись по трем ступеням.

– Что за ступени такие?

– А вот смотрите. – И Маиши принялся загибать пальцы. – Сперва мы не оставили человека, которому требовалась наша помощь...

Морти невольно обернулся и глянул на Тодика, который летел чуть позади остальных и весь вытянулся, слушая Маиши. А тот продолжал:

– Это – ступень милосердия. Я так ее назвал, – поспешно добавил Маиши, – вы можете и по-другому...

– Отчего же? – улыбнулся Тодик. – Ступень милосердия – это, пожалуй, неплохо звучит... – И серьезным голосом он добавил: – Вот бы и на земле была такая лестница, чтобы каждый человек мог встать на нее – даже и карабкаться не надо – и сразу же почувствовать себя чуточку лучше!.. Но ты говоришь, есть еще две ступени?

– Ну да! – Воодушевленный тем, что никто не собирается над ним подтрунивать, Маиши заговорил более уверенно. – Вторая ступень – это ступень любви, той любви, которую мы по кусочкам собрали из нашего прошлого и словно пережили вновь. Впрочем, почему словно? Ведь и в самом деле пережили!..

– А третья ступень?

– Это ступень смирения, которого нам не хватало. И не нам одним... Я вот что еще вдруг подумал: мир, откуда мы

вернулись, Господь сотворил именно для того, чтобы укрепить нас в милосердии, любви и смирении. И, скорее всего, другие братья тоже прошли через все это одновременно с нами в одном из множества точно таких же миров. Только некоторые, возможно, так и остались на первой или второй ступени...

– Пойдите, ребята!.. – Голос Тодика дрогнул. – Но если тот мир был всего лишь имитацией, значит, и душа, которую я нес, ненастоящая?

– Нет, Тодика, – возразил Морти. – Пусть даже эта душа и была создана специально затем, чтобы нас испытать, – она ведь сотворена Богом и согрета нашей любовью. Какая же она ненастоящая? И мы обязаны ей не меньше, чем она нам...

– А что же будет с теми братьями, которые не справились и не прошли проверку до конца? – тихо спросил Айни.

– Помолится, чтобы Господь не вменил им это в вину, – промолвил Тодик. – А сами не будем гордиться: мы ведь сделали лишь то, что должны были сделать. И даже меньше: нам еще предстоит дать отчет Богу о нашем путешествии...

– Мы составим его вместе!

Мальчики глянули друг на друга – все четверо. События этого дня снова пронеслись перед их глазами, и каждому показалось, что за последние несколько часов он повзрослел – причем так, что раньше для этого не хватило бы и десяти лет.

* * *

«Хвала тебе, Господи!

Мы побывали в мире, куда направила нас твоя святая воля. Там мы видели жизнь и смерть и научились глубже понимать их. Мы видели правду и ложь и научились их лучше различать. Также мы научились крепче дружить и больше ценить дружбу. А еще мы встретили там человека, чью душу ныне приносим тебе в дар. Пожалуйста, не отвергни ее, а прими в одну из своих обителей. Ибо человек этот помог нам возрасти в милосердии, любви и смирении, чтобы мы всегда держались твоих заповедей, ничего не прибавляли к ним и от них не убавляли.

Морти, чернокрылый брат;

Тодик, чернокрылый брат;

Айни, брат-хранитель;

Маиши, брат-хранитель.

Благодарим за преподанный урок»

Глава 8.

Новая жизнь

Человек спешил. Нахальный встречный ветер пытался сорвать с него шляпу, и потому человек свободной рукою – ибо

в другой был чемоданчик из потертой желтой кожи – время от времени поддерживал ее. Шляпа эта была высокая, с продавленной тульей и широкими полями – словом, такая, какую сейчас уже почти никто не носит. Благодаря ей и торопливой походке человек невольно привлекал к себе внимание и казался чужаком. Но чужаки обычно бывают веселы и беззаботны, а глянув на этого нахмуренного мужчину, добрый ребенок, пожалуй, не решился бы с ним заговорить, а злой – прокричать вслед какую-нибудь дразнилку.

Наконец человек добрался до зеленого трехэтажного дома с белыми колоннами на фасаде и остановился у железной двери под низким козырьком, который худо-бедно укрывал и от непогоды, и от посторонних назойливых глаз. Нужно было отдышаться; кроме того, человек ощутил внезапную робость, так, что ему пришлось выждать две или три минуты, прежде чем он собрался с духом и потянул дверь на себя. Шагнув вперед, он увидел картину, обычную для режимных организаций: в метре от входа располагалась пропускная вертушка, а слева находился пост охраны. Вахтер, уже немолодой, толстый мужчина, посмотрел поверх очков на очередного посетителя и произнес привычную фразу:

– Вы к кому?

– К Прушанскому... Павлу Евгеньевичу, – смущенно уточнил новоприбывший.

– Ваша фамилия?

Человек назвал себя и, чуть замешкавшись, приподнял

свою нескладную шляпу.

– Вам назначено?

– Да.

– На сколько?

– На час пятнадцать.

– Так... – Послунявив пальцы, вахтер перевернул страницу регистрационного журнала. – Сожалею, но в это время у господина Прушанского встреча с представителем департамента.

Человек изменился в лице:

– Не может быть!.. Здесь, наверное, какая-то ошибка.

– Да, видимо, только вот, скорей всего, это вы ошибаетесь, а не мы... Скажите, вы письменно уведомляли о своем визите?

– Нет, мне позвонили...

– Кто?

– Из приемной.

– Вы лично слышали это?

– Нет, трубку взяла жена. Я не успел добежать...

Вахтер усмехнулся:

– Моя жена сказала мне однажды, когда у ней было хорошее настроение, что я похож на Ди Каприо: сами можете рассудить, поверил я ей или нет. Так почему же вы должны верить своей? Наверняка она решила прошвырнуться в одиночку по магазинам, а затем сделать вам сюрприз. Ну, или просто ей захотелось потрепаться со школьными товарками,

чтобы никто не мешал. Ой-вэй, или вы не знаете, зачем вообще супруги могут спровадить своих благоверных из дома? Учить вас, что ли?

Теперь, казалось, уже не только лицо – вся фигура человека стала другой. До этого он держался довольно прямо, и в его осанке было куда больше уверенности, чем в голосе, но сейчас он как-то ссутулился и с трудом выдавил:

– Я ведь приехал из другого города!..

– Сочувствую.

Из кармана своего широкого плаща человек достал мобильник; сделал он это быстро, но с набором номера немного промедлил: точно так же гораздо легче бывает выхватить пистолет из кобуры, чем после этого прицелиться, выстрелить и убить. Впрочем, на другом конце так никто и не ответил, и человек почти целую минуту напрасно простоял с телефоном возле уха; он, наверное, стоял бы и дольше, но тут снова услышал голос вахтера:

– Быть может, вы все-таки отойдете в сторонку? Вам все равно, откуда звонить, а другим не все равно, где стоять, когда я проверяю у них документы.

Человек развернулся и навсегда оставил этот дом, где ему не были рады, но от крыльца далеко не отошел: идти было некуда, поскольку обратный поезд отправлялся только через три часа. Метрах в десяти от парадной двери стояла деревянная скамейка: на нее и уселся незадачливый посетитель, упрямо держа свой чемодан в руках. Было по-прежнему сы-

ро и холодно, но, по крайней мере, ветер улегся, и на скамье можно было вот так просидеть хоть до самой темноты, возникни вдруг такое желание. Впрочем, столько ждать и не потребовалось: спустя какое-то время железная дверь отворилась вновь, и на крыльце появился высокий, стриженный под бокс мужчина с проседью; его сопровождали два столь же рослых охранника. Все трое двинулись к красному автомобилю, припаркованному чуть в стороне; заметив это, человек, сидевший на скамье, сорвался с места и кинулся им наперерез, на бегу стаскивая с себя шляпу:

– Павел Евгеньевич... То есть господин Прушанский! Подождите!..

Охранники моментально преградили ему путь и готовились уже применить силу, однако находившийся позади них мужчина с короткими волосами остановил их; они послушались, но расступаться не стали. Так и продолжился этот странный разговор, при котором собеседники видят не друг друга, а лишь затылки и лица людей, совершенно не интересующихся тем, что по воле случая им доведется услышать.

– Что вам? – спросил Прушанский.

– Дело чрезвычайной важности!..

Прушанский поморщился: подобные слова он в своей жизни слышал уже много раз и потому научился осаждать настырных посетителей при помощи одной-единственной фразы.

– Если вы желаете, чтобы вам выделили грант на исследо-

вание, почему у кошек четыре лапы, а не восемь, – извините, мне сейчас не до того... Я тороплюсь: у меня дома жена и дети.

– У меня тоже!..

– Вот и поезжайте спокойно к ним. А вашу просьбу изложите в письменной форме моему секретарю. Можете даже через нашу электронную почту: он у меня хоть и человек старой закалки, но к современным технологиям относится нормально.

– Но ведь секретарь ничего не понимает в... – Человек, что стоял перед охранниками, запнулся, и короткое страшное слово лишь завертелось на его языке, но так оттуда и не сошло.

– А вы-то сами, конечно же, все понимаете?

Человек растерялся:

– Не совсем, но я...

– Вот когда поймете – милости прошу. А пока – счастливо оставаться.

Обескураженный проситель ничего не ответил, но и не сдвинулся с места, даже тогда, когда перед ним никого уже не было. Он так и продолжал стоять со шляпой в руке, не обращая внимания ни на других людей, вышедших из здания, ни на детей, которые прибежали невзвешенно откуда и затеяли игру в салочки, пока один мальчик лет десяти не остановился рядом и сочувственно не произнес:

– Дяденька, здесь вам ничего не подадут! Ступайте лучше

на вокзал, только завтра: сегодня там дежурит Вован, а он – ментяра злой и всех нищих гоняет!

Только тогда человек вздрогнул и поплелся к вокзалу – разумеется, не затем, чтобы просить там милостыню: он просто хотел наконец-то убраться из этого проклятого города. В зале ожидания он еще раз попытался дозвониться по тому же номеру, что и раньше, и вновь безрезультатно, после чего лишь сидел, опустив голову, – как на вокзале, так потом и в электричке, и кондуктору пришлось дважды окликать его. Выйдя из вагона, он почти сразу поймал такси; водитель, разбитной парень, попытался в дороге с ним заговорить, но пассажир упорно отмалчивался и лишь однажды попросил проскочить на желтый свет – робко, словно боясь, что и здесь ему откажут. Сдачи этот странный клиент также не потребовал, а едва машина остановилась возле нужного подъезда, отдал двести рублей и вышел, ничего не сказав; шофер, пожав плечами и покрутив пальцем у виска, убрал обратно в кошелек сэкономленную пятидесятку. Жил человек в высокой шляпе на верхнем, пятом этаже; туда он буквально взлетел, будто за ним гналось какое-то чудовище, и ладонью придавил кнопку электрического звонка.

«Динь-дон!» – раздалось из-за двери.

Человек дышал тяжелее, чем когда бежал по лестнице; он напряг слух, но до его ушей не донеслись ни звуки шагов, ни привычные, родные голоса. Тогда человек изо всех сил стукнул по звонку – такой удар наносят, только если хотят

убить, – и, кажется, действительно его испортил, потому что вместо обычного звука услышал лишь сиплое, короткое дребезжание. Однако боль позволила человеку ненадолго прийти в себя, и когда через минуту он открыл ключом дверь, лицо его было по-прежнему покрыто густым, липким потом, но, по крайней мере, руки больше не тряслись. Казалось, в квартире не изменилось ничего, разве только что в прихожей теперь не было детской каталки и белых туфель на высоких каблуках. Но вечер – такое время, когда матери привыкли гулять со своими детьми: человек ухватился за эту мысль и с ее помощью попытался отогнать от себя тревогу. Он еще мог выносить ее на улице или в чужих стенах, но здесь, в его собственном жилище, она легко могла свести с ума, если бы вернулась с новой силой. Не спеша сняв плащ, человек повесил его на латунный крючок шкафа, затем на полку рядом положил шляпу, прежде смахнув с нее дорожную пыль, после этого достал из чемодана какой-то странный прибор – металлический ящик с четырьмя отверстиями будто бы для наушников, антенной и экраном осциллографа. Эти простые будничные движения как-то успокаивали и помогали не верить, что самое страшное все-таки произошло. Человек еще вспомнил: утром он так торопился, что не полил цветы в горшке – те цветы, которые купил в день свадьбы; он всегда поливал их сам, и благодаря его стараниям они были до сих пор живы. Налив на кухне немного воды, человек направился в спальню, но когда дошел до подоконника с цветами, за-

метил нечто необычное: между стеблями был втиснут белый листок, наскоро выданный, очевидно, из записной книжки, и до того крохотный, что даже бумажного самолетика из него сложить при желании не получилось бы. Листок этот, казалось, был совершенно чист, однако взяв и развернув его, человек увидел несколько слов, выведенных очень мелким и до дрожи знакомым почерком. Прочитать их можно было секунд за десять, и человек, действительно, примерно столько держал листок возле своего лица, однако затем долго еще не решался его выпустить, даже когда отошел от окна. Он точно надеялся, что если сжимать эту бумажку в кулаке какое-то время, смысл написанного на ней изменится. Наконец он медленно опустился на стоявшую посреди спальни кровать, делить которую отныне было не с кем.

Все было кончено. Хозяин опустевшей квартиры осознал: его и впрямь выманили сегодня из дому только для того, чтобы не произносить вслух те слова, которые он только что прочел. Так было проще всего, ибо бумага равнодушна к слезам других, да и сама не умеет плакать. Но у человека уже не оставалось сил винить кого-либо, и, кроме того, он чувствовал, что просто не вправе это делать. Да, сегодня его обманули, но разве он сам много раз не обманывал дочь и жену, не обещал первой, что сводит ее в планетарий, а второй – что подарит духи, о которых она давно мечтала? Даже сами их отношения начались с обмана: он ведь уже на первом свидании клялся, что будет богат и знаменит; именно такого

мужчину она и хотела видеть рядом с собою, а не нервного неудачника. А одна неудача тянет следом другую: нынешний день отнял у него все.

Впрочем, кое-то еще оставалось. Человек встал и поплелся назад на кухню, к холодильнику.

Двумя часами позже человек еще не спал, хотя почти опорожнил бутылку к тому времени и его сознание, поскольку он ничего не ел в дороге, начало мутиться едва ли не с первым глотком. Сидя вполоборота к темному окну, он уставил в него осоловелый взгляд и что-то бубнил себе под нос, как привык делать, когда напивался, и раньше в такие минуты жена старалась увести дочку подальше. В какой-то миг человеку померещилось, что позади вновь раздался знакомый топот крепких, непослушных ножек, и потому он оглянулся. Его глаза встретились с глазами белокрылого мальчика, который стоял у входа в кухню и с грустью смотрел на владельца квартиры: так смотрят на старого друга, который совершил что-то нехорошее, хоть его об этом и предупреждали. Мальчик как будто хотел что-то сказать, но сейчас он все равно бы не сумел найти никаких слов утешения, даже если бы пьяный мужчина услышал его голос. Поэтому взрослый человек снова потянулся к бутылке, решив все-таки опустошить ее в этот вечер до самого дна. Набралось почти на полрюмки; мальчик, как и прежде, молчал, точно мраморная статуя за кладбищенской оградой, и ни одно из его широких крыльев не шелохнулось, только по его печальному

лицу медленно потекли слезы.

* * *

– Ребята!.. Прошу вас: помогите моему подопечному.

– Ты что, хочешь, чтобы мы... – Тодик с ужасом посмотрел на стоявшего перед ним со склоненной головою мальчугана-хранителя.

– Нет, разумеется! Просто поговорите с ним!.. Быть может, ему станет легче...

Морти и Тодик недоуменно переглянулись; незнакомый мальчик, похоже, испугался, что они тотчас же улетят, и поэтому торопливо добавил:

– Понимаю, это все выглядит странным, но вчера в бреду он снова произнес ваши имена. Он знает, что вы существуете!.. Я не могу этого объяснить, но мой подопечный раньше проводил какие-то эксперименты, что-то связанное с физикой или биологией. Простите, я не силен в подобных вещах... – Мальчик смущенно умолк: похоже, он не успел изучить такие предметы в школе или же больше тройки по ним никогда не имел. – Даже если он не увидит и не услышит вас, вы мне все расскажете, а я наведу сон, какой нужно. Хотя бы так... Пожалуйста!.. – Губы мальчика задрожали, а ноги сами начали подгибаться в коленях; заметив это, Морти кинулся вперед и подхватил его:

– Не надо, не надо, что ты! Вот разнюнился, как шестилет-

ка, честное слово!.. Слушай, Тодька: может, и впрямь ненадолго смотаться с ним вместе? Сам же видишь: плохо человеку... А если ты устал, я один полечу... – Морти так сказал не просто из вежливости: они только что препроводили еще одну добрую душу к воротам рая и надеялись хорошенько отдохнуть, а тут вдруг появился этот мальчик со своей необычной просьбой.

Тодик слегка улыбнулся и тут же вновь стал серьезен:

– Морти, так нас вроде бы обоих звали... Станет трудно – ничего, потерплю!.. Знаешь, – молвил он, шагнув к белокрылому мальчику, – ты, должно быть, очень хороший хранитель, раз так переживаешь за вверенного тебе человека. А мне было бы интересно с ним пообщаться!.. Но показывай уже дорогу...

Морти отпустил мальчика; тот еще несмело глянул на чернокрылых братьев и кивком поблагодарил их. Затем ребята взлетели; путь их оказался недолог, и через какую-то четверть часа они приземлились на ребристую крышу пятиэтажного кирпичного дома. Чуть поодаль виднелся детский садик, где уже погасли все огни, а за ним – небольшой стадион с искусственной травой и без прожекторов. Местность эта не показалась Морти знакомой, но Тодику почудилось, что они здесь когда-то были. Несколько приободрившийся белокрылый мальчуган велел подождать минуту и исчез, но вернулся даже быстрее, чем обещал, и сказал приглушенным голосом:

– Он уже немного выпил... Но это, может, и к лучшему: встреча с вами не очень его напугает. А говорить он сейчас способен!.. Давайте за мною!

– С Богом! – произнес Морти.

Сквозь крышу друзья проскользнули сперва на чердак, а затем в кухню обычной городской квартиры, настолько узкую, что, раскинув крылья, можно было бы коснуться ими противоположных стен. Почти все пространство было занято электрической плитой, покрытой желтыми пятнами, старым холодильником и тяжелым столом с наброшенной на него льняной скатертью: раньше, очевидно, она была белой и в цветочек, но теперь настолько запачкалась, что требовалось напрячь зрение, чтобы различить узор. Вообще все вокруг было настолько грязным, что мальчик-хранитель вино-вато улыбнулся, будто извиняясь перед Морти и Тодиком, что привел их в столь неприглядное место. Сидевший за столом человек был под стать обстановке – неопрятный и нечесаный; уголком глаза он заметил чернокрылых братьев и, кашлянув негромко, пристально посмотрел на них. В его взоре не читалось страха, а было лишь легкое удивление, словно в квартиру заглянули двое давних знакомых, которые не предупредили, что именно сегодня явятся. Затем человек глухо спросил:

– Вы пришли за мною?

– Мы пришли не за вами, а к вам, – поправил Морти и умолк: прежде ему не доводилось беседовать с пьяными, и

тут же вспомнился отцовский наказ держаться от таких людей подальше. По счастью, Тодик пришел на помощь:

– Вы ведь о нас знаете!.. Откуда?..

– Меня всегда интересовала смерть, – медленно проговорил мужчина. – Еще когда мне было пять лет, я видел с друзьями, как стая бродячих собак разорвала на улице кошку. Она была беременна, и поэтому не смогла убежать. Нерожденные котята – их было пять штук – вывалились из ее брюха прямо на асфальт... – Человек икнул; казалось, его сейчас вырвет, но он пересилил себя. – Когда после этого ночью я проснулся, то почувствовал, что простыня подо мною мокрая... А поутру как раз позвонили из другого города и сказали: моя бабушка, мать отца, умерла, и всю нашу семью ждут на отпевание и поминки. Мои родители уже знали, что я увидел накануне, и поэтому категорически не желали брать меня с собой, но дядя, брат матери, сказал: «Тогда тем более ребенку надо проститься с бабушкой: неужели вы хотите, чтобы при слове «смерть» он еще долго вспоминал лишь растерзанное животное?» Когда мы приехали, в церкви было уже много народу, священник что-то говорил, а бабушка лежала в гробу, печальная и добрая: она казалась совсем живой, будто вот-вот повернет голову, улыбнется и перекрестит меня. И мне ничуть не было страшно!.. Об этом я часто вспоминал, когда занимался танатологией...

Морти поднял руку, как в школе, и переспросил:

– Простите, чем вы занимались?

– Танатологией... Это наука о смерти, – пояснил мужчина.

Тодик легонько подтолкнул товарища и прошептал ему на ухо:

– Слыхал, Морти? О нас с тобою, оказывается, целую науку сочинили! А я и не знал!..

Морти состроил нарочито строгую мину и погрозил пальцем:

– Тодька, не зуди! Дай человеку договорить...

– Я старался постичь великую тайну смерти, – продолжил мужчина. Он уже не смотрел на ребят, а уставил глаза куда-то в потолок: видимо, так легче вспоминалось. – И вот однажды в какой-то статье вычитал: когда умирают близкие люди – близкие во всех смыслах, – их мозговая активность делается очень похожей. Это как настроенные на одну частоту радиоприемники... Я предположил, что при таких условиях возможен обмен биоэлектрическими импульсами, и то, что видно перед смертью одному человеку, будет видно и другому. Именно такой опыт я и решил поставить, но мне требовался доброволец. Родители мои к тому времени уже умерли, однако дядя – тот самый, который когда-то дал им добрый совет – был жив, хоть и тяжело болел: врачи давали ему не более двух лет – он продержался дольше на целых полгода... Я ему рассказал о своей задумке, и он согласился помочь мне. С тех пор, хоть мы и так жили душа в душу, он делился со мною всеми своими мыслями, всеми переживаниями, чтобы мы окончательно сроднились и мой экспе-

римент увенчался успехом. Наконец день, которого мы так долго ждали, настал: дядя простился с женой и друзьями и затем попросил, чтобы нас оставили наедине. Я сел на стул возле его кровати; дядя посмотрел на меня в последний раз, закрыл глаза и что-то прошептал – я не смог разобрать, что именно. Через десять минут началась агония. Тогда я поставил у изголовья аппарат, который сам сконструировал. Это был опытный образец, вы можете взглянуть на него: он сейчас стоит в комнате, у зеркала... К нему я подсоединил две пары электродов: одну укрепил на дядиной голове, другую – на своей собственной. А после этого я сделал то, о чем не предупреждал дядю, иначе бы он наотрез отказался мне помогать: вколол себе такую дозу дигоксина, чтобы очутиться на грани жизни и смерти. Сперва мне почудилось, что все вокруг окрасилось в какой-то желто-зеленый цвет, а потом передо мною появились вы... Я тогда толком даже не разглядел вас – перед глазами все было словно в тумане, но слышал, как вы окликали друг друга. Прежде я много раз наблюдал умирающих людей, и в смерти некоторых из них мне упорно чудилось что-то осмысленное, словно она была живым существом. Теперь всему нашлось объяснение... Однако требовалось еще убедить в этом прочих исследователей, сделать так, чтобы и они смогли подключиться к чужому сознанию и увидеть то же, что видел я. Для этого необходимо было усовершенствовать мой аппарат, а это стоило очень больших денег, и найти единомышленников, которые, подобно мне, готовы

были бы рискнуть жизнью: ведь меня тогда едва откачали. Не перечислить, сколько порогов я обил, сколько звонков сделал... Но проку не было: некоторые считали, что я мошенник, другие – что сумасшедший, а один профессор вообще рассмеялся мне в лицо и заявил: при такой-то фантазии, молодой человек, вам следует сказки для детей сочинять, а не наукой заниматься. А я ведь и впрямь выдумывал о вас разные истории – сам для себя, только чтобы отвлечься: как вы дали одному человеку отсрочку на три дня, чтобы он успел примириться со своим давним врагом, как вы однажды поссорились, но быстро поняли, что жить не можете друг без друга... Но это было таким же пустым занятием, как и все, что я делал. Последнюю попытку я предпринял ровно месяц назад, и тогда же от меня ушла жена вместе с дочерью... – Ближе к концу своей речи мужчина уже начал заикаться, как бывает с нетрезвыми людьми, которым приходится много говорить, а едва произнеся последнее слово, отвернулся к стене, будто давая понять, что двое незваных гостей ему больше не интересны. Он еще не умолк, но теперь с его губ срывалось только глухое бормотание, в котором, пожалуй, и сам Бог не сумел бы ничего разобрать.

Тодик вздохнул и легонько коснулся руки стоявшего рядом товарища:

– Летим, Морти...

– Подождите, ребята! А как же?.. – Мальчик-хранитель встал перед чернокрылыми братьями и растерянно поглядел

на них. – Ведь вы...

Тодик ласково взял его за плечи и тихо вымолвил:

– Прости! Но мы не знаем, о чем с ним говорить сейчас. Кроме того, я боюсь, не сделать бы хуже... Не отчаивайся, мы что-нибудь придумаем!..

Последние слова Тодик произнес безотчетно, как ему велело сердце. Но они не были брошены на ветер, ибо Тодик действительно думал, можно ли здесь хоть как-то помочь, – когда вместе с Морти летел обратно через темный, засыпающий город и когда мальчики договорились на время расстаться, чтобы каждый поразмыслил в уединении. Стоя совсем недавно на грязной, пропахшей спиртом кухне, Тодик казался рассеянным, но на самом деле запомнил всю услышанную сегодня пьяную исповедь, и мальчику казалось, будто в ней звучал упрек и ему, и Морти, и всем Божьим слугам. А если какие-то слова его тревожили, Тодик вновь и вновь повторял их про себя; так было и теперь, пока одна-единственная фраза, ничем не примечательная, вдруг обрела для Тодика новый, совершенно неожиданный смысл. Он не был сокрыт в глубине, а, как часто говорят взрослые, лежал на поверхности, но тем сложнее было разглядеть его и принять: так иногда не верится, что зерно, брошенное неглубоко в землю, перезимует, прорастет и, по обетованию Божьему, даст людям много плода. Тодик немедленно поспешил к Морти, который был здесь же, недалеко, и поделился с ним своей догадкой. А поутру, когда только забрезжил рас-

свет, они уже были вновь возле того самого дома, к которому прилетали накануне и где их ждал новый друг, белокрылый мальчик.

– Я и Морти еще раз побеседуем с твоим подопечным, – сказал Тодик, наклонившись к хранителю и взяв его за руку. – Долго говорить не станем – просто дадим совет: больше мы ничего не способны для него сделать!.. Не знаю, правда, послушает ли он нас, а если даже и послушает, это, быть может, и не спасет его... Но попробовать стоит – так мы оба думаем...

– Только пусть для начала бросит пить! – добавил Морти. – Мы, разумеется, скажем ему и об этом, но ведь не сможем быть возле него все время: у нас свое послушание... Так что помоги ему!.. Он ведь совсем один, и кроме как на тебя, ему больше не на кого опереться. А нет ничего хуже, чем когда человек считает себя одиноким и брошенным. Нельзя пережевывать свои чувства в себе!.. Знаешь, – и тут Морти чуть заметно улыбнулся, – поэтому ты молодец, что все рассказал нам.

Мальчик с белыми крыльями молча кивнул. Он понимал: еще ничего не было решено, и последняя ночь выдалась для него нелегкой. Однако сейчас он почувствовал в себе силы не только убереечь вверенного его заботам человека, но при необходимости и понести бремя других братьев. Так и ему помогали сейчас, и так повелел сам Господь, дабы священнейшая из его заповедей – о любви, которая долготерпит, не

превозносится и покрывает все грехи, – не была в пренебрежении вовеки.

* * *

«Спасибо...»

Это слово стояло последним на листке, вынутым из обычной школьной тетради, и нацарапано оно было столь неразборчиво, что за такой почерк учительница наверняка бы выше тройки не поставила. Но это было единственным, что одиннадцатилетний мальчик написал сам, а не надиктовал медсестре, – мальчик, который в ожоговом центре уже не один день боролся с мучительной смертью. Победа казалась еще очень сомнительной и далекой, однако мальчик надеялся, что когда-нибудь бинты снимут с его лица, и тогда он сам, без посторонней помощи прочтет ту книгу, которая теперь помогала ему жить. И сейчас он заочно благодарил написавшего эту книгу человека. Человек этот и сам многое перенес из того, чего другим не пожелал бы, но теперь, читая только что распечатанное письмо, он почувствовал: все его мытарства были не напрасны. И ради этих нескольких строчек благодарности он, пожалуй, согласился бы пройти и через стократ более тяжкие испытания. Мальчик еще признался, что он очень хотел бы уже сейчас получить бумажный вариант с автографом, и человек потянулся к небольшой стопке книг, что стояла возле клавиатуры. Он взял самую верхнюю

из них, перевернул обложку, где были изображены двое крылатых мальчишек, и на оборотной стороне написал свое имя и фамилию. Завтра он отнесет эту книгу на почту, а еще через три дня, если ничто не задержит, она окажется в почтовом ящике больницы. Оттуда ее заберет медсестра и отнесет наверх, в самую страшную палату, где лежат дети и откуда мало кто из посетителей способен выйти без слез. Но сами маленькие пациенты почти не плачут, даже когда боль оказывается сильнее лекарства и заставляет вскрикивать по ночам. Ибо в их сердцах, несмотря ни на что, теплится вера – та вера, которая движет горами и которая могущественней всего на земле.

– Папа...

Занятый своими мыслями человек даже не сразу обернулся, и лишь когда его окликнули вторично, ласковым и чуть смущенным голосом произнес:

– Прости, солнышко, я что-то задумался... А ты почему не спишь?

Маленькая девочка приподняла над подушкой голову и лукаво глянула на отца:

– Папа, а ты ведь сейчас сочинял новую сказку, правда? А о чем она будет? Расскажи!..

Человек улыбнулся, сел поближе к детской кровати и не спеша стал говорить. Эту историю он еще не доверял бумаге, но твердо знал, что непременно опубликует и ее. И тогда она, быть может, утешит еще одного несчастного ребенка, а

ребенку счастливому позволит не заноситься и быть милосерднее к другим. Девочка слушала, широко раскрыв глаза и боясь пропустить хоть слово. Но постепенно, как бывает с детьми, она перестала различать, где кончается чужая выдумка и начинаются собственные грезы, взор ее затуманился, и сладкий, здоровый сон смежил ей веки до самого утра. Мужчина заботливо поправил ей одеяло и подошел к окну. За ним царила непроглядная тьма, ибо час был поздний, но человеку вдруг почудилось, что где-то вдаль он вновь увидел двух знакомых мальчиков, которые некогда дали ему добрый совет, а теперь несли очередной созревший плод в Господне хранилище. И человек про себя молвил:

«Храни Всевышний и вас, ребятки... Вы подарили мне жизнь»

Глава 9.

На верном пути

Любая, даже самая малая травка тянется к солнцу, и если легкие ребячьи ноги все же сомнут ее, она вскоре распрямится, словно никто и не резвился на лужайке каких-то полчаса назад. Точно так же от корабля, идущего далеко в море на всех парах, в обе стороны расходятся волны, но спустя малое время они исчезают, и поверхность воды делается совершенно гладкой, как бывает при штиле. Но небо хранит

свои тайны еще надежней, чем земля и чем океан: ведь крылья в воздухе не оставляют даже таких зыбких следов, и куда Морти и Тодик сегодня держат свой путь, не скажет никто, кроме них самих и Господа Бога.

А вот представим, что какая-нибудь добрая душа решит все же их найти – хотя бы для того, чтобы поблагодарить за проявленную к ней заботу. Конечно, ей следовало бы сделать это раньше, но ведь и мы иногда забываем сказать «спасибо» человеку, а потом спохватываемся. Словно легкий огонек, невидимый людям, полетит она над землею, и встретит на своем пути прекрасный сад, где собраны все цветы, какие только есть на этом свете. Спустившись пониже, душа заметит маленькую желтую маргаритку и спросит ее о Тодике и Морти, поведав о них то, что запомнила. И маргаритка ответит – чуть жеманно, как приличествует благовоспитанной барышне:

– Я слыхала от перелетных птиц, что те двое уже в раю. А раз так, до нас им нет никакого дела, в особенности до тех, кто, подобно мне, не вышел ростом. Право же, это обидно: пусть я и невеличка, но наше имя происходит от морских жемчужин, а значит, мы, маргаритки, в каком-то смысле родственны им...

Но торчащий рядом гладиолус тотчас возразит ей – он ведь господин сухопарый, важный, а такие чрезвычайно склонны поправлять других:

– Не всякому пустопорожнему щебету можно верить, су-

дарыня, да-с! Смею заявить, что те чернокрылые братья, о которых шла речь, до сих пор несут еще свое послушание!.. Я ведь самый высокий среди присутствующих и, соответственно, ближе всех к небесам, так что мне ли не знать намерений Господа... – И бедная душа останется в недоумении, не зная, кому же верить, особенно если в беседу встрянет растущий чуть поодаль красный мак, большой любитель подпустить туману да дурману, и молвит: между тем, что сегодня сказали, нет принципиальной разницы, как нет ее между наполовину полным и наполовину пустым стаканом или между жизнью и смертью.

И действительно: не во всем сразу и разберешься.

* * *

Крылья Морти были чуть разведены, и между его острых лопаток блестела круглая капля пота: это Тодик хорошо видел, потому что находился чуть позади товарища; отчего-то в решительный час именно такие мелочи врезаются в память и навсегда остаются в ней. А еще Морти что-то говорил – негромко и недолго; когда же он закончил, ребята услышали:

– Разве вы считаете себя недостойными упокоиться в обители блаженных, а все труды свои приравниваете к сору, который годен лишь на то, чтобы его выбросить?

При этих словах Морти встал с колен и выпрямился, ибо просить минуту назад можно было со смирением, но отве-

чать теперь требовалось с достоинством, будто и не от своего имени или имени Тодика, а от лица всех чернокрылых братьев:

– Напротив, Господи! Мы навеки благодарны тебе, что ты позволил нам работать в твоём саду и причислил к тем, кто прежде избавил святую Агафью и ее сестер от мук, а избранный тобою народ спас от меча Сеннахериба!.. Но как раз поэтому мы желаем и впредь служить тебе – до тех пор, пока ты не повелишь, чтобы и самой смерти больше не было.

– А как же твоя мать, Морти? Ты ведь даже не видел ее в земной жизни. Неужели ты не хочешь поселиться в раю вместе с нею?

Морти вздрогнул: ведь он был всего лишь мальчишка, и, похоже, мысль о матери на какой-то миг его смутила. Однако спустя малое время он собрался с духом и произнес:

– Хочу, Господи! Но отец как-то сказал мне и брату, чтобы мы росли порядочными людьми, и нашей маме не было бы за нас стыдно. Брат тогда промолчал, а я спросил: «Папа, а кто такой порядочный человек?» Отец ответил: «Тот, который думает не только о себе» И когда мы с Тодькой провожаем в последний путь очередную душу и стараемся ее утешить, я все чаще вспоминаю эти слова. И надеюсь, что моей маме за меня действительно не стыдно, а даже наоборот: она могла бы мною гордиться... Это главное!

– А ты, Тодик, что скажешь?

Тодик не медлил ни секунды; он шагнул вперед и выпал-

лил:

– Я – как Морти!.. Мы заодно!

И тогда до ребят снова донесся глас Господа, однако теперь он звучал более ласково – так обычно благословляют перед дальней дорогой:

– Что ж, дети, будь по-вашему.

Двое мальчиков взяли за руки и молча поклонились.

* * *

«Что это было? И было ли вообще?»

В глаза Тодика светила Большая Медведица, такая же холодная и молчаливая, как всегда. А чуть выше изгибалось созвездие Дракона, подобно древнему змию, вознесенному некогда посреди пустыни по воле Божьей. И оба жителя заоблачных высот ничего не могли поведать Тодику; впрочем, он и не к ним обращался: ответ на вопрос, который томил его, надлежало искать в собственном сердце.

«Мы действительно принесли себя в жертву? Отказались от рая, чтобы навсегда остаться чернокрылыми братьями? Но когда это случилось? Впечатление такое, что не раньше, чем двое суток тому назад... Но вчера, помню, мы только спускались к мальчугану трех или четырех лет, который нечаянно хлебнул уксусной эссенции; когда Морти взял его на руки, он ревел, хотя больно уже не было, и не хотел лететь с нами: нам еле удалось его успокоить. А позавчера мы и во-

все не получали откровения, лишь болтали между собою да играли в догонялки над озером. И ничего больше в те дни вроде бы не происходило. Значит, все это мне приснилось... Но разве мы способны видеть сны?..»

Тодик совсем растерялся. Он понимал, что во сне легко видеть себя героем и воображать невесть что, скажем, как ты без запинки отвечаешь урок, хотя бы его и не учил. Но когда на следующее утро тебя вызывают к доске, ты мнешься, вертишь в пальцах кусочек мела, жалким взглядом обводишь одноклассников и в конце концов даже не обижаешься, когда учительница ставит тебе заслуженную двойку. И точно так же Тодик не мог сейчас поручиться, что наяву он был бы таким же смелым, как Морти, и поддержал товарища в непростую для него минуту. Это сомнение было нестерпимей всего; прежде Тодик, если взывал в мыслях к Богу, никогда не просил о себе, только о других, но теперь он с трепетом произнес, глядя в усыпанное яркими звездами черное небо:

«Господи, просвети меня!»

Могильная тишина стала ответом; такая, наверное, была в первый день творения, когда совсем юная Земля была еще безвидна и пуста, и Дух Божий носился над водою. Тодик продолжал молиться, но скоро понял, что больше не в силах оставаться в одиночестве. И потому он отправился разыскивать Морти.

Уже светало, когда двое друзей наконец-то встретились. Тодик не знал, с чего начать, не знал даже, стоит ли начи-

нать вообще и нагружать брата своими проблемами. Однако Морти, заметив, что взгляд Тодика стал каким-то чересчур серьезным, сразу заподозрил неладное и немедленно потребовал объяснить, что же стряслось. И Тодик все ему рассказал. Морти слушал, даже не пытаясь особо скрыть свое изумление, с широко раскрытыми глазами, а потом воскликнул:

– Тодька!.. Я ведь тоже это видел!

У Тодика перехватило дыхание:

– Когда?

– Очень давно, еще в земной жизни. Я тогда не пошел на концерт «Алисы», отдал билет какому-то пацану, который потерял свой: он сидел на скамье один-одинешенек и всхлипывал. А следующей ночью и привиделось то, о чем ты говорил сейчас. Я тогда еще подумал: что за хрень, откуда у меня крылья и что вообще все это значит... Ну, и забылось, соответственно: у меня память на сны всегда была дырявая... – Эти слова Морти произнес чуть приглушенным тоном, будто бы извинялся. – А вот ты теперь напомнил!..

– Что ж получается, Морти?.. Господь уже тогда решил, что наше место не в раю, а здесь? И добивался лишь того, чтобы мы сами это поняли?

– Ты расстроен?

– Просто еще не пришел в себя... Слишком уж внезапно все вышло, я и обдумать-то как следует не успел. И не готовился...

Морти ухватил товарища двумя пальцами за подбородок

– ласково и совсем не больно, как иногда любил делать, и в его глазах зажглось то, что обычные ребята иногда зовут чертовщинкой, а в языке чернокрылых братьев для этого нет удобного названия:

– Тодька – врушка, нос, как ватрушка!

Тодик даже опешил:

– Почему это я – врушка?

– Не готовился, говоришь? А скажи-ка мне: о чем мы с тобой мечтали?

Тодик вспомнил давнюю беседу, которую он и Морти когда-то вели на крыше одной из городских высоток, между землей и небом, одинаково причастные и дольному, и горнему, и ответил:

– Чтобы Бог не разлучил нас!..

– Но раз он не будет этого делать, значит, наша мечта сбылась!.. А больше рай нам ни для чего и не был нужен! Теперь вот это все, – Морти широко повел рукою, и вся шутливость сошла с его лица, – наш с тобою рай!.. Где у меня есть ты, а у тебя есть я... И мы можем вместе творить добро во имя Господа!.. Разве это не здорово?

– Выходит, Морти, – Тодик помедлил, чтобы собраться с мыслями, – мы все это время были в раю? Просто сами не понимали этого?

– Нет, Тодька, – Морти покачал головою, – в раю мы не были. Что же это за рай, из которого хочется сбежать? Рай наш мы обрели только сегодня, когда Бог открыл нам глаза

на наше истинное предназначение. Должно быть, он счел: мы достаточно созрели, чтобы принять его волю!..

– Царство Божие – внутри вас... – Чуть осмелев, Тодик вспомнил слова, с которыми Спаситель некогда обратился к людям, вопрошавшим его.

Морти согласился:

– Да!.. Хотя, наверное, Морти из моего сна – это не совсем я. А Тодик из твоего видения – не совсем ты... Те ребята лучше нас: они бескорыстнее и храбрее. Но мы ведь можем до них дорасти! – Рассмеявшись, Морти задорно взметнул руку к небесам и тут же вдруг почувствовал, что она отяжелела, а пальцы сжимают что-то очень хорошо знакомое, какой-то длинный деревянный предмет с натянутыми на нем струнами. В следующую секунду Морти понял, что это гитара – точно такая же, какая была у него, когда он жил вместе с отцом и братом. От неожиданности Морти разжал было пальцы, и гитара тотчас же исчезла, но она вновь появилась, стоило мальчику попытаться опять стиснуть руку в кулак. Еще не отваживаясь до конца поверить, Морти в упор посмотрел на Тодика. Он ничего не говорил, но Тодик, глядя брату в глаза, понял, что тот счастлив, и оттого ему самому стало радостно. Придвинувшись близко-близко к товарищу, Тодик шепнул:

– Морти, ты ведь хотел, чтобы в раю у тебя была гитара. Помнишь?

– Так значит, Господь и взаправду ввел нас нынче в рай!..

Благодарю тебя, Боже! Ну-ка, попробую... – Привычным движением Морти ущипнул струны, стараясь извлечь сначала аккорд до мажор, а потом – си минор. – Получается!.. У меня получается, Тодька! Я ничуть не растерял навыка! Теперь я могу не только петь, но и играть! Вот послушай!.. – Морти уже перехватил гитару поудобнее, но Тодик его остановил, а за миг до этого он вздрогнул и повернул голову куда-то влево, точно его окликнули по имени:

– Я обязательно послушаю, Морти! Но чуть-чуть погодя!.. Сейчас нам некогда!

Морти встрепнулся:

– Ты получил откровение?

Тодик кивнул:

– Один человек с чистой душою ждет нас. В своих мыслях он давно уже с Господом, но попросил у него отсрочку, чтобы успеть проститься с сестрой, которая приехала из далекого города. Они только что закончили говорить и...

Морти даже не дал другу досказать:

– Так что ж мы, Тодька, прохлаждаемся? Вперед!

Оба мальчика взмыли в вышину – одновременно, будто ни один не хотел уступать первенства в том, что касается Божьего дела. Они летели на восток – туда, куда Тодик прежде указал рукою, навстречу солнцу, которое поднималось над миром и дарило ему жизнь. Вскоре маленькие фигурки двух чернокрылых братьев растворились в сиянии нового дня, и никто с земли не смог бы отследить их путь. Но он всегда

останется прям и угоден в глазах Господа, куда бы Морти и Тодик ни направились в будущем.

Потому что Бог никогда не оставит своих добрых слуг без попечения.